

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»

Институт новых информационных технологий
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»

И. И. Докучаев

ОСНОВЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Учебное пособие

Комсомольск-на-Амуре
2013

Докучаев, И. И.

Основы теории коммуникации: учеб. пособие / И. И. Докучаев. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013. – 105 с.

В учебном пособии содержится обоснование методологических принципов изучения истории общения и коммуникации. Даются важнейшие теоретические положения, позволяющие определить сущность, структуру и исторические источники изучения общения и коммуникации. Подробно анализируется онтологический и культурологический статус общения и коммуникации. Определяются возможности исторического исследования участников, кодов, контекстов и каналов общения и коммуникации, а также основные принципы исторического изучения важнейших форм межсубъектного взаимодействия. Описываются исторические типы общения и коммуникации, то есть предлагается историческая типология общения и коммуникации. Выделяются важнейшие признаки основных исторических типов общения и коммуникации: функционального, ролевого и интерперсонального. Обосновывается динамика исторических изменений межсубъектного взаимодействия в контексте важнейших исторических типов культуры: архаической культуры, традиционной (в ее ремесленном, земледельческом и скотоводческом вариантах), креативной (на всех этапах ее становления: в эпоху абсолютизма, позитивизма и век массовых коммуникаций).

Учебное пособие предназначено для студентов заочной формы обучения с использованием дистанционных технологий, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью» и составлено с расчетом на самостоятельную работу при изучении курса «Основы теории коммуникации». Пособие может оказать помощь студентам в подготовке рефератов, курсовых и дипломных работ.

- © Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет», 2013
- © Институт новых информационных технологий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет», 2013

ВВЕДЕНИЕ

Общение - есть конкретное и целостное (духовное и практическое) взаимодействие уникальных субъектов, взаимопроникновение двух содержательно бесконечных форм бытия. Анализ основных определений общения, предложенных в различных областях научного знания в XX веке, содержится в статье Ф.Дэнса (см: Дэнс, 1970, С. 201 - 248). Предложенное в настоящей работе определение общения опирается на концепцию intersubjectivity, сложившуюся в феноменологии, диалогической и экзистенциальной философии. Его подробное обоснование содержится в нашей монографии (см: Докучаев, 2001). Общение необходимо отличать от коммуникации и от общественных отношений. В отличие от коммуникации общение представляет собой деятельность двух субъектов, а не деятельность, в которой хотя бы один из участников является объективированным, то есть лишенным всей полноты своей человеческой уникальности и активности. Общение и коммуникация представляют собой два вида межсубъектной деятельности. В отличие от общественных отношений общение есть конкретный деятельностный процесс, а не абстрактные соотношения признаков и количественных данных. Эта пара понятий, на наш взгляд, является аналогом знаменитой оппозиции "общность - общество", описанной Ф.Теннисом (Теннис, 1920).

В последнее время в учебных планах многих специальностей и направлений, связанных с исследованиями в области человека, культуры и общества (речь идет, в первую очередь, о "Лингвистике и межкультурной коммуникации", "Культурологии", "Связях с общественностью"), появились такие предметы, как теория коммуникации, межкультурная коммуникация, теория и практика общественных отношений (связей с общественностью). Между тем, учебников по этим дисциплинам, систематически излагающих их содержание, не существует. Это не случайно. Зачастую формирование учебного плана задается не реальным положением дел в соответствующей отрасли научного знания, а неким идеалом, существующим в голове составителя. Учебный план оказывается в таком случае своего рода программой научной и учебно-методической работы. Это особенно значимо в тех случаях, когда речь идет о новых, по крайней мере, в нашей стране, учебных дисциплинах.

Если обратиться конкретно к проблемам теории коммуникации, то выяснится, что существуют не только многочисленные конкурирующие версии этой теории, но даже само понятие коммуникации имеет множество определений. На каком из них следует основать учебный процесс? Ответ на этот вопрос остается делом вкуса того или иного преподавателя. Основатель математической теории коммуникации К. Шеннон предупреждал, что использование ее терминов вне соответствующего математического контекста лишено смысла. Однако после работ Р.О. Якобсона, применившего термины К. Шеннона к описанию функциональной структуры естественного языка, стала очевидной необходимость более широкого подхода к проблемам коммуникации, чем математический (см.: Шеннон, 1963; Якобсон, 1975, С. 193 - 230). Целый комплекс наук оказался вовлеченным в проблемы коммуникации. Это, в первую очередь, психология, лингвистика, семиотика, искусствоведение, герменевтика, философия, риторика, эстетика, поэтика и другие. Оригинальные варианты теории коммуникации предлагались почти всеми крупными учеными последних трех веков. Почти все наиболее известные концепции общения - например, диалогика В.С.Библера, диалогическая философия М.Бубера, Ф.Эбнера, Ф.Розенцвейга и О.Розенштока-Хюсси, феноменология intersubjectivity Э.Гуссерля, А.Шюца и Л.Ландгребе, структурная антропология К.Леви-Стросса, экзистенциальная философия К.Ясперса - разрабатывают только теорию общения, а история общения представлена, в лучшем случае, фрагментарно (см: Библиер, 1993, С. 75 - 93; Бубер, 1993, 176 с; Леви-Стросс, 1985, 536 с; Розеншток-Хюсси, 2000, 608 с; Эбнер, 1952; Ясперс, 1932; Ландгребе, 1982; Розенцвейг, 1921; Шюц, 1932). Нельзя не упомянуть и концепцию глубинного общения Г.С. Батищева (Батищев, 1987, С. 4 - 52).

Зачастую работы по проблемам коммуникации написаны на разных научных языках, термины которых трудно согласовать между собой. Более того, иногда это своего рода индивидуальные языки того или иного оригинального философского проекта, которые могут даже и не претендовать на аутентичное их понимание. Совершенно очевидно, что в этих условиях говорить о создании учебника по теории коммуникации, систематически излагающего весь вышеуказанный опыт, не представляется возможным. Необходимо хотя бы предварительное согласование позиций, то есть их теоретический синтез, а затем - построение общей теории коммуникации, на основе которой можно было бы создавать учебники. Поэтому, осознавая всю сложность стоящей перед преподавателем теории коммуникации задачи, мы предлагаем настоящее учебное пособие, посвященное проблемам теории коммуникации и ее истории.

Мы полагаем, что важнейшим способом построения единой теории общения является создание ее истории, поскольку обращение к истории всегда было наилучшей проверкой теоретических результатов, объясняющих бытие конкретных, пространственно-временных объектов. Целостной истории общения до сих пор не существует, хотя история всех остальных сфер человеческой культуры (искусства, науки, политики, религии, материальной культуры) последовательно изучена. Это объясняется одной из важнейших онтологических особенностей общения - его процессуальностью. Все виды человеческой деятельности процессуальны, но суть их бытия не ограничивается только процессом; они направлены на создание конкретного продукта и завершаются в момент его возникновения. В науке рождаются открытия, символически регистрируемые в соответствующих текстах и физических объектах; технология способствует порождению машин и утвари материальной культуры; художественное творчество – начало произведения искусства; религиозный культ сам одновременно является и продуктом себя, и деятельностью, его производящей. Продуктивные процессы именно благодаря создаваемым ими конкретным, пространственно-временным результатам облегчают свое историческое изучение, поскольку эти результаты являются историческими источниками. Общение же не направлено на создание какого-либо продукта, хотя и может его обслуживать. Любой вид человеческой деятельности может сопровождаться общением, иногда даже только с его помощью давать проектируемый результат. Однако в своей сущности общение есть процесс, основная цель которого в нем самом. Общение завершается в самом общении, точнее, оно лишь временно прекращается. Общающиеся всегда ощущают эту незаконченность, болезненную прерванность ситуации общения.

Вместе с тем, общение все же не настолько аморфно, чтобы вовсе не иметь истории. Бесконечность содержания общения не отрицает наличие у него определенной структуры, отражающейся в исторических источниках, порожденных той или иной человеческой деятельностью. Можно принять в качестве гипотезы некое наиболее распространенное определение сущности общения и элементов его структуры, то есть минимум теоретических инструментов и обнаружить с их помощью реальные формы существования общения, то есть его исторические типы. Такая типология окажется, конечно, предварительной, то есть требующей проверки со стороны многочисленных специалистов в области того или иного исторического типа культуры. Только после подобной проверки можно будет претендовать на создание теории исторического развития общения. Однако в отсутствие такой теории и даже истории общения и для создания их придется сформулировать соответствующую гипотезу.

Когда мы говорим об истории общения, мы допускаем, что создание таковой возможно только в рамках исторической культурологии. История общения несамостоятельна, то есть движущие силы ее изменений содержатся не в ней самой, а в исторической динамике культуры в целом. Традиционное изучение истории культуры позволило обнаружить неравнозначное влияние различных областей культуры на ее развитие в целом. Определяющее влияние всегда оказывала материальная культура (технологии и техника), обеспечивавшая биологически необходимые человеку ресур-

сы. Речь идет, прежде всего, о концепциях истории культуры, принадлежащих М.С.Кагану, Л.Мамфорду (см: Каган, 1996; Мамфорд, 1967). Непреходящая актуальность увеличения подобных ресурсов, конкретность техники и технологий, стремящихся к наибольшей эффективности в достижении искомого увеличения, всегда обуславливали относительный прогресс материальной культуры. Однако в эпоху Возрождения этот прогресс стал научно-техническим. Рост теоретических знаний приобрел решающее значение не только для дальнейшего прогресса техники, но и для развития всей культуры. Определяющая роль научных знаний в истории модернизации подчеркивается теоретиками ведущих школ социологии знания - например, теоретиками постиндустриального общества и постмодернистской культуры (см: Белл, 1999; Лиотар, 1998). Замена одной движущей силы истории на другую привела к изменению всего уклада культуры, образовала крупнейший раздел в хроноструктуре ее истории. Речь идет о разделении всей истории культуры на два этапа: этап традиционной культуры и этап креативной культуры. Конечно, без традиций невозможна никакая креативная культура, так же, как невозможна никакая традиционная культура без творчества. Роль традиций в креативной культуре (например, в эпоху классицизма) и роль инноваций в традиционной культуре (например, в эпоху греко-римской античности) иногда была чрезвычайно значительной. Однако любой вид традиционной культуры в существе своем определялся социальными традициями, а любой вид креативной культуры - персоналистскими инновациями. На этапе существования традиционной культуры прогресс ее материальной сферы всегда тормозился другой ее сферой - духовной культурой, представлявшей собой совокупность устойчивых социальных ценностей и норм. Эта устойчивость была обусловлена особенностями начальной стадии становления человеческой культуры, из которых важнейшими являлись информационная недостаточность и локальность, немногочисленность элементов социальной организации. Длительное накопление опыта, расширение и совершенствование социальной организации привели к разрушению традиционности культуры. Традиция утратила свой авторитет и влияние на жизнь общества, ей на смену пришел авторитет творческой и полагающейся на разум личности. Каждому историческому типу культуры будет соответствовать особый исторический тип общения.

Традиционной культуре соответствует функциональное общение, а креативной - интерперсональное и ролевое. Каждый исторический тип общения обладает особенной структурой, полученной благодаря анализу описанных выше видов исторических источников.

Структура общения хорошо изучена в теории информации и коммуникации, в психологии, лингвистике и социальной философии (см.: Каган, 1988; Леонтьев А.А., 1999). Как правило, выделяются несколько ее компонентов: участники общения, код, канал и контекст. Типология участников позволяет различить реальных партнеров (личности, группы и их представители), а также субъективированных объектов (животные, вещи) и квазисубъектов (Боги, литературные персонажи, «другое Я»). Социальные (профессия, класс, нация) и половозрастные характеристики участников общения также играют в нем существенную роль. На основании данной типологии можно выделить такие виды общения, как межличностное, групповое и представительное общение. Мы обращаем внимание на неоднозначность термина «межличностное» общение. В традиционных культурах еще не сформировано личности, известной нам как специфическая категория креативной культуры, но в них уже имеется человеческая индивидуальность, способная вступать в общение с другой индивидуальностью. Это общение организуется поэтому не столько личностными характеристиками его участников, сколько их социальными функциями, и мы называем его функциональным, оно скорее интериндивидуально, чем интерперсонально. Функциональное общение есть своего рода представительное общение, но представительность

не открывается в нем эксплицитно, она есть внутренний факт деятельности каждого участника, она есть интериоризация традиций контактов.

Структура общения предполагает его контекст; это фактически все виды деятельности, осуществляемые человеком, поскольку они требуют для своей успешности участия нескольких общающихся субъектов. Общение имеет канал, это те конкретные средства общения, которые используются в его процессе; свой более или менее жесткий код, то есть правила его организации. Контексты могут быть служебными (общение здесь лишь способствует эффективности другой деятельности) и самоцельными (в них общение само является целью совершаемой деятельности). Каналы могут быть практическими (например, в некоторых вариантах семейных отношений, производственного, научного или педагогического общения), символическими (например, в ритуальном общении, в некоторых видах политических церемоний) и практическо-символическими (например, в игровом, в художественном общении). Различие каналов основано на преобладании в их составе социально обусловленных, стандартизированных или безусловных элементов. Практические каналы содержат максимум безусловных элементов и минимум условных. Символические каналы – наоборот. Практическо-символические каналы представляют собой синтез безусловных и условных элементов. Такова теоретическая декомпозиция структуры общения. Ее проекция в историю культуры сообщает ей ряд дополнительных особенностей.

Для функционального общения характерно отсутствие дистанции между индивидуальностью участников общения и социальной традицией, которой они принадлежат. В его контексте присутствуют жестко регулирующие общение коды, число которых ограничено. Свойства контекста общения совпадают с основными характеристиками участников общения, преобладают служебные контексты и символические каналы. Синкретизм данного вида культуры не позволяет провести четких границ между контекстами и каналами общения, поэтому их смешанные, переходные формы широко распространены. Следствием синкретизма является также качественная неразличимость интериндивидуального и представительного общения, значительная роль общения с такими партнерами, как квазисубъекты или субъективированные объекты. Асимметрия статусов участников общения сказывается во всех его разновидностях: в диалоге культур, в коммуникации с квазисубъектами и субъективированными объектами, в представительном и интериндивидуальном общении.

В креативных культурах отсутствует синкретизм и господство одной традиции, но увеличивается роль творчества отдельных неповторимых индивидуальностей, возникает во всем своем влиянии на общество конкретная личность, равная одному человеку. Между ним и широким спектром социальных традиций теперь всегда остается дистанция, выражающаяся хотя бы в форме возможного выбора той или иной традиции. Функциональное общение трансформируется в ролевое, его участники больше уже не равны исполняемой функции, они играют роль, надевают маски, которые можно поменять или снять. Понятно, что большинство форм общения и здесь заставляет надевать только одну маску, но человек уже не ограничен только одной формой общения, его характеристики изменчивы, и это позволяет вступать в разнообразные контакты с другими. Коды ролевого общения могут быть как жесткими, так и гибкими, они могут сочетаться в рамках одного канала. Контекст общения может совпадать, а может отличаться и даже противостоять характеристикам его участников, количество символических каналов заметно сокращается, они уже не только не преобладают над практическими, но наоборот – зачастую обслуживают их. Возникает интерперсональное общение, его участники теперь не играют никакой роли, они равны самим себе. Служебные и самоцельные контексты занимают одинаковые ниши в структуре общения этой эпохи. Интерперсональное общение в подавляющем большинстве случаев как раз и оказывается самоцельным. Думается, именно интерперсональное самоцельное общение стало предметом изучения психологов и экзистенциальных философов; то, что они называли общением, было всего лишь метонимией одного из его видов.

Креативные культуры вырабатывают равенство и таких форм коммуникации, как общение с реальным партнером, с одной стороны, и общение с квазисубъектом и субъективированным объектом, - с другой; равенство утверждается и в распространении простых, чистых и смешанных контекстов и каналов общения; асимметрия участников в равной мере дополняется симметрией.

XX век внес свои коррективы в типологию общения. Можно говорить, что происходит процесс вторичной функционализации общения, например, в контексте тоталитарной или массовой культур. Следует сравнить результаты этой функционализации с типичными формами функционального общения. XX век это век так называемых массовых коммуникаций, век расширяющегося диалога культур, в котором собеседниками становятся не только ныне живущие, но и давно погибшие или даже забытые ранее и открытые вновь культуры. Массовая коммуникация увеличивает количество контекстов и каналов общения, увеличивает асимметрию его участников, повышает роль символических информационных каналов и кодов. Условия прогресса компьютерной техники вновь способствуют росту значения общения с квазисубъектами и субъективированными объектами. И все это происходит на фоне сохраняющихся типов общения прошлого, характерных для креативной культуры XV – XIX веков и даже для традиционной культуры эпох самой разнообразной степени архаичности.

Заключая это введение, отметим, что настоящее учебное пособие предлагает минимум теории общения и коммуникации и предварительную историческую типологию межсубъектной деятельности. Первая часть пособия посвящена теории общения и коммуникации, а вторая - их истории.

1. ТЕОРИЯ МЕЖСУБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОБЩЕНИЯ И КОММУНИКАЦИИ

Анализ литературы, посвященной проблемам, связанным с изучением общения, демонстрирует ряд затруднений, с необходимостью вытекающих из самого предмета исследования и препятствующих его успешному завершению. Большинство концепций явно или латентно столкнулись с этими затруднениями, мешающими как ходу исследования в целом, так и постановке некоторых конкретных проблем научного рассмотрения общения. Подобная ситуация заставляет взглянуть на вставшие перед учеными препятствия следующим образом: их не только нельзя игнорировать, но даже необходимо учесть так, чтобы особенности принятой методологии анализа определялись сущностью указанных затруднений.

Назовем и кратко охарактеризуем основные препятствия изучения истории общения, возникавшие в гуманитарном знании на протяжении XVII - XX веков. Их два, это - проблема онтологического статуса общения и проблема его эфемерности.

1.1. Онтологический и культурологический статус общения

Общение - одно из наиболее распространенных слов обыденного человеческого языка, но, как уже было показано, вокруг возможного понятийного содержания и объема стоящего за этим словом понятия существуют длительные научные дискуссии. "Казалось бы, смысл понятия "общение" ясен и особых разъяснений не требует. Существует, однако, немало понятий, значение которых в обыденной речи и в научном употреблении не вполне совпадает; а бывает и так, что в самой науке термин употребляется в разных значениях. Это относится и к понятию "общение"." - пишет М.С.Каган (Каган, 1988, С. 3). По данным Ф.Дэнса, только к 70-м годам XX века в различных сферах науки было предложено более 70 несводимых друг к другу определений коммуникации (Дэнс, 1970, С. 208). Мы рассмотрим только те проблемы науки о коммуникации и результаты их обсуждения, которые позволяют обозначить пути изучения истории общения. Важнейшая из них проблема - проблема определения самого понятия "общение". Ее решение предпринималось как со стороны философии, так и со стороны конкретных наук. В первом случае речь шла о способе существования "общения", его месте в пространстве бытия. Во втором случае обсуждалась эмпирическая среда реализации общения, тот контекст, который непосредственно связан с коммуникативными структурами - контекст культуры и человека.

1.1.1. Проблема онтологического статуса общения - важнейшая и труднейшая в истории изучения общения. Что такое общение? Каковы его виды? Какова его структура? В чем заключается непосредственный контекст сущего, в котором следует искать общение? Не ответив на эти вопросы, невозможно обращаться к конкретным историческим формам общения, ибо непонятно, что искать и как рассматривать найденное. Мы видели, что длительное время, в XVII - XVIII веках само существование общения вызывало сомнение у крупнейших философов, прежде всего рационалистического направления, но не только его. И это сомнение было обоснованным. С точки зрения классического рационализма (В.Лейбниц, Г.Фихте), который имеет давние традиции (Фома Аквинский, Ф.Суареш) и влиятельные перспективы (Э.Гуссерль, Л.Витгенштейн), многие кажущиеся наивному сознанию хорошо понятными и всегда существовавшими предметы и обстоятельства при внимательном и критическом обсуждении предстают весьма проблематичными даже в своем бытии и, конечно, в элементах своей сущности.

Итак, после методического сомнения в бытии мира, которое осуществил Рене Декарт, только сознание (человеческое или трансцендентальное, если принять уточнение его вида, принадлежащее И.Канту) оказалось существующим поистине. Мы не станем здесь

возвращаться к хорошо известным страницам истории философии и подробно воспроизводить рассуждение Р.Декарта, но напомним его общую форму. Французский философ говорит, что сомнение можно отнести ко всему, традиционно признаваемому существующим, кроме самого сомнения, которое уже фактом своего протекания перформативно (в терминах логической прагматики) противоречит смыслу направленного на него отрицания. Нельзя в одно и то же время и сомневаться и отрицать это сомнение. Сомнение есть форма мышления, следовательно, “полагать, что мыслящая вещь в то самое время, как она мыслит, не существует, будет явным противоречием” (Декарт, 1989, с. 316).

Рационалистическая философия XVII - XVIII веков, признав это положение Р.Декарта, стремилась обеспечить установленной достоверностью его все добытые ею научные положения, обосновать их знаменитым принципом принципов. И, хотя в XX веке выяснились различные логические и онтологические слабости картезианского тезиса, даже после многих поправок его влияние ощущается поныне в ряде важнейших философских традиций (феноменология, герменевтика, экзистенциализм). И.Кант и И.Г.Фихте выступая против некоторых выводов, сделанных самим Р.Декартом из своего открытия, прежде всего против утверждения субстанциальности сознания, тем не менее не отрицали сущности этого открытия: фундаментального онтологического статуса сознания.

И.Кант провозглашает тезис Р.Декарта формулой одного из ключевых априорных трансцендентальных свойств разума: “Должна существовать возможность того, чтобы “я мыслю” сопровождало все мои представления; в противном случае во мне представлялось бы нечто такое, что вовсе не может быть мыслимым, иными словами, нечто такое, что, как представление, или невозможно или по крайней мере для меня вовсе не существует.” (Кант, 1993, с. 98 - 99). И.Кант говорит о тождестве сознания (с самим собой или о тождестве его актов в качестве "моих", *meinige*) как о необходимом условии существования предметов сознания, то есть несомненных фактов опыта или действительного бытия.

Еще выразительнее выглядит концепция тождества сознания в наукоучении И.Г.Фихте, ибо здесь оно оказывается исходным основанием всей диалектически развернутой системы бытия. Согласно И.Г.Фихте тождество всякого объекта, позволяющее ему существовать и познать его, существует, в свою очередь, лишь благодаря тождеству сознания, равнозначному бытию сознания и выражающему это бытие: “не положение “ $A = A$ ” служит основанием для положения “ $Я = Я$ ”, “ $Я$ есть”, а, наоборот, это последнее положение обосновывает собою первое” (Фихте, 1993а, с. 81 - 82).

Теперь мы подошли к центральному пункту наших рассуждений. Ведь именно последовательно развиваемое учение о тождестве сознания и приводит к отрицанию существования общения. И это отрицание содержится в уже обсуждавшейся выше концепции Г.В.Лейбница. Мы рассмотрели эту концепцию исторически, теперь же нам предстоит сделать из нее методологические выводы. Повторим важнейшие компоненты учения Г.В.Лейбница о социальных отношениях. Поскольку сознание обладает тождеством, и это тождество абсолютно, оно сразу содержит в себе все свое бытие и всю свою предметность. Сознание есть монада или исключительное, уникальное единство, а “монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти” и при этом “естественные изменения монад исходят из внутреннего принципа, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады” (Лейбниц, 1982, с. 413 - 414).

Знаменитый отечественный психолог и философ Л.М.Лопатин в конце XIX века утверждал почти то же самое: “Мы никогда не воспринимаем явлений как таковых; содержанием нашего непосредственного восприятия всегда оказывается наше собственное субстанциальное единство как сознающих”, а значит, “настоящий момент абсолютно неуловим для нашего сознания и поэтому оно всегда обращено к прошлому и всецело наполнено им как своим единственным содержанием” (Лопатин, 1996, с. 213).

В такой ситуации общение оказывается невозможным, а то, что люди, не разделяющие данной философской позиции, привыкли называть общением есть лишь кажимость. Никаких действительных, только что возникших и теперь существующих контактов между людьми не бывает, а за кажимостью общения скрывается разновидность процесса, определяемого Г.В.Лейбницем и Э.Гуссерлем термином “предустановленная гармония”. Сознание человека всегда готово, цельно, а общение или какой бы то ни было другой контакт с “внешним” миром - только проявление внутреннего принципа сознания, демонстрирующего ему же в определенный момент одно из всегда в нем существовавших содержаний, например, общение с другим. Общение, когда бы оно ни происходило, предустановлено этим принципом изначально, со времени возникновения сознания. Переживания двух “общающихся” людей лишь гармонично согласованы между собой, но ни в какой мере не вызваны к бытию активностью друг друга, то есть не являются последовательно разворачивающейся цепочкой причин и следствий.

Справиться с данным затруднением, не отказываясь от картезианского критицизма и оставаясь, таким образом, в жестких дисциплинарных границах трансцендентальной философии, удалось лишь в XX веке. Мы имеем в виду теорию “аналогизирующей аппрезентации” Э.Гуссерля, уже обсуждавшуюся выше. Однако Э.Гуссерлю потребовалось отказаться от попытки построить основанную на достоверном знании концепцию общения и прибегнуть к такому слабому логическому инструменту науки, каким является аналогия. Несмотря на всю предварительность этой концепции, она свидетельствует, что для методического изучения общения актуален следующий его компонент - человеческое тело участников общения; ибо последнее оказалось возможно благодаря аналогии воспринятых внешними чувствами тел вступающих в него людей, ведь именно сходство тел есть необходимая, хотя и не достаточная, причина, провоцирующая участников межсубъектного контакта признать друг в друге равноправных партнеров (Гуссерль, 1998, С. 182 - 283).

Критика философии Э.Гуссерля со стороны М.Хайдеггера, М.Мерло-Понти, П.Рикера и других крупных философов XX века позволяет заключить о природе общения следующее. Сознание человека лишено возможности вступать в общение с сознанием другого человека непосредственно в силу идеальности и внутреннего характера его содержания; оно непроницаемо для другого, и тело оказывается необходимым посредником в данном процессе. Тело - конкретная пространственно-временная реальность, оно есть поэтому способ и условие доступа к месту общения идеально существующих сознаний. Но в непосредственности тела для сознания открываются лишь очень ограниченные выходы приобщения к другому. Тело другого открыто только в своей внешней ипостаси, его экспрессивные возможности ограничены, сфера прошлого и сфера идеального в сознании другого оказываются навсегда скрыты от аналогизирующей аппрезентации. Два человека, созерцающих тела друг друга, в лучшем случае поймут лишь то, что происходит с ними - их телами и душами - в данный момент времени, но и это понимание, оказавшееся единственным содержанием общения, будет лишено адекватности и полноты.

М.Мерло-Понти в “Феноменологии восприятия” впервые обратил внимание на роль культурных условий бытия тела в процессе общения (Мерло-Понти, 1999, с. 442 - 469). Мы в ряде статей и в монографии “Феноменология знака” описали процесс, дополняющий гуссерлеву аналогизирующую аппрезентацию и способствующий преодолению трудностей этого механизма общения, которые вызывали основные претензии со стороны некоторых названных выше философов в неадекватности теоретического описания реальному положению дел в коммуникативном акте, и назвали данный процесс “парадигматизацией” (Докучаев, 1999, с. 53 - 71).

Действительно, Другой является мне в ситуации общения прежде всего как пространственное тело, как один из видов трансцендентной вещи, как факт моего сознания и т.п. Другой вступает в общение именно благодаря своей конкретности и телесности. Но ведь присутствием этим он не исчерпывается. Смыслы, определяющиеся в сознании, вовсе

не обязательно порождены или выражены первоимпрессиями (в терминах привычной психологии - восприятиями), то есть ни Я, ни Другой совсем не обязаны думать только о том и ко всему еще одинаково, что теперь и здесь они созерцают вокруг себя. Возможности выбора предметов мышления и способы его даже в конкретной ситуации восприятия бесконечны, мир сознания, не связанный с этой ситуацией, еще многообразнее.

Таким образом, понять Другого, вступить в диалог с ним можно лишь в ситуации, когда его тело семиотически организовано по некоторому известному нам обоим социальному стандарту. Стандарт не даст нам ошибиться в истолковании намерений друг друга. Его активное или даже пассивное предъявление, при условии совместного знакомства с ним общающихся, явится настоящим откровением интенций и содержания конкретного сообщения и целокупного космоса переживаний Другого.

Историческая совокупность таких стандартов есть человеческая культура. Культура есть общее во мне и в другом, мост из моего внутреннего мира в мир другого и наоборот, языковой код, организующий герменевтическую дисциплину нашего речевого контакта. Культура есть общение, каждый ее факт есть носитель определенного функционального значения, одинаково, парадигматически, стандартно интерпретируемого участниками культурного сообщества. Пространство культуры значительно шире совокупности артефактов, творений преобразовательной деятельности человека, оно включает и природу, наделяя ее кодифицированными и меняющимися смыслами. Оказывается, что образец конституирования субъективности, то есть путь к общению имеет культурное происхождение и не сводим к Я или Другому, не они его непосредственные источники. Без социо-культурных образцов сознание никогда не имело бы критерия для того, чтобы признать другое Я в качестве равносущностного самому себе, подобного, но не иного и не тождественного, равноправного и равностатусного существа, то есть чтобы возник сам феномен “другости” и общения.

Парадигматизация тела есть условие общения, но она противоположна смысловой бесконечности содержания сознания. Семиотическая ограниченность парадигматизации преодолевается в условиях естественного языка. Сколь бы ни были ограничены его экспрессивные возможности, он по самой своей природе есть единственное и важнейшее средство общения, адекватное его природе. Подлинное общение возможно только как обобщение, хотя бы в возможности, всего содержания сознания вступающих в диалог существ. Общение есть контакт личностей, других неповторимых существ (чей объем, как мы увидим ниже, может быть и не равен единице), а это значит, что содержание их бытия бесконечно, личность невозможно описать с помощью нескольких характеристик, хотя ее можно благодаря ним отличить от другой личности. Сущность личности похожа на сущность вещи, они могут быть выделены благодаря нескольким определяющим признакам, но, как полагал В.Штерн в своем большом труде “Личность и вещь”, они различаются в важнейшем пункте: для личности (и коллективной, и индивидуальной) нет ничего привходящего и случайного, все ее содержание входит в состав ее сущности, личность цельна и поэтому бесконечна и уникальна, определяющие признаки личности - лишь малая толика в многообразии космоса персоны, она подобна художественному произведению, поскольку у нее нет материи, ведь материя - тоже часть формы личности; а для вещи сущность исчерпывается определяющими признаками, бесконечность ее содержания для нее случайна, материальна и поэтому она подобна другим вещам, воспроизводима и типологична. Контакт превращенных в вещи личностей нельзя назвать общением, но существуют ли подобные контакты? Вещи участвуют в некоторых отношениях, но только не в отношениях общения (Штерн, 1906, С. 236 - 253).

Парадигматизация, решая проблему организации диалога, предоставляя ей условия, как кажется, тут же закрывает всякие доступы к контактам людей и именно благодаря своей заслуге. Стандарт по его сути не может быть бесконечным. То, что стандартизировано, всегда конечно и определено. Но все-таки общение между бесконечными

личностями возможно, а значит, мы должны выяснить, как? Среди различных форм парадигматизации выделяется такая, пристальное рассмотрение которой позволяет решить и данную проблему. Оказывается, что не всякая форма культуры может одинаково хорошо справляться со своей посреднической функцией в общении. Семиотика рассматривает различные типы знаков, она, скажем больше, обнаруживает знаковые свойства в каждом культурном феномене, но только язык, как уже было отмечено выше, вербальный, естественный язык есть основное средство общения.

Язык принадлежит к числу так называемых парадоксальных знаковых систем. Они противопоставлены классическим знаковым системам и, хотя насчитывают всего несколько экземпляров, распространены в культуре значительно шире последних. Парадоксальность же заключается в особом эффекте функционирования подобных систем: если классические способны передавать с помощью ограниченного, стандартизированного количества знаков ограниченное же количество информации, то парадоксальные, наоборот: они в состоянии с помощью ограниченного количества средств транслировать неограниченное, бесконечное, хотя и в возможности, количество информации.

Некоторые поэты, особенно романтики, неоднократно отмечали невыразимость с помощью слова ряда состояний души, прежде всего, эмоциональных (см., например, программное стихотворение В.А.Жуковского "Невыразимое"), однако не только эмоции, но и множество других, вполне логических смыслов бытия не в состоянии передать слово. Р.Барт даже считал пошлым и недопустимым, по крайней мере для себя, такой "обезличивающий" словесный жест, как признание в любви. Со времен "Лаокоона" Г.Э.Лессинга известно, что язык не вполне способен выражать сферы конкретного и телесно-пластического, но только общего и идеального бытия; немецкий философ даже предлагал в духе классицистической нормативной поэтики исключить из области искусной поэзии "всякое изображение телесной красоты" (Лессинг, 1957, С. 242). И все-таки язык остается лучшим из семиотических средств культуры способом парадигматизации общения, лучшим доступом стремящихся к контакту в пространство диалога.

Общающиеся телесно предостоят друг другу, следовательно, именно тело должно стать основным носителем парадигматизации. Тело - единственная конкретная вещь, которая всегда при мне, оно всегда присутствует в контексте общения, поэтому оно удобно для перманентного использования его в качестве кода и языка диалога. Наиболее "активный" участок такого парадигматизированного тела - голосовые связки и их орудия (продукты и инструменты одновременно, в терминах П.А.Флоренского: органопроекции) - звуки; с их помощью создаются означающие естественного языка, то есть носители информации, или означаемые, связанные с ними условно, так называемыми социальными конвенциями, гипотеза о существовании которых стала легитимной благодаря еще Т.Гоббсу именно в силу отсутствия естественной связи между сторонами знака вербального языка. Знаков необходимо создавать много, в каждой новой ситуации общения - новые множества его средств. Они должны быстро возникать и, не "загромождая" контекст процесса, столь же быстро уничтожаться. Звуки, как временные вещи, - тот материал, который наиболее пригоден для достижения данных целей. Ф. де Соссюр неоднократно отмечал, что звуки оказались самыми распространенными означающими в истории семиотических систем, потому что были очень мобильны и удобны для их пользователей (Соссюр, 1999, С. 68 - 137).

Парадигматизированные звуки голосовых связок есть носители сообщений в процессе коммуникации. Условность, немотивированность связи означающих и означаемых естественного языка - чрезвычайно полезный факт для эффективности общения. Естественная, нестандартизированная оркестровка звуков - интонация - очень важна для понимания Другого, иногда она даже важнее самих транслируемых стандартизированных смыслов, передающихся его речью; но все же парадигматизация - важнейшее

условие контакта между общающимися. Условность связи сторон знака есть один из основных видов парадигматизации. Благодаря этому типу связи звуки могут свободно транслировать любой смысл.

Ключевым свойством языка, сообщаящим ему возможность быть средством эффективного общения личностей, является гетерогенность его компонентов. Означающие и означаемые образуют в естественном языке разные виды и уровни знаков. Это, прежде всего, слова и предложения. Если звуки слова парадигматизированы, то есть их число всегда ограничено, то предложения - нет. Означаемые входящих в предложения слов организуют их смысл без последующей парадигматизации, ибо возможные связи аналогов словесных смыслов во внеязыковой реальности (пресуппозиция) известны сознанию. Люди прекрасно понимают предложения неродного для них языка и без словаря, если знают его слова и грамматику. Слова мы учим, а предложения нет, их мы понимаем благодаря знанию слов и мира, который систематизирует словесные значения. Конечно, предложения могут пониматься общающимися субъектами по-разному, поскольку их внутренние миры, обеспечивающие понимание, их пресуппозиции не совпадают, но это не отменяет общение, а обогащает его, ибо общее и стандартное в нем сохраняется и провоцирует собственное разрастание.

Конвенциональность и мобильность естественного языка, гетерогенность его составляющих позволяют ему транслировать любую информацию с помощью ограниченных средств в любых условиях коммуникации. Следовательно, естественный язык как идеальное средство “парадигматизации” есть наиболее адекватный способ конституирования Другого и наиболее адекватное природе общения семиотическое образование. Это средство в культуре дополняется множеством других семиотических систем и языков, множеством знаков и традиций. Однако и словесный язык, и все семиотические системы культуры вместе взятые могут быть не только средством общения, но и орудием функционирования механизмов или отношений инопланетян. Человеческое участие в смысле другого Я не обеспечивается только языком или ”парадигматизацией”. Язык и “парадигматизация” в целом суть орудия понимания, потенциально присущие всему тому, что могло бы быть в каком-то смысле равнозначно сознанию Я. Поэтому язык должен восприниматься на фоне целого того субъекта, который им пользуется в ситуации общения.

Общение не может ограничиваться только своей духовной формой, практическое и духовно-практическое общение необходимы для его эффективности в такой же мере, как и она. Без гуссерлевой “аналогизирующей аппрезентации” и бахтинской “эстетики отношений автора и героя” невозможно конституирование другого Я или общения, но оно невозможно и без феноменологии социальных традиций и естественного языка.

1.1.2. Общение как предмет исследования получает более конкретный статус не только в связи с установлением его онтологических характеристик, но и благодаря изучению непосредственного контекста функционирования - мира человека и культуры. Этот контекст непосредственно, эмпирически свидетельствует о существовании общения. Его можно рассматривать трояко. Первый способ - сопоставление общения с равностатусными ему формами бытия, то есть с другими видами человеческой деятельности. Этот путь анализа ведет к выявлению специфики общения. Второй способ - исследование переходных сфер внутри человеческой деятельности, включающих общение и другие ее виды и образующих из них сложный и неразложимый синтез. Третий способ - изучение характера взаимодействия общения и других видов деятельности в конкретном процессе ее осуществления.

1.1.2.1. Общение почти всеми исследователями определяется как один из видов человеческой деятельности (Каган, 1974, С. 80; Парыгин, 1971, С. 222; Леонтьев А.Н., 1972, С. 358; Леонтьев А.А., 1999, С. 50; Ананьев, 1968, С. 322. Исключение составля-

ют концепции ряда психологов и философов, рассматривающих человеческое бытие как двусторонний процесс, включающий общение и деятельность в качестве структурно и эйдетически несводимых друг к другу явлений - см.: Ломов, 1979, С. 37; Дубровский, 1983, С. 198 - 199. Авторы этих построений не отрицают, все-таки, того, что общение относится к сущности человеческого бытия, и лишь акцентируют внимание на его отличительных характеристиках, поэтому их также можно учесть, определяя сущность общения в контексте человеческого бытия.). Количество этих видов и их состав, однако, у большинства авторов, писавших на эту тему, варьируется (выделяются два, три, четыре, пять видов деятельности, например, общение и труд - у А.Н.Леонтьева; общение, труд и познание - у Б.Г.Ананьева; общение, преобразование, познание, оценка, художественная деятельность - у М.С.Кагана).

Не входя в дискуссию по этому поводу и не предлагая собственной морфологии деятельности, попытаемся сравнить общение с наиболее часто выделяемыми видами человеческой деятельности: познанием, преобразованием, оценкой, художественной деятельностью.

1. Общение отличается от познания прежде всего основным своим мотивом (термин теории деятельности А.Н.Леонтьева). Познание сосредоточено на построении объясняющей модели объекта: оно должно описать его сущность, состав, среду, происхождение и формы бытийствования, предсказать его будущее. Даже если учесть неокантианское и герменевтическое различие познания на идеографическое и номотетическое, у нас не будет возможности обнаружить тождество первого вида познания и общения. Номотетическое познание стремится к пониманию уникальных объектов. У уникального объекта имеется собственная сущность, то есть, неизменные характеристики, определяемые по отношению к истории изменений этого объекта. Даже если ограничить возможности номотетического познания пониманием целей и мотивов бытия уникального объекта, оно все равно останется именно теоретической деятельностью.

Между объектом и субъектом познания сохранится непреодолимая дистанция, объект будет рассмотрен, в известном отношении, в качестве статического, моделируемого и внешнего. Общение не создает таких дистанций между своим участниками, не создает ничего статического в качестве своего результата или эффекта; оно может подчиняться статическим правилам, но само оно при этом не направлено на создание статического феномена, фиксирующего неравенство познающего и познаваемого.

Познание есть своего рода преобразующее изменение познаваемого объекта, поскольку оно включает это последнее в свой состав. В процессе эксперимента или моделирования познаваемый объект меняется. Познание преобразует мир, помогая создавать новые объекты: машины, сельскохозяйственные структуры. Наконец, познание формулирует законы бытия и уже этим фактом изменяет мир (внося в него новое или открывая неизведанное). Все это не является мотивом общения.

2. Общение отличается и от преобразования. Преобразование создает принципиальное неравенство между его актантами; один из них - преобразователь, другой - преобразуемое. Преобразование сохраняет эту свою характеристику во всех своих видах - и в духовном, и в практическом. Изменения в сознании человека (в составе и качестве его знаний и ценностей, умений и навыков) аналогичны изменениям в материальном субстрате вещи, в том числе и человеческого тела. В процессе общения ни у кого из общающихся нет привилегии на изменение другого. Преобразование или изменение не есть цель общения или его мотив. При всех видах неравенства общающихся, они никогда не попадают в положение актантов преобразования, для них чуждо неравенство, присущее последним. Неравенство преобразования - разновидность дистанцирования одного компонента процесса от другого, преодолеваемого общением.

Преобразование основано на познании, ибо его эффективность зависит от знания преобразуемого объекта и методов преобразования. Все это не является мотивом общения.

3. Общение отличается от ценностно-ориентационной деятельности. Оценивание обладает теми же свойствами, что и познание и преобразование, то есть неравенством своих актантов и дистанцией между ними. Оценивание есть своеобразный синтез познания и преобразования. Оно оказывается установлением "той или иной позиции субъекта по отношению к оцениваемому объекту - положительной или отрицательной" (Чертов, 1993, С. 241). Но этот объект предварительно должен быть познан или хотя бы известен субъекту оценки, а затем так или иначе отобран им, то есть преобразован в плане субъективного бытия оценивающего из нейтрального в положительный или отрицательный. "Оценка является средним звеном между познанием и практикой" (Тугаринов, 1971, С. 87). Преобразование объекта в актах оценки придает ему ряд дополнительных характеристик, обосновываемых в ценностной картине мира оценивающего и сформированных различными видами человеческого бытия, верой (унаследованной из традиции или лично выработанной), познанием, проективной деятельностью. Общение, отличаясь от преобразования и познания, с необходимостью отличается и от ценностно-ориентационной деятельности.

4. Общение отличается и от художественной деятельности. Оно входит в структуру последней, но не исчерпывает ее. Художественная деятельность, согласно концепции М.С.Кагана (Каган, 1974, С. 120 - 130), является синтезом общения, познания, преобразования и оценивания. Мотив художественной деятельности необычайно сложен и трудно поддается научному определению. Мы в работе "Феноменология знака" (Докучаев, 1999, С. 93 - 118) попытались понять этот мотив как стремление к целостному постижению мира, несводимому ни к однозначно понимаемому знанию, ни к столь же однозначной оценке, ни к творческому преобразовательному изменению мира. Целостный мир или какой-либо его фрагмент в модусе целостности приобретает свойство уникальности и многозначности, по крайней мере потенциально, в бесконечных по их собственному числу и по числу их субъектов процессах интерпретации. Уникальность такого сорта сродни уникальности общающегося субъекта. Отсюда следует важный вывод. Общение ближе всего оказывается к художественной деятельности, именно поэтому представители немецкой герменевтики (Г.Г.Гадамер, Э.Штайгер), представители рецептивной филологии и когнитивистики (У.Найссер, Л.Фестингер), диалогической эстетики (М.М.Бахтин, В.С.Библер) очень часто рассматривают общение в качестве основной категории художественной деятельности. И все-таки общение не есть художественная деятельность или ее форма, и, наоборот, последняя не есть разновидность первой. Еще Аристотель в "Никомаховой этике" различал три вида сущих: физические, поэтические и практические. Физические сущие обладают сущностью, о которой можно спросить: что это? Поэтические сущие обладают сущностью, о которой можно спросить: для чего это, в чем цель этого? Практические сущие обладают сущностью, о которой можно спросить: ради чего это, в чем мотив этого? "Цель творчества отлична от него самого, а цель поступка, видимо, нет, ибо здесь целью является само благополучение в поступке." (Аристотель. 1140b, 5 - 10; 1983, С. 177). Аристотель говорит, что артефакты служат некоторым целям, а поступки имеют мотивы. С этим согласен и М.Хайдеггер (Хайдеггер, 1997, С. 52 - 62). Артефакты суть средства деятельности, они готовые продукты, тогда как поступки суть становящиеся процессы, начинающиеся еще до возникновения самих себя, в собственных мотивах, и завершающиеся уже после завершения самих себя, будучи мотивами других поступков. Всякая субъектно-объектная деятельность, и художественная деятельность здесь не исключение, завершается в продукте, в научной концепции, оценке, произведении искусства и его интерпретации, но общение не может быть завершено таким образом, общение завершается в самом общении, точнее, оно лишь временно прекращается. Общающиеся всегда ощущают эту незаконченность, болезненную прерванность ситуации общения. Общение и художественное произведение оказываются предельными случаями практических и по-

этических сущих. Любой поступок, кроме поступка общения, в принципе может иметь завершение, прежде всего в своем продукте, любой артефакт имеет конкретный культурный смысл, и только произведение искусства бесконечнозначно. И все-таки продуктивность художественной деятельности и непродуктивность общения существенно различают их.

1.1.2.2. Еще один важнейший тезис, характеризующий отношения общения и человеческой деятельности, заключается в утверждении принципиальной невозможности изолированного от общения протекания какой-либо иной формы деятельности. "Общение есть необходимое условие любой деятельности человека" (Леонтьев А.А., 1999, С. 10); аналогичная позиция высказывалась и в других работах (см. например: Афанасьев, 1976, С. 30; Ильева, 1989; Соковнин, 1973).

1. Общение включает в свой состав элементы познания. В самом деле, общаясь, мы узнаем друг друга. Это происходит в любом виде общения, не только между конкретными, здесь и теперь сосуществующими, личностями, но и в контакте с квазисубъектами и субъективированными объектами, в приобщении к людям прошлого или к незнакомым нам лично жителям иных стран (в процессе созерцания их портретов, чтения сочиненных ими текстов). Познание оказывается необходимым условием общения, ибо оно создает необходимый уровень общности, позволяющий в него вступить.

С другой стороны, познание включает в свой состав элементы общения. Познание - социальный процесс. Оно протекает в условиях общения внутри определенной социальной группы, оно пользуется результатами и инструментами общения (естественным языком, профессиональной дисциплиной и т.п.). От взаимоотношений в этой группе зависит очень часто если не результат познания, то эффективный путь к этому результату. Результат познания только тогда становится объективным, когда относительно его достоверности в процессе общения устанавливается консенсус всех участников. Общение - обязательное условие подлинного познания, ибо отношения общения - даже в рамках полемики - предполагают уважение к позиции каждой из вступивших в диалог сторон, вне зависимости от их социо-культурного и половозрастного статуса. Истина не имеет пола или возраста, она безразлична к авторитету традиции или социального статуса; и, если познание осуществлялось в условиях общения, оно оказывается ближе к истине.

2. Общение включает в свой состав элементы преобразования. Общаясь, мы изменяемся, мы становимся другими, мы становимся одновременно и более близкими друг другу, ибо возрастает наша общность, и более разными, ибо на фоне Другого каждый из общающихся лучше осознает свою уникальную личность. Эти изменения могут иметь и духовный, материальный характер. Общение способствует изменению и души, и тела.

С другой стороны, преобразование невозможно без общения. Многое из того, что было сказано о познании, следует повторить и здесь. Преобразование также осуществляется в условиях общества, даже Робинзон Крузо трудился в этих условиях, они заключаются хотя бы в социальном характере необходимых для практической деятельности знаний и умений. В сложных преобразовательных процессах, требующих участия многих людей, напряжения всех их способностей, роль общения возрастает. Взаимопонимание, учет творческих способностей друг друга, то есть, характеристики общения, делают эффективными эти процессы.

3. Оценки всегда являются фактом общения. Общаясь, мы всегда оцениваем друг друга. Отрицательная оценка может прекратить общение, и, наоборот, положительная будет способствовать его продолжению. Подлинное общение всегда демонстрирует относительность любой оценки, их динамику. Оценка другого или самооценка оказывается своего рода правилом общения, его кодом. Исходя в своем отношении к другому из определенной оценки, мы можем замечать существующие или несуществующие его черты.

С другой стороны, общение - часть ценностно-ориентационной деятельности. Оценивание, так же как познание и преобразование, часто пользуется общением и его результатами: правилами оценок, методами их установления. Оценивание с его повышенной субъективностью протекает в условиях общения, которое чрезвычайно важно для придания авторитета выносимым оценкам. Обращение одного субъекта к авторитетному другому, то есть общение, в процессе оценивания подкрепляет или лишает основания то или иное его оценочное суждение.

4. Общение выполняет одну из важнейших функций в процессах художественной деятельности. Сами акты творчества и интерпретации оказываются формами общения, с одной стороны, реципиента с автором и его героями, а с другой, - автора и его героев с реципиентом. Формы эти исторически изменчивы. Автор мог выступать в качестве одного из героев или в качестве вымышленного посредника, своеобразной фокусирующей линзы (каковой в художественной литературе является рассказчик), направляющей взгляд и мысль реципиента, наконец, в качестве латентного творца, общение с которым - всегда загадка для любого читателя, слушателя, зрителя. Автор мог быть коллективным или мог "раствориться" в правилах и нормах традиционной творческой практики, он мог даже спрятаться за авторитет другого автора, и тогда у этого последнего возникали новые произведения, а у первого - многочисленные псевдонимы (ксенонимы, типа "Псевдо-Плутарха", "Псевдо-Дионисия Ареопагита" и других "Псевдо-"). Реципиент тоже мог выступать как от себя лично, так и от имени той или иной социальной группы.

Художественное общение представлено и таким его сложным вариантом, каким являются взаимоотношения автора и его героев, а также взаимоотношения самих героев. М.М.Бахтин в своей знаменитой работе "Автор и герой в эстетической деятельности" (Бахтин, 1994, С. 69 - 257) продемонстрировал эти формы общения и указал на их значимость в формировании самого факта художественного произведения, его общеэстетического эффекта, функций и семантических объемов автора и его героев.

С другой стороны, художественная деятельность может принимать участие в процессах общения. Различные виды эйдетически близких ей форм деятельности, таких как ритуал или игра, организуют различные формы общения. Общение друзей, например, очень часто сопровождается элементами игры или ритуализированным поведением.

О функции других видов деятельности в процессе общения речь пойдет и во втором параграфе данной работы (см. разделы, посвященные каналу и контексту общения).

1.1.2.3. Человек, как пишет М.С.Каган, "может выступать и в функции субъекта деятельности, и в функции ее объекта" (Каган, 1988, С. 144). Это значит, что человек может становиться предметом познания, преобразования, оценки. В самом деле, все эти виды деятельности в некотором смысле превращают человека в одну из известного ряда вещей, сообщают ему свойства объекта. Человек становится объективированным субъектом, в отношении к нему другой человек сосредоточен на его качествах как объекта.

Одна из форм такого отношения - духовное преобразование человека с помощью обмена сообщениями - называется в цитируемой книге коммуникацией. "Коммуникация есть информационная связь субъекта с тем или иным объектом - человеком, животным, машиной." (Каган, 1988, С. 145). С некоторыми тезисами, содержащимися в данном определении, нельзя согласиться. Из этой цитаты следует, что человек в условиях коммуникации совершенно перестает быть субъектом. Мы считаем иначе: человек никогда не перестает быть субъектом. Субъективность не есть привходящее свойство человека, она входит в состав его сущности; конечно, субъективность имеет различные степени своего проявления в онтогенезе и филогенезе: у взрослого человека или в условиях креативной культуры она проявляется рельефнее и последовательнее, чем у младенца или первобытного человека; у различных индивидов она также может модифицироваться. Описанные формы отношения к человеку лишь нейтрализуют, редуци-

руют его субъективность, но не уничтожают ее. В ситуации приказа человек действует подобно машине, но не в качестве машины. Их подобие заключается в единстве требуемого от них результата. Сколь бы сильно ни различались люди по своим субъективным характеристикам, они выполнят приказ одинаково. Аналогично этому и машины, устроенные и запрограммированные таким образом, чтобы результативно реагировать на указания человека, с необходимостью отреагируют именно так, как требует приказ и позволяет программа. Но подобие не есть тождество, подобие есть подобие различного. "Во всех случаях человеческих информационных контактов - будь то воинский приказ, научная лекция или дружеская беседа - информационная связь строится как совместное действие участвующих в ней субъектов" (Чертов, 1993, С. 217).

Различие между действительным объектом и объективированным субъектом заключается в следующем. Во-первых, различается путь к достигнутому результату. В ответ на преобразовательный импульс объект реагирует пассивно или вообще не реагирует, а просто "позволяет", предоставляет возможность тех или иных операций с ним. Человек преобразуется активно, вкладывая в это все особенности своей субъективности.

"Человек выступает как субъект деятельности не только тогда, когда в полной мере раскрывает потенции своей личности, но и тогда, когда ограничивается какими-то простыми действиями. Так, например, если он лишь воспринимает и категоризирует окружающие его предметы, он уже действует как субъект познания. Тем более он имеет право на этот статус, когда слушает научную лекцию и усваивает ее содержание. Далее, если признается, что в его задачу входит "все-навсего" принять, понять, усвоить и в соответствии с этим поступать, то этого уже вполне достаточно, чтобы способное на такие действия существо было признано чем-то большим, чем пассивный объект, а именно - субъектом преобразования, коль скоро оно задается сознательной целью изменения объекта и преобразует его, руководствуясь усвоенной им культурной нормой, а не биологической или технической программой; оно будет также и субъектом коммуникации - коль скоро оно понимает чужую мысль, то есть совершает умственные действия, необходимые для ее реконструкции в своем сознании." (Чертов, 1993, С. 216). Обобщая сказанное Л.Ф.Чертовым в этой цитате, обратим внимание на следующее обстоятельство: в условиях коммуникативного преобразования, направленного на изменение человека, изменяемый принимает активное субъективное участие, иными словами, он помогает инициатору преобразования осуществить изменение над ним и с помощью него. В истории культуры крайне сложно выявлять формы коммуникации, ибо для каждой из них должно предполагать, что ее адресат в качестве понимающего субъекта не просто фиксирует сигнал адресанта, но понимает его, то есть изменяет свою докоммуникативную позицию, оценивает это изменение, применяет сложные процедуры декодирования, отбирая необходимые именно ему и именно в данной ситуации из спектра возможных. Инициатор преобразования может не обращать на это никакого внимания, а может использовать это в своих целях.

Во-вторых, большинство типичных ситуаций коммуникации, таких как научная лекция, военный приказ, производственное управление, при внимательном рассмотрении оказываются двувидовыми. Один вид отвечает определению коммуникации: в его условиях преобразуемая сторона проявляет минимум субъективной активности, а преобразующая не обращает никакого внимания на эту активность и совершенно не использует предоставляемые ею возможности. Другой вид уже демонстрирует ярко выраженные свойства общения. Для этого достаточно того, чтобы преобразующая сторона учитывала субъективные характеристики преобразуемой. Так, в ситуации военного приказа командир пошлет на ответственное задание лишь такого человека, который по своим субъективным характеристикам способен его выполнить, а в ситуации научной лекции, сколь бы семантически определенным ни было ее содержание, преподаватель все-таки будет ориентироваться на уровень и настроение аудитории, то есть на ее субъ-

ективные характеристики, и в связи с ними откорректирует способ его изложения. Врач в целях повышения эффективности лечения очень часто вынужден обращаться за помощью к пациенту, вынужден учитывать его индивидуальные особенности.

И, наконец, в-третьих. Вся концепция знаковости, как особого случая информационной связи, предложенная Л.Ф.Чертовым, основывается на представлении о субъективной активности, свободе действий передатчика и приемника знаковой информации. Согласно этой концепции само использование знаков уже является показателем субъективности тех, кто их использует. Современная лингвистика, а именно исследования в области прагматики и теории текста (Дж.Р.Сёрл, А.В.Бондарко, см. также нашу монографию "Феноменология знака", § "Немотивированные знаковые системы" - Докучаев, 1999, С. 53 - 70), подтверждает концепцию Л.Ф.Чертова. Речь идет о проблеме интерпретации суждения (пропозиции). Выяснилось, что любая интерпретация с необходимостью обеспечивается не только знанием определенных пропозициональных правил (лексики, грамматики и синтаксиса), но и субъективной семантической картиной мира - пресуппозицией, - имеющейся у интерпретатора, то есть ни одно предложение не может быть одинаково истолковано различными людьми. Ряд постмодернистских философских и антропологических теорий (деконструкция Ж.Деррида, эпистемология Ж.-Ф.Лиотара), некоторые направления философии науки (историко-эволюционистская концепция Т.Куна и И.Лакатоса, постпозитивизм П.Фейерабенда) демонстрируют зависимость даже такой предельной формы объективности, какой является научное знание, от событий истории общества, в котором формировалось это знание. Два разных человека и даже один и тот же, но в разное время воспримут один и тот же приказ по-разному, хотя и выполнят одинаково.

Даже если допустить на основании указанного выше подобия результатов деятельности человека и работы машины, что все эти концепции неубедительны и преувеличивают роль субъективного фактора в познании и преобразовании, мы все равно вынуждены будем признать принципиальное наличие этого фактора во всех процессах взаимодействия людей, признать его влияние на эти процессы. Еще раз повторим, указанное выше подобие нельзя понимать как тождество, оно возникает в результате редукции и нейтрализации многочисленных и существенных субъективных характеристик преобразуемого человека, сведение его к тождеству есть неоправданная научная абстракция, не имеющая ничего общего с действительностью.

Все здесь сказанное, тем не менее, не дает оснований для того, чтобы вообще не различать коммуникацию и общение. Наличие в процессах коммуникации субъективного фактора еще не превращает ее в общение, хотя и сообщает ей свойства последнего. Общение кардинально отличается от коммуникации. Общение нельзя сводить к простому обмену информацией или, тем более, передаче информации. Такой обмен возможен и между машинами, и между животными. Общение не есть аналогичный обмен между людьми; общение это обмен особый, он направлен на приобщение одного субъекта к другому. "Суть общения не в том, что это обмен информацией, но в том, что в нем каждый из участников видит друг в друге - вынужденно или добровольно - именно субъекта, обладающего определенными смыслами, целями, программой деятельности" (Сагатовский, 1999, С. 151). Иное дело, что коммуникация может обслуживать или сопровождать общение, выступать в качестве его формы. "Коммуникация - это только техническая сторона всяких информационных контактов между субъектами деятельности, опосредствующая все виды этой деятельности, в том числе и деятельность общения, коль скоро оно выделяется в самостоятельный вид. С этой точки зрения понятия "общение" и "коммуникация" не могут противопоставляться друг другу, поскольку они лежат в различных плоскостях." (Чертов, 1993, С. 218). Об этом, полемизируя с М.С.Каганом, пишет в своей "Антропологии" и В.Н.Сагатовский: "не следует также смешивать содержание общения, которое задается базовыми ценностями субъ-

ектно-субъектных отношений, с формой осуществления общения через средства - язык, информационные системы. Обмен информацией служит средством общения, но не является его сущностным смыслом" (Сагатовский, 1999, С. 152).

Мы предлагаем понимать коммуникацию как переходный тип, точнее, как разновидность комплекса переходных типов континуального спектра явлений человеческой деятельности, располагающихся между чистыми ее формами - общением и субъектно-объектной деятельностью. Такие переходные типы будут обладать свойствами чистых форм, но не будут тождественны им. Так, в лингвистике морфемы трактуются как переходные формы, обладающие свойствами слов и фонем (полноценных знаков и лишённых значения субзнаков), но не являющиеся этими последними; так в истории культуры эпоху Возрождения определяют как переходный тип, включающий категории античности, средневековья и Нового времени, эти категории не лишают специфики Возрождение, но, наоборот, сообщают ее. Таким образом, будущая история общения могла бы рассматривать процессы коммуникации или иных переходных типов в качестве своего предмета, но только в том случае, когда подобные процессы выразительно демонстрируют присущие им свойства общения.

Границы интересующей нас переходности проходят в зависимости от следующего критерия. Тип деятельности будет считаться переходным тогда, когда он включает в качестве своих участников хотя бы одного субъекта и хотя бы одного объективированного субъекта. К объективированным субъектам можно отнести не только конкретного человека или социальную группу (человеческую популяцию), но и плоды его труда, артефакты культуры (см. Каган, 1988, С. 117). В первом случае объективированность будет означать акцент на генетически заложенные объективные свойства человека, во втором - акцент на приобретенные в процессах опредмечивания - воплощения, материализации, реализации - объективные свойства артефакта. Перейдем теперь к последовательному описанию каждого из этих типов, начиная от наиболее близких к чистой субъектно-объектной деятельности.

Во-первых, отличим от собственно переходных форм чистые формы субъектно-объектной деятельности со снятой, латентной переходностью. Здесь наличие объективированных субъектов практически не вносит в деятельность свойств общения, но возможность этого имеется. Латентная переходность связана с пассивным участием объективированного субъекта. Если придерживаться принятого нами представления о морфологии субъектно-объектной деятельности, то таких форм окажется, по крайней мере, три:

- познание объективированных субъектов. Внутри этой группы можно выделить историю познания природы, историю и теорию культуры, общества и человека. В последнем случае познание человеческого тела будет отличаться меньшим объемом переходности, чем познание человеческой психики или деятельности;

- преобразование объективированных субъектов. Внутри этой группы можно выделить преобразование культуры, общества и человека. В последнем случае преобразование человеческого тела (лечение; ритуальное или художественное декорирование: пирсинг, татуировки; мумифицирование) будет отличаться меньшим объемом переходности, чем преобразование человеческой психики или деятельности (психиатрическое, психосоматическое лечение);

- оценка объективированных субъектов. Речь вновь идет об оценке человеческого познания природы, об оценке культуры, общества и человека. Оценка свойств человеческого тела будет дальше от потенциального общения, чем оценка свойств души человека и его поступков.

Во-вторых, выделим собственно переходные формы. Здесь объективированный субъект окажется активным. Эта активность может выражаться различными способами. Объективированный субъект проявит ее, просто пользуясь речью или другими немотивированными, условными знаками, - духовная разновидность; или совершая некоторые

действия-реакции, вызванные действиями другого субъекта, - практическая разновидность. Их количество опять будет равняться трем:

- познание объективированных субъектов. Духовные разновидности: интерактивное познание общества и человека (например, социологические и психологические опросы). Практические разновидности: психологические эксперименты. Возможны также различные синтетические духовно-практические формы: координированное поведение в процессе познания чего-либо;

- преобразование объективированных субъектов. Духовные разновидности: управление, лекционное обучение, психологическая помощь. Практические разновидности: обучение-практика. Духовно-практические синтезы: игры (имеются в виду обучающие и "игры на выигрыш", то есть, азартные), ритуализированное поведение (некоторые политические и религиозные церемонии), координированное поведение субъектов во время производственных работ;

- оценка объективированных субъектов. Духовные разновидности: оценки и проекты общества и человека, сообщаемые им в средствах массовой информации или лично и рассчитанные на ответные действия. Практические разновидности: действия, выражающие ценностное отношение к обществу или человеку, например, такой поступок, как эмиграция. Духовно-практические синтезы: некоторые формы ритуализированного поведения, например, триумфы или чествования; координация действий во время вынесения совместной оценки.

Духовные и духовно-практические варианты описанных выше форм и являются коммуникацией в собственном смысле этого слова. Отметим, однако, завершая нашу полемику с М.С.Каганом, который считает коммуникацию только духовной формой деятельности ("коммуникация является чисто информационным процессом" - Каган, 1988, С.144), что и коммуникация не есть только духовный процесс, по крайней мере, у нее имеются материально-практические и духовно-практические аналоги. Например, изготовление и потребление вещей, скажем костюмов, может сопровождаться общением, а может - коммуникацией со значительной ролью элементов общения (учет способностей другого, личные контакты на производстве, знание национальных технологий изготовления одежды и т.д.); а изучение врачом-психологом своего пациента, хотя и не есть только общение, но оно есть, тем не менее, сложная форма синтеза общения и познания. Даже патологоанатом вступает в своеобразное общение со своим "объективированным субъектом". Аналогичную позицию занимает Б.Д.Парыгин в своей работе "Анатомия общения" (Парыгин, 1999, Гл. "Общение как коммуникация").

В-третьих. Отмеченные переходные типы следует отличить от чистых видов общения со снятой, латентной переходностью, в которых общение доминирует над субъектно-объектной деятельностью, так что его мотивы здесь оказываются определяющими. То есть, фактически, их можно было бы отнести к разновидностям чистого общения, что и делается многими учеными (М.Бубер, М.С.Каган). "Жизнь с природой. Здесь отношение - доречевое, пульсирующее во тьме. Создания отвечают нам встречным движением, но они не в состоянии нас достичь, и наше Ты, обращенное к ним, замирает на пороге языка." (Бубер, 1993, С. 7 - 8). Речь идет об отношениях между субъектами и субъективированными объектами - животными, растениями и неорганической природой, превращенными человеческим сознанием в субъектов благодаря религиозной или художественной деятельности. Это превращение не уничтожает в данных объектах их объективности, эта объективность в большинстве случаев осознается субъектами превращения. Исключение составляют некоторые формы религии, например, фетишизм.

Наконец, внутри самого общения можно было бы выделить ряд форм в большей или меньшей мере обладающих свойствами субъектно-объектной деятельности. Мы различаем так называемое диалогическое и монологическое общение. Последний случай представляет собой своего рода асимметрический процесс. Сюда относятся некото-

рые виды дистанционного общения (общение с людьми прошлого посредством их книг, фонограмм или изображений, общение с известными людьми и художественное общение с использованием средств массовой коммуникации) и некоторые виды контактного (непосредственные творческие встречи с известными людьми, художественное общение в театре, в концертном или выставочном зале, общение с квазисубъектами и с субъективированными объектами). В этом случае действительной совместности действия нет. Если даже все субъекты общения и присутствуют друг для друга актуально, то есть телесно живут в эту минуту и в телесности своей оказываются доступными, может быть, даже находятся в одном пространстве, теснота которого соизмерима с масштабом их тел (в отличие, например, от пространства такого дистанционного общения, какое возможно благодаря телевизионным и радиотрансляциям), их функции не одинаковы: одни - зрители, читатели, слушатели - пассивны, другие - авторы и инициаторы общения - активны. Ничего подлинно совместного и общего, то есть одинакового для каждого, как правило, в результате такого общения не вырабатывается. "Совместная выработка результирующей информации" (Каган, 1988, с. 146), духовной или материальной, не является специфическим свойством общения, ибо она присуща и познанию, и преобразованию, и даже управлению.

Диалогическое общение - единственный его вид, который можно в полной мере отнести к известному определению М.С.Кагана. "Общение это процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность" (Каган, 1988, С. 149). Диалогическое общение тоже неоднородно, если рассматривать его в данном контексте. Те свойства субъектно-объектной деятельности, которые можно обнаружить в процессе диалогического общения, ничтожны, но не заметить их нельзя.

В наибольшей мере такими свойствами обладает общение, обслуживающее другие виды деятельности, и представительное общение. В первом случае общение очень часто превращается в тот или иной вид коммуникации, зависящий от специфики соответствующей субъектно-объектной деятельности. Во втором случае общающиеся в значительной мере ограничены в своем контакте ценностями и свойствами групп, интересы которых они представляют, и вынуждены играть роль или выполнять функцию, уподобляясь объектам.

Наконец, существует такой вид общения, цель которого одна - само общение. Здесь интересы общающихся ничем кроме общения не направлены, здесь имеется подлинная совместная активность уникальных партнеров - личностей, здесь даже может вырабатываться новая информация, повышающая их уровень общности. Но, к сожалению, и это общение не безупречно. Даже внутри симметричного общения существует асимметрия, активность участников не распределена равномерно: кто-то (Я) - всегда актуально и презентативно активен, а кто-то (Другой) - всегда гипотетически и аппрезентативно активен, он всегда - своего рода загадка, тайна для Я. "Симметричность межсубъектного взаимодействия" (Каган, 1988, С. 147), то есть, симметричность субъектных статусов корректируется асимметричностью субъектных позиций. Именно поэтому современная западная философия даже отождествляет проблему общения с проблемой доступа к Другому (Э.Гуссерль, Ж.-П.Сартр, М.Мерло-Понти), что, конечно, не вполне правомерно, ибо этот доступ не является единственным мотивом общения.

О позициях участников общения речь пойдет и во втором параграфе работы (см. разделы, посвященные характеристике позиций участников общения). Теперь, рассмотрев среду существования общения, перейдем к описанию его специфической структуры.

1.1.2.4. Отличительными чертами общения М.С.Каган считает: новизну вырабатываемой в его результате информации, совместность, деятельностный характер, симметричность, участие уникальных субъектов во всех их модусах, материально-духовную вариативность процесса, повышение уровня общности участников общения.

Совместность, симметричность, повышение уровня общности участников и новизна, на наш взгляд, - существенные, но не специфические признаки общения. Остальные признаки действительно должны быть включены в структуру его определения. О симметричности и совместности было сказано выше, теперь проанализируем понятие новизны результатов общения.

Новизна вырабатываемой информации тоже - не специфический признак общения. Даже самоцельное диалогическое общение невозможно без использования социокультурных стандартов, языков и кодов, позволяющих общающимся понимать друг друга, что снижает уровень уникальности актов общения и новизны их результата. Как отмечает Б.Д.Парыгин, новизна может характеризовать результаты и преобразования, и познания, и оценки (Парыгин, 1999, Гл. "Общение как коммуникация"). В то же время общение может представлять собой лишь своеобразный обмен уже имеющейся у общающихся информацией, который только в небольшой степени оказывается ее увеличением, но далеко не всегда это увеличение является одинаковым результатом у всех участников информационного контакта. Если перед нами общение, то цель этого обмена, конечно, не только гносеологическая, она должна быть целью общения. Совместное воспоминание двух друзей или влюбленных о проведенном ими когда-то прекрасном времени может иметь цель и мотивы, как присущие общению, так и противоположные выработке новой информации. Эти люди хотят пережить еще раз то, что было когда-то, именно прошлое оказывается для них тем содержанием, которое заполняет рождающуюся теперь общность. Нет оснований полагать, что элементы новизны, хотя бы в одном из вариантов описанного события, окажутся чем-то большим, нежели маргинальные характеристики. Отсюда следует также, что и повышение уровня общности участников общения не всегда имеет место быть в качестве его результата. Добавим в этой связи, что общение иногда протекает в форме непримиримой полемики, а, значит, приводит лишь к повышению уровня самоопределения и обособленности каждого из его участников.

Одним из важнейших достижений концепции общения М.С.Кагана является, на наш взгляд, определение его как вида деятельности.

В неоднократно цитированной работе М.С.Кагана общение и общественные отношения противопоставлены по нескольким парам и видоизменениям признаков, но главные из них следующие - общение конкретно, деятельностно, общественные отношения абстрактны, то есть процесс, протекающий во времени и пространстве, противопоставляется идеальному типу связи людей, осознанное и контактное отношение неосознанному и дистантному, непосредственное опосредованному (Каган, 1988, С. 135 - 141). Это различие крайне важно для уточнения предмета данного исследования, ибо нас интересуют не отношения статистических единиц типа вхождения в объем понятия "житель России", не связи ничего не ведающих друг о друге Иванова Петра Петровича и Сидорова Ивана Ивановича, а их конкретные, "хронотопные" контакты. Подобная статистика выражает именно общественные отношения, а не конкретные связи - общение. Мое отношение как жителя города Санкт-Петербурга к жителю, к примеру, полуострова Таймыр, имярек, о котором мне известно лишь то, что он существует, нельзя назвать общением, но это общественное отношение, ибо мы оба - жители России.

Общение есть всегда деятельностное отношение, которому противостоят отношения подобия и различия, то есть сущностные связи людей в качестве людей, жителей страны или представителей этноса, мужчин и женщин, стариков и детей, женатых и холостых, образованных и занятых в той или иной практической сфере, принадлежащих определенной конфессии или политической партии, сословию или имущественному цензу. У всякого понятия есть объем и содержание. В данном случае одни и те же биосоциальные и социо-культурные категории человека в качестве экземпляров их поня-

тийного объема служат основой общения, а в качестве понятийных содержаний служат основой общественных отношений.

Принимая во внимание все выше изложенное, мы должны сказать, что определение общения в концепции М.С.Кагана не учитывает все многообразие его видов и привносит в него, хотя и существенные, но неспецифические свойства. Так же, как и М.С.Каган, А.А.Леонтьев исходил из представления о деятельностной природе общения, он не стремился дать законченную дефиницию его понятия, но ему удалось охватить с помощью своего определения все возможные случаи подлинных межсубъектных отношений, однако и он привнес ряд неспецифических - хотя и существенных - для общения характеристик в это определение. А.А.Леонтьев пишет: общение есть "процесс установления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психологическом отношении." (Леонтьев, 1999, С. 63). Во-первых, психологическая связь между людьми - не вполне достаточный признак общности общающихся, сюда следует отнести также и социо-культурную связь. Трактовка природы психологической связи также оказалась за пределами дефиниции: не ясно, например, только духовна она или нет. Во-вторых, непонятно о каких людях идет речь, о личностях или индивидуальностях, то есть, это определение не дает оснований для различения общения и коммуникации. Для нас в определении А.А.Леонтьева чрезвычайно важно указание "на процесс установления контакта". Действительно, всякое общение есть процесс установления контакта, *процесс конкретного, деятельностного приобщения одного уникального субъекта к другому уникальному субъекту, во всех его разновидностях, процесс целостного сопереживания ему, и духовного, и практического*. Таково предлагаемое нами определение общения.

Н.А.Бердяев, М.Бубер, К.Ясперс пишут об общении как о подлинной и единственной форме жизни. Конечно, нельзя согласиться с такой преувеличенной квалификацией, общение - не единственная форма человеческого бытия; но, если прав Аристотель, говоря, что уровень ценности любого сущего зависит от того, насколько оно самодостаточно, насколько оно существует ради себя самого, насколько стремится к нему человек в поисках счастья, мы должны отметить, что общение занимает высшую ступень в ценностной иерархии форм человеческого бытия. В.В.Бибихин так говорит об этом: "общение укоренено в человеческой природе" и далее - "оно само и есть, можно сказать, человеческая природа" (Бибихин, 1987, С. 110). А вот максимальное по мощи высказывание М.М.Бахтина, которое могло бы быть эпиграфом к настоящей работе: "Быть - значит общаться" (Бахтин, 1979, С. 312).

1.2. Структура коммуникативного акта и история общения

Анализ основных философских представлений, сопровождавших проблему общения на протяжении XVIII – XIX веков, позволяет прийти к определенному пониманию структуры предмета данного исследования, понять его основные компоненты и виды связей между ними.

Еще Р.О.Якобсон в своей работе "Лингвистика и поэтика" обобщил основные представления о структуре коммуникативного акта. К.Шеннон в работе "Математическая теория связи" (Шеннон, 1963, С. 243 - 332), К.Бюлер в "Теории языка" (Бюлер, 1993, С. 31), А.Шафф (Шафф, 1963, С. 265), У.Р.Эшби (Эшби, 1959) рассматривают различные аспекты информационного контакта в зависимости от избранной точки зрения: теоретико-коммуникативной или частносемиотической. Ф. де Соссюр в "Курсе общей лингвистики" (Соссюр, 1999, С. 19) говорит о том же, исследуя особенности функционирования языка, а Л.Ф.Чертов (Чертов, 1993, Гл. VII), - исследуя функционирование различных видов знаков в целостной системе семиозиса, процесса создания

и понимания осмысленных сообщений. Ж.Дюбуа и лжецы (Дюбуа, 1986, С. 54 - 55) говорят о том же в целях построения общей риторики.

К.Шеннон выделяет в акте коммуникации следующие элементы: источник сообщения, результат декодирования, кодирующее и декодирующее устройство и канал связи. К.Бюлер и А.Шафф: знак, отправителя и функцию выражения, получателя и функцию обращения, предметы сообщения и ситуации в функции представления. Р.О.Якобсон и Ж.Дюбуа: адресата и функцию обращения, адресанта и функцию выражения, контекст и функцию референции (указания на предмет, в связи с которым возник контекст), код и метаязыковую функцию, канал связи и фатическую функцию (материального обеспечения), сообщение и поэтическую функцию (творчества содержания). Все эти компоненты и их функции, несмотря на различное историко-научное происхождение и применение, даже при первом соотнесении и сравнении обнаруживают многочисленные аналогии, свидетельствующие об объективности и операциональности полученной структуры коммуникации.

Наше исследование показало, что общение имеет определенные необходимые и достаточные свойства, перечень которых совпадает в целом с основными характеристиками указанных выше теоретико-информационных моделей коммуникации.

Во-первых, в общении участвуют хотя бы двое основных действующих лиц: инициатор и интендер (откликающийся на инициативу), а с другой стороны - Я и Другой.

Во-вторых, общение протекает в пределах различных контекстов (ситуаций), в той или иной мере типичных и вбирающих его в свой состав как важнейший элемент, и по определенным каналам, то есть с помощью различных материально-телесных средств трансляции сообщения.

В-третьих, общение обеспечивается набором кодированных правил порождения и понимания материально-телесных средств трансляции сообщения.

Однако особенности исторического рассмотрения типов коммуникации накладывают свои требования к выявлению свойств компонентов общения. Это должны быть наиболее ясные и отчетливые признаки, способные оставлять отпечаток в исторических источниках и достоверно содействовать выделению искомым объектов исследования из массы социо-культурных фактов. Э.Дюркгейм в своих знаменитых "Правилах социологического метода" так рассуждает о предмете всякого исторического научного интереса: "объектом исследования следует выбирать лишь группу явлений, определенных предварительно некоторыми общими для них внешними признаками, и включать в это же исследование все явления, отвечающие данному определению" (Дюркгейм, 1995, С. 58). Укажем подробнее и отчетливее важнейшие компоненты и признаки интересующей нас группы явлений общения.

1.2.1. Участники общения должны рассматриваться по нескольким показателям.

Первое - виды объема, то есть количества участников общения в той или иной его позиции: инициатора - интендера и Я - Другого.

Второе - специфические качества позиций участников общения, возникающие у них только благодаря коммуникативному контакту.

Третье - общие антропологические свойства участников общения, имеющиеся у них вне зависимости от коммуникативного контакта, но оказывающие влияние на него.

1.2.1.1. В.Штерн одним из первых обратил внимание на то, что участниками общения могут быть не только конкретные личности (Штерн, 1906, С. 229). В работе М.С.Кагана "Мир общения" неоднократно отмечается "полиmodalность" субъектов общения. Таким субъектом помимо конкретной личности могут быть целые культуры, отдельные группы людей и их представители, субъективированные объекты (вещи, растения, животные), квазисубъекты (другое Я, образ отсутствующего человека, мифологический или художественный образ), вступающие в контакт с реальным субъектом или между со-

бой (Каган, 1988, С. 250). Понятно, что история общения предъявляет нам некоторые контекстуальные условия существования типов общения с подобными участниками.

Большинство исторических источников в силу их социального статуса будут свидетельствовать не об общении конкретных личностей, но об общении отдельных групп людей. Вместе с тем увеличение участия конкретной личности в создании произведений культуры и функционировании ее институтов в истории человечества влечет за собой рост количества источников, содержащих информацию об общении конкретных людей. Однако на личное общение всегда оказывает влияние социальная группа, к которой принадлежит субъект контакта, и, следовательно, в той или иной мере оно демонстрирует черты представительного или коллективного общения.

Особой проблемой истории общения является представительное общение и диалог групп и культур. Представительное общение всегда играло большую роль в истории культуры и оно засвидетельствовано большим количеством источников, но и в его становлении происходили существенные изменения. Так, представительное общение на первых этапах существования различных - традиционных - культур являлось доминирующим. Субъекты общения не выступали в эти эпохи в качестве самостоятельных, они представляли какую-то группу или культуру в целом, пол, общину, профессиональную гильдию, сословие. Между социальной функцией и человеком фактически не существовало зазора, и он оказывался едва ли чем-то большим, нежели комбинация этих функций. Такое общение мы будем называть функциональным, оно длительное время доминирует в истории культуры над остальными формами общения. Однако с течением времени, в эпоху креативных культур дистанция между личностью, представляющей группу, и самой группой увеличивается, функция становится ролью, и такое представительное общение можно назвать ролевым. Ролевое общение уже не является доминирующим в структуре общения эпохи креативных культур. Похожее различие "полярных" социальных категорий человека - роли и функции - находим у А.Кречмара: ""полярными" понятиями являются: в безличной социальной системе: "социальная структура", "социальная функция", "функционер", "социальная норма" ("ролевое ожидание"), "система ценностей"; в системе личности: "социальная позиция", "социальная роль", "личность", "ролевое предписание", "ценностная ориентация"" (Кречмар, 1970, С. 87). Теоретические категории А.Кречмара мы дополняем историческими характеристиками.

Коллективное общение в различные эпохи истории культуры сводится, на наш взгляд, к той или иной разновидности представительного общения. В эпоху традиционных культур коллективное общение фактически является функциональным общением с увеличенным числом участников, диалог перерастает в монолог и различие между этими типами оказывается только количественным. В эпоху креативных культур коллективное общение становится ролевым общением с увеличенным числом участников. Анализ исторических фактов показывает, что по большинству параметров коллективное и представительное общение совпадают и имеют общие источники информации (исключение составляют только некоторые специфические виды каналов и контекстов общения). Именно эти типы общения и будут поэтому в центре внимания нашего исследования.

Диалог культур, если его не рассматривать лишь как предельный действительный случай коллективных контактов, обнаруживает свойства и виды, которые нельзя квалифицировать только категорией общения. Среди артефактов каждой культуры обнаруживается группа различных типов, так или иначе формирующих образ данной культуры и некоторых других культур, прежде всего территориально близких, а также исторически или генетически родственных, находящихся в определенных отношениях с исходной (соперничества, господства / подчинения, близости / чуждости и так далее). Речь идет о легендах, пословицах, языковых фактах. Известно, например, широко распространенное представление античных греков о том, что все, чем прославились их ремесленники, политики, художники, "сначала" было изобретено в Египте (см. классический вариант "египтомании" в

“Истории” Геродота), или такая русская поговорка, как “незванный гость хуже татарина”, этноним “немцы”.

Подобный фольклорный и языковой материал не может считаться экземпляром формы или какого-нибудь элемента общения, хотя он является экземпляром форм диалога культур. Такая квалификация сделана нами потому, что отмеченные факты не принимают непосредственного участия в акте коммуникации, они не являются примерами кода, канала или участников общения, они не есть примеры какого-нибудь его вида. Впрочем, их можно рассматривать в качестве результатов общения, ставших экземпляром элементов его канала, и при некотором допущении как элементы межнациональных общественных отношений (экземпляры форм диалога культур), даже оказывающие влияние на конкретные коммуникативные акты. Разбираемые факты могут определять общий антропологический статус контактирующих субъектов (их социальные характеристики), и все-таки именно конкретной функции в процессе общения им не достаёт для того, чтобы оказаться специальным предметом данного исследования.

Диалог культур имеет несколько видов типологии.

Во-первых, он различается в зависимости от того, каков его инициатор - конкретная личность, представляющая себя или целую культуру, или социальная группа. Каждый исследователь, обращаясь к изучению иных, нежели его собственная, культур, вступает с ними в общение. Но Фома Аквинский, например, в споре с язычниками осознанно является представителем христианского Запада, а Карл Ясперс, рассуждая о коммуникации культур осевого времени, занимает позицию, чуждую всякой культурной принадлежности, универсальную, в некоторой степени личную, а в некоторой – представляющую определенное научное сообщество. В данном случае имеет значение именно его намеренная позиция, хотя ее универсальность с иной точки зрения может показаться следствием европейской рационалистической культуры. Неконкретная личность, представитель социальной группы или целая социальная группа тоже могут создать особую форму диалога культур.

Во-вторых, диалог культур может различаться в зависимости от того, к кому обращается его инициатор, то есть, конкретен ли адресат. Речь идет о том, является ли он определенной исторической личностью (как, например, Данте Алигьери, с которым вступает в общение в своем творчестве А.С.Пушкин, цитируя его, споря с ним, переводя его и комментируя), интересной не только в качестве себя самой, но и всегда в качестве представителя иной культуры; или он оказывается любым потенциальным представителем приглашаемой к контакту культуры (как это происходит почти в каждом послании новозаветных апостолов: к иудеям, к коринфянам, к галатам).

В-третьих, диалог культур существует не только между разными этническими или национальными культурами, но и внутри одной. Это может быть диалог эпох или традиций (как, например, “диалог Москвы и Петербурга” в России или западноевропейский диалог официальной и народной культуры в эпоху средневековья). Межэтнические контакты могут также осложняться диалогом эпох и традиций (ср. шпенглеровское определение русской культуры как “апокалиптического бунта против античности”).

Для истории общения оказывается важным рассматривать не только такие виды межкультурного взаимодействия, как добродетельные, равноправные и признающие ценность партнера, но и такие, как вредное заимствование, вражда, полемика, отрицающие эту ценность, агрессивно осуждающие и даже призывающие к уничтожению или уничтожающие. Все они предполагают, на наш взгляд, общение. Это общение, конечно, далеко от его идеала, нарисованного психологами или философами-экзистенциалистами, но история изобилует источниками, свидетельствующими, что едва ли не большинство форм межчеловеческих отношений были негативны и подобны указанным выше (приведу только знаменитое соотношение “мирного” и “военного” времени в совокупной исто-

рии наций: последнее превышает первое в несколько тысяч раз, фактически являясь исключительным случаем, ибо всего только несколько лет люди на всем земном шаре не находились одновременно в состоянии войны). Однако в этом негативном общении иногда вырабатывалась собственная позиция, даже узнавалось нечто о противнике (в советское время что-либо узнать об истории религии можно было проще всего из словаря атеиста, а о зарубежной философии - в ее всевозможных "критиках") и сознательно или бессознательно входило в систему ценностей полемизирующей культуры. Возражая М.С.Кагану, утверждавшему, что общение всегда приводит к повышению общности его участников, В.Н.Сагатовский пишет: "не следует отождествлять общение с высшим его видом" (Сагатовский, 1999, С. 151). И далее: "можно общаться с кем-либо как субъектом отнюдь не на основе любви и стремления к взаимопониманию и общности, но, будучи вынужденным считаться с его стратегией, которую хочешь преодолеть, или из-за выгоды такого общения и т.п. Не следует отождествлять нравственный идеал общения с реальным категориальным статусом этого феномена" (Сагатовский, 1999, С. 152).

Полемика свидетельствует о признании одного ее субъекта другим именно как субъекта (равностатусного, хотя и не равноправного) в качестве достойного оппонента, в качестве, может быть, опасного соперника или противника (это отношение сохраняется даже в момент убийства оппонента, но тогда он приобретает и свойства вещи). Вещь нельзя ненавидеть, ненависть - типичное межсубъектное отношение, а, следовательно, общение не всегда приводит к увеличению уровня общности общающихся. Становление полемики неразрывно связано со становлением диалога во всех формах общения, зависящих от вида объема его участников: коллективной, межличностной, представительной. Но именно межкультурное взаимодействие обладает наиболее богатым материалом по данному вопросу. Однако в тех случаях, когда один из оппонентов физически или духовно уничтожает другого, этот случай уже не может характеризоваться как общение в чистом виде, он является одним из описанных видов переходных форм, в которых общение представляет лишь один из элементов структуры.

Существуют и такие участники общения, объем которых равен нулю. Это квазисубъекты и субъективированные объекты. Их общение также претерпевает изменение в истории культуры. Его не становится меньше, наоборот. Общение с умершими предками, тотемными животными или героями, с божеством в форме молитв и ритуалов дополняется художественными и эстетическими переживаниями: общением, эмоциональным контактом человека с природой и образами искусства. Человек, обретая в истории культуры свое личное Я, получает возможность вести диалог и с самим собой, от своего имени. Общение с отсутствующими или воображаемыми людьми может приобретать произвольный характер, лишенный сакрального компонента. Общение мифологических персонажей сопровождается общением персонажей художественных в связи с появлением, количественным ростом фактов и утверждением важнейшей роли искусства в культуре.

Мы хотели бы обратить внимание на смысловую сложность термина "межличностное общение". Традиционное его значение - теоретическое и морфологическое, то есть речь идет о существовавших во все времена контактах между конкретными людьми. Именно так употребляют этот термин М.С.Каган и А.А.Леонтьев. Однако, думается, что только в эпоху Нового времени или чуть раньше - Возрождения в истории западной Европы человек в самой широкой массе обретает творческую свободу и полную независимость от культурных традиций, даже не отказываясь от них и не разрушая их с целью создания новых или полной "аннигиляции"; он просто не связан жестко с какой-либо одной и самостоятельно может ориентироваться в них и изменять многое из считавшегося раньше неизменным, хотя бы в своей собственной культурной жизни. В эту эпоху межличностное общение приобретает новый смысл. Это уже не просто контакт

двух конкретных людей, но именно - двух личностей. Э.В.Сайко даже противопоставляет общение и диалог и придает данным категориям исторический характер, основываясь на событии возникновения личности в Новое время: “Диалог это исторически возникший тип общения, появление и развитие которого связано с исторически определенным состоянием и развитостью индивида как субъекта исторического действия, с определенным уровнем его самосознания, самоопределения, со становлением личности” (Сайко, 1999, С. 14).

И именно поэтому имело бы смысл различать интериндивидуальное и интерперсональное общение как разновидности межличностного или просто различать интериндивидуальное общение традиционных культур, в эпоху которых межличностные контакты представлены спорадически, а доминируют ролевые, и межличностное общение креативной культуры, в которой уже интериндивидуальное общение становится исключением.

1.2.1.2. Одним из основных свойств коммуникативного акта является неравнозначность позиций его участников, выражающаяся в таких терминах, как: “Я” и “Другой”, “адресат” и “адресант” и тому подобное. Во многих существующих концепциях общения указывается противоположная отмеченной выше его особенность (Рубинштейн, 1973, С. 336; Каган, 1988, С. 141 - 156). Важнейшим свойством общения объявляется “симметричность межсубъектного взаимодействия” (Каган, 1988, С. 147).

Однако в ряде философских и эстетических концепций XX века оформился интерес к так называемой проблеме Другого (М.М.Бахтин, Э.Левинас, Ж.Деррида). Особенно на неравнозначности позиций Я и Другой в процессе межсубъектного взаимодействия настаивает М.М.Бахтин в работе “Автор и герой в эстетической деятельности”. Вот его весьма энергичное заявление: “Я как субъект акта, полагающего время, вне-временен. Другой мне всегда противостоит как объект, его внешний образ – в пространстве, его внутренняя жизнь - во времени” (Бахтин, 1994, С. 175). Он показывает, что всякий процесс общения есть сложный результат взаимодействия людей, открывающийся каждому из его участников из определенной перспективы, источником которой оказывается Я, а пределом - Другой.

Только с позиции, потусторонней общению (позиции “Он”), можно обнаружить равенство общающихся, это равенство, тем не менее, в значительной мере есть только сходство перспектив общения, сходство и удвоение отношений Я - Другой, и только потом - оно есть результирующая общность контактирующих людей. Эти отношения удваиваются или умножаются в зависимости от количества участников общения. Оно есть не столько симметричная, сколько обратимая структура, одинаково разворачивающаяся из каждой позиции его участников. Перспектива контакта актуальна вне зависимости от того, какую функцию выполняет Я или Другой, то есть функцию выражения, создания сообщения или его понимания, расшифровки. Понимание не есть специфическое свойство Другого, а создание сообщения не есть свойство Я. Оппозиции Я - Другой и адресант - адресат не совпадают. Я, так же как и Другой, может быть и адресатом и адресантом, то есть они могут конструировать и интерпретировать те или иные сообщения. Различие Я и Другого лежит скорее в плоскости категорий активности и пассивности. Я есть сосредоточение активности, Другой - относительно пассивная сторона. Я оказывается сферой презентуемого общения, Другой - сферой аппрезентируемого общения. Сфера презентуемого общения есть некое пространство, в котором наглядно разворачивается общение. Сфера аппрезентируемого общения есть пространство гипотетическое, о котором известно благодаря сложным процессам аналогических рассуждений.

Термины "адресат" и "адресант" в рамках теории общения не вполне точны, поскольку сообщают интересующему нас процессу ярко выраженные идеально-

информационные характеристики, тогда как здесь они могут быть приняты лишь в расширительном смысле. "Адресат" означает в таком контексте интендера общения, того, на кого оно направлено, а "адресант" означает инициатора общения. "Адресант" и "адресат" темпорально различаются, ибо деятельность первого предшествует деятельности последнего. Термин "Другой" в ряде работ заменяется терминами "чужой" (Вальденфельс, 1999) или "иной" (Мерло-Понти, 1999; Деррида, 2000). Термин "чужой" в концепции Б.Вальденфельса означает, "во-первых, то, что лежит за пределами собственного; во-вторых, то, что принадлежит другим; в третьих, то, что является чем-то иным, необычным, гетерогенным" (Вальденфельс, 1999, С. 125). Все эти, - безусловно, верно отмеченные, - аспекты, на наш взгляд, лучше, чем термин "чужой", выражает термин "Другой". Во-первых, термин "чужой" вносит некоторый оттенок "чуждости" (нем. Fremd обладает сходной с русским прилагательным семантикой) в свойства участников общения, который, хотя и возможен (а, может быть, даже и необходим), но все-таки не имеет определяющего характера. "Чуждость" в процессе общения всегда уравнивается "свойскостью", "общностью" общающихся (по А.А.Леонтьеву, цель общения - унификация общающихся и повышение их общности - см.: Леонтьев, 1999, С. 65). Во-вторых, семантика термина "чужой" связана с отношениями собственности, которые, конечно, имеют место, но также излишне конкретизируют отношения общающихся. Термин "иной" акцентирует внимание на инаковости партнера общения; инаковость, бесспорно, не равна чуждости, но по той же причине, что и чуждость, - по причине преувеличенного акцента на недоступность одного из общающихся для другого, - должна быть лишена права на организацию семантики ключевого термина теории. Термин "Другой" удачно объединяет семантику всех рассмотренных выше оппозиций: "собственный" - "несобственный"; "свой", "общий" - "чужой", "чуждый"; "такой же" - "иной".

Общение может быть и монологичным, и диалогичным, но оно в любом случае сохранит перспективу Я - Другой, и точно так же - в любом случае - и Я, и Другой выйдут из этого состояния измененными, "соучастниками общего дела", заключающегося в "совместной выработке результирующей информации" (Каган, 1988, С.146). Впрочем, как уже отмечалось в первом параграфе, это не всегда очевидно. Например, в области художественного общения реципиент, конечно, участвует в выработке нового содержания артефакта, интерпретируя его каждый раз по-иному, а вот автор? Может ли он измениться, общаясь с читателем и не становясь при этом одним из них? Это большая теоретическая и историческая проблема.

Для нас важнейшим тезисом оказывается следующий: общение (пусть даже в качестве "микрорелемента") входит в состав всякой человеческой деятельности, ибо последняя не мыслима без сознательного, воспитанного в обществе и культуре, семиотически организованного отношения к ней со стороны ее субъектов. Что бы ни делал человек, он в тот же самый момент общается со множеством ему подобных, хотя бы в форме отношения к традиции его деятельности. Коммуникация оказывается в таком случае своеобразной переходной формой, располагающейся в спектре форм общения между диалогом и общением как побочным процессом, сопровождающим принципиально некоммуникативные формы деятельности.

Таким образом, исключение коммуникации из истории общения явилось бы неоправданным обеднением предмета данного исследования. Необходимо рассматривать и эти - необратимые, асимметричные - информационные процессы в единой истории общения, не отдавая предпочтения симметричным, а в последних обнаруживать обратимую асимметричность Я - Другой. Особенно важна данная асимметрия для таких явлений, как художественное общение, общение с субъективированным объектом и с квазисубъектом, диалога культур. В этих формах коммуникации позиции ее участников абсолютно неоднозначны. По-видимому, именно данный фактор был учтен

М.С.Каганом при построении его классификации форм общения. Большинство “партнеров общения” в ней - “другие” по сравнению с его источником - Я. Это могут быть “язычники”, к которым обращаются Фома Аквинский или Климент Александрийский, божество, которому молится верующий, художественный персонаж, которого подслушивает читатель, любимый пес, к которому обращается хозяин.

В подобных случаях Другой лишен активности, он ограничен со стороны источника общения, готов, оформлен и завершен; его, конечно, может создать автор, или “пересоздать” в процессе интерпретации конкретный реципиент коммуникации (автор - один, а реципиентов - бесконечное множество), случается и общение Я с самим собой, то есть еще более всевластная для него ситуация, но - именно Я наделяет Другого свойствами партнера и по собственным правилам. Теория вчувствования (эмпатии) Т.Липпса несправедливо не учитывает этих правил, но весьма верно трактует процесс абсолютно асимметричного общения как проходящий за счет деятельности Я, реципиента или адресанта. Однако было уже показано, что и обратимые формы общения представляют собой умноженные асимметричные процессы, даже в такой ситуации, как межличностное общение.

1.2.1.3. Помимо уже определенных различий в статусе участников общения следует указать и другие - более широко известные, лишаящие контактирующих людей равноправия в этом контакте, но от этого не перестающие быть свойствами участников именно общения, а не чего-либо иного. Это свойства, принадлежащие не только участникам общения, но и его коду и каналу, они придают целостность коммуникативной ситуации и поэтому, как исполнители данной функции, должны быть особенно тщательно изучены. К тому же исторический материал обладает большим количеством информации именно о них.

Речь идет о социально-экономических и биосоциальных свойствах общающихся субъектов. В традиционных культурах подобные свойства превращают всякое общение в представительное или, точнее, - в функциональное. К.Леви-Стросс в “Структурной антропологии” отмечает, что представители традиционных культур ощущают свою индивидуальность именно в специфике социальной функции, которую они выполняют (Леви-Стросс, 1985, Гл. “Искусство”), поэтому даже собственное тело подлежит у них обработке в направлении превращения его в инструмент и символ данной функции (одежда, прически, татуировки, трансформация отдельных органов). Б.Малиновский выдвигает о социальных институтах традиционных культур - основной единице функционального анализа - два следующих важнейших теоретических утверждения: первое - “нельзя провести резкой границы между формой и функцией” (Малиновский, 1997, С. 685); и второе (фактически являющееся разъяснением первого) - “невозможно выделить в чистом виде материальный аспект социального поведения и проанализировать социальную реальность в отрыве от ее символических аспектов” (Малиновский, 1997, С. 685 - 686). Аналогичные идеи высказывают и другие антропологи: М.Мосс, А.Рэдклифф-Браун (Мосс, 1996; Рэдклифф-Браун, 1952).

Но и в креативных культурах указанные характеристики продолжают формировать общение, однако с ними происходят существенные изменения: они больше уже не оказывают определяющего влияния на субъектов общения, область их активного вмешательства теперь ограничена каналом и контекстом общения. Для субъектов коммуникации подобные свойства – лишь социальные роли, по отношению к которым они ощущают осознаваемую или нет, но всегда определенную дистанцию. Они присутствуют латентно, в большей или меньшей степени и плохо поддаются историческому анализу. Их значение выявляют и описывают психологи и социологи в качестве идеальных типов, например, клишированности массового поведения современного человека. В современном обществе существуют институты и сферы, где человек ментально и пове-

денчески очень близок выполняемой им социальной функции, но, все же, наверное, нет таких случаев, кроме психопатических, когда он не отличал бы свою личность от нее.

Социально-экономические и культурные характеристики, имеющиеся здесь в виду, весьма широко известны. Речь идет прежде всего о следующих:

- сословно-имущественное положение людей;
- образовательный статус и профессиональная принадлежность;
- конфессиональная и политическая ориентация.

Сословные и классовые характеристики субъектов общения накладывают массу запретов и организуют массу форм и правил, которым подчиняется общение. В некоторых случаях оно оказывается даже невозможным, по крайней мере отдельные его виды, например, между представителями различных сословий или каст. Имущественные возможности субъектов общения также оказывают на него важное влияние, хотя и в более гибком варианте. Большинство ритуалов, правил и норм общения возникает именно благодаря сословно-имущественному положению людей. Образование человека и род его занятий создают так называемый “круг” его общения, вырабатывают язык и правила контактов. Они своеобразно переплетаются с сословными характеристиками в организации коммуникации. То же самое следует сказать и о культуре человека. Его мировоззрение, его политические и религиозные симпатии, его вкусы иногда чрезвычайно гибко, но всегда заметно реализуются в том, как он общается с другими.

В сложном синтезе (или синкретизме) указанных свойств рождаются модели и нормы общения. Кажущееся единство социального бытия, основанное на единстве языка и культуры, оборачивается пестрой картиной при пристальном взгляде только на то, как люди позволяют или не позволяют себе вступать в контакт даже со своими соотечественниками, коллегами или родственниками. Жесты, языковые клише, способы связи, даже жилые помещения и одежда свидетельствуют об этой пестроте. Они являются своеобразными инструментами общения и в большинстве случаев производны как раз от социально-экономических и культурных характеристик человека определенной эпохи и страны.

Биосоциальные свойства человека не менее интересны для истории общения, чем отмеченные выше социально-экономические и культурные. Речь идет о следующих:

- этнические и национальные особенности;
- половые и возрастные характеристики.

Биосоциальные свойства человека, конечно, не являются предметом только биологии или физиологии; они - существенный индикатор и организатор общества и культуры. По этим свойствам люди определяются в социальные группы, имеющие свою одежду, свой тип жилища и место в структуре поселения, свою социальную функцию и язык, и, конечно, свои модели и нормы коммуникации. Для истории общения особенно важны специфические характеристики таких категорий лиц, как взрослые, старики и дети, мужчины и юноши, женщины и девушки, женатые и холостые. Внутри каждой из них и между ними складываются особые нормы и модели общения, находящиеся в сложном взаимодействии с другими - социально-экономическими и культурными правилами осуществления коммуникативных ситуаций. Как показывает история культуры, биосоциальные нормы общения обладают чрезвычайной “выживаемостью”. Они очень не гибки, несмотря на происходящие с ними изменения, сохраняют жесткость, время от времени интенсифицирующуюся даже в современном мире. До сих пор создаются новые институты, ограничивающие общение между мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми, например, закрытые мужские или женские образовательные учреждения, женские или мужские виды спорта.

Таковы основные категории участников общения, на которые должна обратить внимание его история.

1.2.2. Канал и контекст - следующие важнейшие компоненты коммуникативной ситуации, подлежащие историческому рассмотрению.

1.2.2.1. В принципе все, что является человеческой деятельностью и что связано с ней в форме ее предмета или источника, бытийствует в атмосфере коммуникации. В работе “Феноменология знака” (Докучаев, 1999) мы продемонстрировали семиотический характер всякого процесса и факта культуры. Но “семиотичность” – лишь элемент “коммуникативности”. Еще Р.Барт в “Основах семиологии” утверждал, что культура семиотична и коммуникативна в силу сознательности деятельности, ее породившей (Барт, 1975, С. 114 - 163). Каждый культурный продукт есть носитель определенного смысла: функции, способа изготовления (технологии), дополнительных (символических) коннотаций. Аналогичную точку зрения содержит и учение Ю.М.Лотмана о семиосфере (Лотман, 1992). Но скажем больше: природа со всеми ее предметами и процессами неразрывно связана с культурой в форме тех же смыслов – знаний о природе, вовлечена в семиотическую орбиту культуры и вне ее существует лишь как сомнительная кантовская “вещь в себе”. Знания о природе суть культурная форма существования природы, превращающая ее в знак в носителя значений и, следовательно, в результат и источник коммуникации. Культурные смыслы порождаются, понимаются, имплантируются в бытие благодаря коммуникации. Согласно Э.Гуссерлю, даже простой объект, вроде лежащего на дороге камня, вызывает к нашему сознанию в качестве импульса культурной смыслоорганизации, вызывает к общению с ним, или, точнее, с теми, кому мы обязаны его осмысленностью, с теми, кто создал эти смыслы и населил ими этот камень (Гуссерль, 1998).

Данные обстоятельства очень затрудняют определение категории “контекст общения”. И все-таки можно выявить внутреннюю структуру этого контекста, учитывая значение его для исторического анализа коммуникации.

Во-первых, мы различаем канал и контекст общения. В конкретных обстоятельствах это сложно сделать, и ниже будет даже показана особая сфера общения, которая синтезирует свой канал и контекст. К контексту общения относятся все экстракоммуникативные факторы, теснейшим образом взаимосвязанные с ним и оказывающие влияние на его содержание и структуру: на характеристики участников, особенности канала и кода. К каналу общения относятся средства (инструменты) общения и сам способ его бытия, причем речь идет о конкретных, локализованных в пространстве и времени вещах и процессах, а не об абстрактных правилах, то есть коде, организующем канал согласно условиям контекста для эффективного коммуникативного контакта.

Во-вторых, поскольку общение возникает в процессе любой человеческой деятельности, классификация его контекстов зависит от того, насколько внутренние особенности различных видов деятельности соответствуют сущности общения. Общение и само является видом деятельности, поэтому следует выделить, в первую очередь, два вида контекстов коммуникации. Это “самоцельное общение” (термин М.С.Кагана) и служебное общение. Самоостоятельность, самоцельность, имманентность общения свидетельствуют о том, что, обладая этими свойствами, коммуникация приобретает особый, иерархически утвержденный статус, то есть занимает высший уровень в иерархии подобных контактов. Самоцельность есть такой контекст общения, в котором оно более всего соответствует своей сущности.

Сущность общения – приобщение общающихся, взаимопроникновение их друг в друга, взаимоутверждение их ценности и взаимопомощь в их бытии. С этой точки зрения следует различать общение и субъектно-субъектную деятельность как логический вид и род. Производство товаров в ремесленном цехе благодаря разделению труда есть, безусловно, субъектно-субъектная деятельность, но ее цель – не приобщение субъектов друг к другу, а преобразование мира, создание искусственных вещей. Общение может

служить производству, а производство, как и всякая другая деятельность, может служить общению, примеров чего бесконечно много: от простого поддержания бытия людей с помощью продуктов питания или одежды до обеспечения с помощью средств связи и транспорта коммуникативных контактов различных видов; но этот служебный характер производства по отношению к общению, выполнение им одной из важнейших функций последнего ни в коей мере не может стать основанием для квалификации производства как общения, даже если мы назовем его “материально-практическим общением”.

Общение есть, конечно, не только приобщение абстрактного содержания одного сознания к абстрактному содержанию другого, оно есть целостное сопереживание одного человека другому, однако “действия сталеваров у доменной печи” или “хирургов в ходе операции” (Каган, 1988, с. 256), хотя и включают общение, но не являются им, ибо они не являются только сопереживанием и приобщением людей друг другу.

Самоцельный и служебный контексты общения всегда конкретны, их конкретность не зависит от степени приближения к сущности общения. В этом смысле абсолютно справедливо различие общения и общественных отношений, о котором речь шла выше. Общение - конкретный, деятельностный процесс, общественные отношения - абстрактные, эйдетические структуры.

Служебный контекст коммуникации образует своего рода переходную сферу между самоцельным общением и общественными отношениями, и в этой сфере имеются свои градации, своего рода приближения к той или иной предельной границе, к первому или к последним. То есть служебные контексты могут в большей или меньшей степени соответствовать сущности общения, приближаться к ней, и тем самым терять свой служебный характер и становиться самоцельным контекстом общения, или наоборот - отдаляться от нее. Среди различных видов деятельности есть виды, требующие большего или меньшего проявления творческой природы человеческой личности. Так, функциональное общение традиционных культур или современное общение в процессе обслуживания конвейерного машинного производства, отдавание и выполнение простых приказов (типа “шагом марш”) в меньшей степени требуют этого. Функциональное общение организуется как контакт субъектов, выполняющих определенные социальные функции, имеющие не только коммуникативный смысл. В этом общении решается не только задача приобщения уникальных личностей друг к другу; когда оно происходит, открывающаяся ценность Другого имеет, хотя и субъективный, но имперсональный, социальный характер (Другой - как крупный специалист, примерный семьянин и тому подобное), то есть общение играет не только свою роль, но и чужую, социализируя, подготавливая человека к совместной с другими деятельности, находящейся уже вне сферы общения и коммуникации. Такое общение несамоцельно и даже механично. От нее - лишь один шаг до отношений между жителями города Санкт-Петербурга и полуострова Таймыр.

А вот сферы управления, социальной работы (педагогика, медицина, наука и искусство, игра) креативных культур почти немыслимы без творческой активности участвующих в них личностей, без взаимного учета ими собственных свойств и способностей, без постоянного узнавания друг друга, без общения. Творческий характер подобной деятельности раскрывает личности ее участников и приобщает их друг к другу, то есть создает возможность и необходимость общения.

Таким образом, среди служебных контекстов общения выделяются механические и творческие. Однако и среди творческих контекстов можно обнаружить такие, которые в большей или в меньшей степени соответствуют сущности общения. Некоторые из них преследуют только одну цель, точнее, она оказывается главной, а все остальные - вспомогательными, такие контексты мономодальны, но существуют и полимодальные

контексты, преследующие сразу несколько целей, причем ни одна из них не оказывается в привилегированном положении. В подобном случае процесс общения нельзя отличить от другого процесса, первый способствует эффективности последнего, а последний - первого.

К таким - полимодальным - контекстам творческого служебного общения относятся, например, семейные отношения креативных культур. Семья выполняет множество функций, она способствует духовному и физиологическому воспроизводству человеческого рода, материальному обеспечению жизни людей, но она есть и форма общения, она в качестве основной своей цели преследует организацию контекста общения людей, приобщения одного человека к другому. То же самое следует сказать и о художественном общении, ибо восприятие художественных произведений в равной мере является и общением, и познанием, и оценкой. Некоторые формы человеческого досуга, например, туризм; познания, например, историческое изучение жизни выдающихся людей, также следует отнести к обсуждаемому здесь виду коммуникативного контекста.

Этот вид ближе всего подводит нас к рассмотрению вопроса о канале общения, благодаря нему между контекстом и каналом общения образуется своего рода переходная сфера, наличие которой отмечалось выше. Контекст и канал общения всегда находятся в чрезвычайно тесном взаимодействии, но оно наиболее последовательно проявляется именно для данного коммуникативного контекста.

1.2.2.2. Неразличимость канала и контекста общения объясняется тождеством их субстрата. Контекст общения есть целостная коммуникативная ситуация, в которой обнаруживаются элементы и свойства самого разнообразного деятельностного статуса. Этот статус может относиться к сущности общения, а может относиться к сущности познания, преобразования или оценки. Канал общения есть те конкретные элементы контекста общения, в которых воплощается его сущность; канал, таким образом, есть часть целостного контекста общения, которая может в предельном случае совпасть с целым. Речь идет о самоцельном общении. В такой ситуации все, что происходит, имеет единственную цель, это - общение, следовательно, все, что происходит, является его инструментами, средствами или каналом. Другие контексты общения в той или иной мере не совпадают с каналом общения. В полимодальном контексте одни и те же формы являются и каналом общения, и средствами других видов деятельности, одновременно либо в разное время; иногда в этих формах имеются нетождественные специфические элементы, отвечающие за осуществление общения и других видов деятельности, но и в этом случае даже не имеющие к общению непосредственного отношения элементы косвенно участвуют в его протекании. В одномодальных и механических контекстах возникают элементы, имеющие ничтожно малое отношение к общению или вторичное, вспомогательное.

Особо следует отметить, что контекст общения никогда не включает таких элементов, которые совсем не связаны с каналом общения. С одной стороны, это их отношение к каналу чрезвычайно градуировано, а, с другой стороны, контекст общения очень часто не исчерпывается своими коммуникативными задачами. Однако среди элементов и форм контекста общения для данного исследования особенно важны такие, которые содержат каналы, напрямую, непосредственно устроенные так, чтобы выполнить функцию общения.

Все подобные примеры канала общения различаются двояко.

Во-первых, по типу семиотической организации, то есть способу существования в качестве носителей смысла и функций, определяющих их место в функциональной структуре коммуникации и сопутствующих ей видов деятельности.

Выделяются три основных типа каналов общения: практический, символический, практичеко-символический. Эта триада имеет некоторую аналогию с известной клас-

сификацией общения, делящей его на практическо-материальный, практическо-духовный и духовный виды. На наш взгляд, традиционная классификация эвристически очень ценна, но содержит важный неоправданно скрытый смысловой слой, ибо она, будучи построенной по семиотическому критерию, выражается с помощью сугубо онтологической терминологии. Изменяя терминологию, мы хотим вскрыть данный слой, ввести семиотические категории в названия видов общения. Это не только уточняет смысл традиционной классификации, но и позволяет сделать ее более удобной в историческом исследовании.

Практический канал общения характерен для служебных контекстов, но может встречаться и в самоцельной коммуникации. Он представляет собой совокупность разнообразных средств и действий, имеющих практический характер. Например, действия и средства практической взаимопомощи людей, направленные на приобщение их друг к другу, такие, как современный подарок в знаменательный день и сопровождающий его ритуал. Подарок есть результат или попытка приобщения к личности его адресата, однако он может иметь и практическую ценность, акт его дарения может представлять совокупность конкретных практических действий, учитывающих не столько традиционные нормы дарения, сколько характерологические и персональные особенности человека, к которому она обращена, или свойства подарка. Если кому-то в России и в наши дни дарят фортепьяно, то это свидетельствует об особенностях личности дарящего и того, кому дарят, и требует значительных материальных затрат и физических усилий, но крайне редко сопровождается какими-либо символическими традиционными жестами.

Аналогичные действия и предметы широко распространены в семейных отношениях людей, дружеских контактах, воплощенных, например, в форму шахматной игры или путешествия. Функциональное общение традиционных культур часто известно нам как практическое общение, обладающее практическими средствами достижения собственного эффекта. В самоцельном контексте общения практический канал, напротив, ограничен, он оказывается средством практики именно общения. Это могут быть, например, предметы и действия людей, способствующие их уединению для предстоящего общения, то есть соответствующие сознательные перемещения, постройки, техника.

Символический канал общения характерен для самоцельных контактов общения, но распространен и в служебных. Символический канал представляет собой совокупность предметов и действий, имеющих строго конвенционально закрепленное и условное значение. Практическое (мотивированное) значение этих фактов либо вообще никогда не существовало, либо оказалось полностью нейтрализованным, символическим.

Функциональное общение изобилует такого рода каналами во всех своих разновидностях и контекстах. Креативные культуры значительно сократили количество таких каналов, но все же продолжают их постоянно использовать. Самый главный из них - естественный язык. Естественный, вербальный язык - основное средство общения. Это обстоятельство признается во всех теориях коммуникации и языка. Выше оно было обосновано с помощью подробного описания коммуникативной структуры вербального языка, в частности, такого свойства, как гетерогенность его составляющих. Именно естественный язык позволяет максимально полно осуществить приобщение людей друг к другу. Никакие другие практические и символические каналы не в состоянии совершить что-либо подобное. Естественный язык, конечно, недостаточен в общении, он не способен транслировать многое из того, что составляет бытие человека, но от этого значение его нисколько не снижается; его роль и участие во всех видах деятельности человека, в том числе в общении, чрезвычайно важна.

Помимо естественного языка, конечно, существуют и другие символические каналы общения. Та же самая ситуация дарения, которая описывалась выше, может вполне протекать и благодаря символическому каналу. Для этого достаточно ритуализировать все участвующие в ней действия и предметы, нейтрализовать их практическое значение. Дар в таком случае не будет каким-либо полезным предметом, его наличие может выражать уважение к адресату дарения, лично или как представителю какой-либо социальной группы. Например, дарение руководителю современного государства меча выражает признание заслуг его или представляемой им страны, их величия и роли; меч может быть вполне качественным и даже совершенным оружием, но при этом совершенно ясно, что его практические функции нейтрализованы определенной символикой и не имеют непосредственного значения, хотя в какой-то мере, скажем, исторически, они могут мотивировать данную символику. Подобное символическое дарение вполне допустимо и в интерперсональном, и в ролевом, и в функциональном общении.

Третий вид канала общения - практическо-символический. Он представляет собой синтез первых двух видов и является совокупностью практических действий и средств, сохранивших свой практический смысл, но приобретших дополнительное символическое значение. Каждое такое действие или средство не только способно решать конкретные практические задачи (как упоминавшийся выше не утративший своей поражающей способности меч), в том числе и задачи общения, но оно действительно их решает, и несмотря на это организовано по правилам, выходящим за пределы этой задачи, в область символов, конвенций и условий. Так строительство жилищ в традиционной культуре славян всегда обуславливалось двумя типами причин - практическим и символическим: “пригодным оказывается лишь то из всей совокупности пригодного, что удовлетворяет также и требованиям символической классификации” (Байбурин, 1983, с. 33). Аналогичные типы причин обуславливают иногда и деятельность общения, например, в свадебной обрядности, политических ритуалах (общение послов иностранных держав).

Данный канал характерен для всех контекстов общения: и служебных, и самоцельного, он возможен и для функционального, и для ролевого, и для интерперсонального общения. Вернемся к ситуации дарения. Допустим, что теперь подарком является не меч, а, например, лошадь. Все те же символические коннотации, сопровождавшие процедуру дарения меча и сам меч, могут возникнуть и в данном случае, но лошадь даже для наших дней не утратила практического смысла. Она, хотя почти и не имеет уже производственного значения, вполне еще распространена в качестве своеобразного помощника в спорте и на отдыхе. Живое есть тот остаток практического, который не удается нейтрализовать символу. Символическое и практическое бытие лошади в качестве средства общения нельзя разделить, одно не существует без другого. Конечно, при определенной коммуникативной установке практический или символический смысл лошади можно редуцировать к несущественному компоненту ее общего значения, но это сложно сделать.

Некоторые варианты каналов общения всегда по своей природе тяготеют к тому или иному семиотическому виду: практическому, символическому, практически-символическому. Они либо созданы такими, либо долго существовали в рамках соответствующей коммуникативной традиции, допускающей их принадлежность только к одному из возможных видов каналов.

Во-вторых, кроме семиотической организации каналов общения, следует указать и на такой принцип их различения, как принадлежность к различным видам контекста общения. Каждый контекст общения имеет определенную специфику, технологию, и, поскольку канал общения является его частью, эта специфика распространяется на него так же, как и на другие части. Особый канал общения, таким образом, будет у каждого особого контекста общения, типология контекстов окажется значимой и для типологии каналов.

Служебные и самоцельные, механические и творческие, мономодальные и полимодальные виды общения будут иметь соответствующие их природе каналы. Познание, преобразование, оценка, игра и мифологический ритуал, досуг и семейные отношения постольку, поскольку они осуществляются в мире общения, будут иметь собственные средства коммуникации, которые будут изменяться в историческом процессе. Во всех предметах и действиях, с которыми имеет дело человек и из которых складывается его деятельность, можно обнаружить такие свойства и элементы, которые позволяют ему осуществлять эту деятельность совместно с другими людьми, приобщаться к другим и открывать доступ к себе самому.

Подробный источниковедческий анализ контекстов и каналов общения должен составить представление о том, какие именно действия и предметы подлежат прежде всего изучению историком общения. В процессе этого изучения иногда могут возникнуть сложности при различении каналов и контекстов общения, однако данное различие в целом методически продуктивно и для некоторых контекстов просто необходимо, если придерживаться намерения рассматривать именно общение, не теряя предмет в объекте - большом смысловом объеме видов человеческой деятельности.

Канал и контекст общения сложно взаимодействуют не только между собой, но и с участниками общения. С одной стороны, определенные группы участников, объединенные обозначенными выше характеристиками, могут создавать свои собственные контексты и каналы общения. С другой стороны, они могут оказываться в иных контекстах, сущностно производных от свойств иных социальных групп или не производных ни от каких социальных групп, имеющих своего рода общечеловеческое происхождение. Так, например, общение мужчины и женщины, имеющее свой контекст, видоизменится в зависимости от наложения на него условий других контекстов; если это общение будет происходить в семье или на производстве, в школе или в церкви, оно получит дополнительные контекстуальные коннотации.

1.2.3. В большинстве психологических и философских работ, посвященных определению общения, отмечается его уникальность как процесса, протекающего в конкретных пространственно-временных условиях и связывающего индивидуальных субъектов, порождая такую же неповторимую результирующую информацию духовного или материального плана. Все, что относится к сфере общего и традиционного, рассматривается как не соответствующее или даже мешающее общению, противоречащее его уникальности (Бубер, 1993; Бердяев, 1994). Но выше уже было показано, что общее и традиционное составляют ключевой элемент общения, позволяя его участникам приобщиться друг к другу; они оказываются тем полем и точкой, в которых пересекаются жизни вступающих в контакт людей. Без общего невозможно отношение уникального, без общего между уникальными личностями не возникало бы никакого места для их единообразного участия друг в друге, для понимания и сопереживания.

Таким общим и традиционным компонентом коммуникации является ее код. Код представляет собой совокупность условий и конвенций, в равной мере присущих всем участникам общения. Эти условия суть правила организации действий и предметов, приобщающих людей друг к другу, то есть создающих общение. Код может быть очень сложным, иерархически организованным и распространенным, а может быть простым и состоящим из нескольких элементов одного онтологического и семиотического статуса. Так, грамматика естественного языка упорядочена трехярусной иерархией его составляющих, она включает потенциально бесконечное количество элементов, а сигнализация дорожного светофора - одноуровневая семиотическая система, включающая всего три элемента.

Код связывает все компоненты коммуникации: канал, контекст и участников, но прежде всего он организует канал общения. Если канал - конкретная сторона инстру-

ментальной сферы общения, то код - ее идеальная сторона. Код вместе со своим каналом входит в структуру контекста, однако контекст как вбирающее канал целое также может иметь традиционную и идеально выраженную организацию; это означает, что у контекстов в целом тоже может быть код. Большой код контекста тогда будет включать малый код канала, являться метакодом, и между ними возникнут сложные отношения субординации и взаимоопределения.

Код имеет отношение и к характеристикам участников, он регулирует вступление участников в процесс общения и динамику их функционирования там, причем эта регуляция как раз и зависит от видов характеристики общающихся. Однако, прежде всего, код - идеальная сторона материального и конкретного канала, с ним он связан теснейшим образом, для него в его составе имеется большинство правил и установок. Семиотические виды канала, различные по своей природе, предполагают различные коды, организующие их существование в условиях коммуникации.

Символические каналы общения максимально заданы определенным кодом. Они ведь - не что иное, как превращенные кодом в символы практические предметы. Это превращение может иметь две формы - смысловую и физическую. В одном случае изменяется только социальное значение вещи, в другом - ее физическая форма и состав. Физическое изменение также многообразно: от создания не существовавших никогда вещей до деформации уже известных. Фонетические составляющие слов естественного языка - новая вещь, функционирующая изначально как условный знак, не имеющая собственного практического смысла; она, конечно, создана не из ничего, но звуковой субстрат, составляющий ее, подвергся такой трансформации, которая полностью лишила его возможности мотивировать свою новую функцию. Звуковой субстрат, безусловно, - наиболее пригодная вещь, способная обеспечить эту функцию, но звук по своей физической природе не есть звук выразительный и смысловоразличительный, не есть звук языка. А вот керамический образ меча, входящий в живописно-скульптурную композицию, представляющую какой-либо государственный герб, сохраняет со своим практическим прототипом - действительным оружием - по крайней мере сходство, и не только внешнее; символическое значение меча "сила государства" мотивировано его практическим значением, хотя керамический меч уже и не может использоваться в качестве оружия.

Не должно создаться впечатление, что только символические каналы общения имеют код, а практические его не имеют. Практические каналы - такой же социальный факт, как и символические; первые имеют такие же традиции использования, как и последние. Различие между их кодами - сугубо семиотическое. Код практического канала - следствие его внутреннего бытия, он есть идеализированный смысл канала, интериоризированная (в терминах Л.С.Выготского) и парадигматизированная общественным сознанием собственная сущность действий и предметов практического характера. Код символического канала - внешнее по отношению к практическим и физическим фактам явление, оно, хотя и учитывает их сущности, все-таки слабо связано с ними, скорее, оно навязано им извне социальной конвенцией одним из описанных немного выше способом.

Обобщив все сказанное о коде практического и символического каналов общения, можно получить представление и об их синтезе - коде практическо-символического канала; в нем в равной мере или с тем или иным преимуществом соединены практические и символические традиции.

Какова же природа этих традиций? Многие считают, что они - лишь плод абстрагирующего анализа исследователей, научная модель, бытие которой - лишь фикция, существующая в педагогических и операциональных целях. Однако другая научная традиция, развивавшаяся длительное время, от В. фон Гумбольдта до Ф. де Соссюра и К.Леви-Стросса, говорит обратное: традиция - не абстрактна, она не менее конкретна, чем ее выражение, она противопоставлена ему лишь как ментально-социальное - мате-

риально-индивидуальному. Ф. де Соссюр так пишет об одной из важнейших социальных традиций - языке: "язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе, и это весьма способствует исследованию" его (Соссюр, 1999, С. 22). По крайней мере, код ни в коем случае не существует только в форме его научного описания, он живет в общественном сознании и общественной практике людей, задавая потенциальные значения и способы использования предметов.

Код может быть описан и выражен в качестве наставления, учебника, этикета, или передан устно, причем все эти варианты трансляции могут принадлежать традиции, практикующей его; тогда они приобретают характер особого коммуникативного канала, обладающего уже своим кодом и выступающего по отношению к исходному как метакод. Однако данный канал и его метакод - темпорально и эйдетически вторичная сфера бытования кода, а первичной остается сама социальная жизнь, сама уникальная, но ориентирующаяся на парадигму коммуникация.

Для истории общения и метакод, и живая коммуникация имеют равное значение, хотя метакод не является необходимым элементом культуры и не всегда может быть обнаружен. Код общения есть основной предмет изучения истории общения. В случае отсутствия метакода выявление кода превращается в сложную исследовательскую задачу, предшествующую всяким типологиям и построению закономерной хроноструктуры истории общения.

1.3. Историсофские и источниковедческие основания истории общения

Второй основной существенной проблемой, вставшей перед гуманитарным знанием Нового времени, когда оно обратилось к исследованию истории общения, была его эфемерность. Во всех проанализированных выше концепциях общения, у Л.Фейербаха и Ф.Шлейермахера, В.Дильтея и К.Ясперса, М.Бубера и Ф.Эбнера, Н.А.Бердяева и М.М.Бахтина, А.И.Введенского и И.И.Лапшина, К.Шеннона и Р.О.Якобсона, рассматривались только теоретические вопросы изучения коммуникации, ее структура, морфология и типология, онтологический статус, информологические и психологические свойства. Определялось место общения в структуре человеческой деятельности, которое затем сопоставлялось с аналогичным в генетически родственных процессах жизнедеятельности животных. Однако собственно историей общения занимались мало и фрагментарно, хотя эта задача четко осознавалась: "поскольку, далее, место и функции общения в социальном организме исторически меняются и на каждом этапе общественного развития и в разных странах общение по-своему "вписывается" в жизнь общества и по-разному в ней функционирует, постольку оно попадает в поле зрения исторической науки, оказываясь одним из предметов ее изучения" (Каган, 1984, С. 18). Тем не менее, в фундаментальном исследовании мира общения М.С.Кагана этой проблеме было посвящено только 24 страницы (Каган, 1988, С. 176 - 190). Здесь можно найти лишь самые общие соображения о филогенетических аспектах становления общения. В программной статье Э.В.Сайко, предваряющей сборник "Социокультурное пространство диалога", целиком посвященный вопросам истории общения, уделяется внимание генезису лишь одной из форм коммуникации – межличностному диалогу (Сайко, 1999, С. 9 - 32).

Справиться с данной трудностью поможет, во-первых, построение исторической типологии общения, включающей богатый и удобный терминологический инструментарий для описания и анализа конкретных случаев коммуникации. Во-вторых, этому же будет способствовать выяснение основных видов исторических источников, содержащих информацию о том, каким было общение людей в прошлом и каким оно представлено в настоящем.

1.3.1. Показательно, что и М.Бубер, и М.С.Каган в своих классических работах, в “Я и Ты” и в “Философии культуры” соответственно, допускают, как может показаться на первый взгляд, одно и то же противоречивое построение (Бубер, 1993; Каган, 1996). Они оба признают и неоднократно повторяют, что история общения зависит от истории становления личности, общение, таким образом, очень поздно становится межличностным. Следует сказать даже больше, если общение это процесс взаимодействия неповторимых субъектов, то его возникновение, по-видимому, можно отнести лишь к эпохе западноевропейского Возрождения. (В приведенной выше цитате из статьи Э.В.Сайко возникновение межличностного диалога как раз и приурочено к эпохе Нового времени).

"В противоположность представлениям философов-идеалистов о "врожденном Я", об изначальности отношения "Я - Ты", мы утверждаем, что процесс субъектогенеза развертывается исторически и что в непосредственной связи с ним протекает процесс становления общения как формы межсубъектного взаимодействия" (Каган, 1988, С. 179). Центральное утверждение истории общения М.С.Кагана таково: "изначально индивид и не осознавал себя субъектом, и не являлся таковым реально" (Каган, 1988, С. 177). Однако анализ средневековой культуры Европы в качестве типичной представительницы традиционной приводит к такому парадоксальному выводу «традиционно-канонизированный характер этой культуры был особенно органичным и устойчивым, потому что в обеих своих ипостасях – религиозной и светской – она была непродуктивной, непроектирующей, и поэтому доминировала в ней не предметная деятельность, а общение» (Каган, 1996, С. 351).

Аналогичные утверждения содержатся и в работах М.Бубера: "Фундаментальное различие между двумя основными словами проявляется в духовной истории дикаря в том, что уже в первоначальном событии-отношении он произносит основное слово "Я - Ты" естественно, как бы дообразно, то есть еще до того, как он осознал себя в качестве "Я"; тогда как основное слово "Я - Оно" вообще становится возможным лишь через это осознание, через выделение "Я" (Бубер, 1993, С. 17); "как бы ни отличались друг от друга история отдельной личности и история человеческого рода, в одном они все же сходны: они означают прогрессирующий рост мира "Оно"" (Бубер, 1993, С. 24). Традиционная культура синкретична, в творящем ее социуме еще не сформировался субъект, не выделилось Я, однако именно в ней общение (межсубъектная деятельность, отношение Я - Ты) доминирует над предметной деятельностью (субъектно-объектной, над отношением Я - Оно).

Согласно М.Буберу, общение или отношение, противоположное ощущению, восприятию, представлению, желанию, чувству, мышлению и познанию, отличается от них временностью, то есть непосредственностью и синкретизмом. Эта теория формирует своеобразное понятие общения: оно, быть может, внутри нее и не отличается противоречием в определении, а даже напротив – стремится подчеркнуть особый статус сферы общения, в которой логические законы не действуют. Оказывается, что подлинная уникальность не есть результат исторически возникшего самосознания, а как раз наоборот – результат природной, доисторической тотальности, включающей встречу двух вездесущих сущностей Я и Ты.

Н.А.Бердяев видел в общении аналогичный акт утверждения "тотальной уникальности", отличающийся от предметной деятельности, "объективации" снятием всяческих пределов и форм, классифицирующих факты объективного мира (в том числе даже и такие, как Я и Ты), порождающих социальные традиции. "В объективации нет общения"; "объективация оставляет в одиночестве в познании, как и во всем, а вместе с тем принуждает к сцеплению и связанности с другими и с другим" (Бердяев, 1994, С. 254). Однако Н.А.Бердяев связывает "тотальную, экзистенциальную, подлинно уникальную" сущность общения именно с нашим временем, в прошлом, в эпоху отчужде-

ния, или еще раньше, в эпоху внешнего контакта людей, ничего подобного общению не существовало. Древний синкретизм и экзистенциальное общение - принципиально различные формы взаимодействия людей. Именно невниманием к истории, ее модернизацией отличается поэтому концепция М.Бубера, ведь синкретические культуры и общества при всей взаимозависимости составляющих их элементов, при всей неразличимости в них того, что последовательно будет различаться в креативных культурах, обладали жесткой структурой, передававшейся от одного поколения другому, и потому были лишены уникальности, подобной той, что принадлежит мгновению "настоящего", ведь "только через присутствие "Ты" возникает настоящее" (Бубер, 1993, С. 11), были воспроизводимы. Концепция Н.А.Бердяева позволяет обнаружить антиисторизм М.Бубера, но и она сама страдает той же болезнью: если придерживаться ее положений, общение возникает только в наше время и, даже возникнув, не может иметь истории по определению, ибо история есть только у мира объектов. Экзистенциальное общение есть бытие вне времени и вне познания; то, что проникает из этого бытия во время, уже не является общением и экзистенциальной жизнью.

Исторические построения М.С.Кагана фрагментарны, но несмотря на это позволяют увидеть аналогии с идеями М.Бубера, которые указывались выше. И все же позиции этих философов значительно различаются. Ключ к данному различию заключен в представлении М.С.Кагана о том, что субъект общения полимодален. Если изначально индивид и не был субъектом общения, то есть личностью - одним из модусов субъекта, то это вовсе не отрицает еще того обстоятельства, что он был индивидом, отождествлявшим свою индивидуальность с обществом, которому он принадлежал, с социальной функцией, которую он выполнял; его представительство - еще один модус субъекта, его деятельность поэтому можно квалифицировать как общение. Можно было бы поспорить с утверждением о доминировании общения в традиционных культурах над предметной деятельностью или о доминировании предметной деятельности над общением в креативных культурах, - этот спор, как бы он ни завершился, не обнаружит противоречия в построениях М.С.Кагана, общение окажется возможным, хотя и в разных модулях, для всех исторических типов культур.

Наша концепция функционального общения позволяет уточнить и прояснить данную теорию. Э.В.Сайко, различая диалог и общение как исторические явления, утверждает: "общение изначально присуще человеку и выступает как своего рода атрибут социальности" (Сайко, 1999, С. 16). Мы полностью разделяем ее точку зрения о том, что история диалога (в наших терминах - интерперсональной коммуникации) как формы общения начинается позднее истории общения, которая настолько же архаична, насколько и сам человек. В древности общение существовало, но было - в основном - представительным и функциональным. Концепция функционального общения позволяет сохранить релевантность категории общения для всей истории культуры и не связывать возникновение общения с возникновением личности, которое происходит в эпоху западноевропейского Возрождения и порождает лишь одну из форм коммуникации - интерперсональную.

В следующих главах настоящей работы мы постараемся подробно рассмотреть историческую типологию общения. Здесь же следует продемонстрировать главные общетеоретические принципы ее построения. Мы не будем специально обосновывать сказанное ниже, поскольку само по себе оно не является предметом данного анализа, но лишь отметим важнейшие положения. Весьма широкое их распространение в современной исторической науке также делает легитимной такую краткость.

История общения зависит от истории культуры, но первая является одной из составляющих последней, а поэтому может и сама оказывать на нее некоторое влияние. История культуры вплоть до XIX века не являлась историей единого человечества, она

представляла собой многовариантный процесс, в котором происходили разнообразные изменения. Варианты этого процесса иногда повторялись, иногда были неповторимы, иногда получали развитие, а иногда исчезали, не получив никакого продолжения; многие из них существовали параллельно, и в этом случае могли изредка сообщать друг другу что-либо о себе или никак не коммуницировать, быть в полной изоляции. Между всеми этими вариантами можно установить ряд сходств, имеющих весьма различное происхождение: генетическое (общий предок), контактно-географическое (соседство территорий), субстанциальное (единство человеческой природы).

Идея К.Маркса о примате материальной формы культуры над остальными формами в структуре влияния на ее историю или идея французских просветителей и О.Конта об аналогичном привилегированном положении прогрессирующего познания, или идея В.С.Соловьева о таком же определяющем характере смены форм религиозного единства - все эти идеи в своей претензии на роль выяснения единственного производящего историю фактора культуры одинаково догматичны и хороши лишь как идеальные типы, гипотезы, позволяющие производить ретроспективные исследования нашего прошлого. Никакой из элементов морфологии культуры не является таким фактором, но они все вместе и всякий раз иначе оказывают отмеченное великими философами влияние: иногда какой-либо один из них доминирует, например, материальная культура, иногда доминируют несколько одновременно, например, наука и политическая практика. Историческое исследование остается в рамках трезвого научного подхода лишь постольку, поскольку оно опирается на конкретные источники и устанавливает максимально возможное количество причинно-следственных отношений между ними и описанными в них событиями.

Приступая к построению исторической типологии общения, мы будем придерживаться не столько такой грандиозной цели, как выявление закона хроноструктуры истории, сколько такой скромной задачи, как корректное обобщение характерных экземпляров интересующего нас явления и установление способа и причин преемственности в процессе смены лежащих в основании этих обобщений фактов. Уже отмечалось, что история изобилует сходством своих элементов. Укажем на важнейшее для нашей работы.

При всей разнородности происходившего можно утверждать, что длительное существование человечества характеризуется, по крайней мере на первых этапах, сравнительно медленным развитием, выразившимся в накоплении информации различного рода; эта информация могла утрачиваться и вновь восстанавливаться, могла иметь значение или долго не замечаться. Развитие человечества вызывалось самыми разными внутренними социо-культурными и внешними природными факторами. Развитие еще не есть улучшение и прогресс. Из-за отсутствия отчетливых критериев улучшения культуры в целом, можно констатировать наличие прогресса только в технической ее сфере. Однако прогресс техники почти всегда не приводил к кардинальным изменениям сущности культуры; но все же, сопровождаясь рядом во многом случайных и специфических дополнительных обстоятельств, он привел к тому, что в XIV - XV веках в западной Европе начался процесс научно-технической модернизации культуры, который к XIX веку охватил собой весь земной шар.

Сущность данного процесса заключается в невероятной интенсификации (ускорении) темпов роста изменений культуры. Нельзя сказать, что данная эпоха вообще не знает никаких традиций, речь идет о том, что количество их чрезвычайно возросло и еще возрастет. С некоторых пор они перестали вытеснять друг друга и образовали широкий спектр выбора, что способствовало дистанцированию каждого человека от какой-либо одной из них. Для настоящего исследования не имеет значения то, какие последствия имело подобное дистанцирование в процессе изменения ценности человеческой личности: обеднило ли оно ее содержание, сформировав упрощенный, подверженный моде и утилитарный образец выбора социальной позиции, или впервые создало

условия для возникновения подлинной свободы и уникальности; важен сам факт существования дистанции между личностью и культурой.

Именно в последние пятьсот лет она стала основным свойством культуры, благодаря которому можно говорить о новом ее типе - креативной культуре и противопоставлять его прошлому типу - традиционной культуре. Традиция не уничтожает человеческой индивидуальности, но самостоятельное лицо имеет не последняя, а только первая; у человеческой индивидуальности в пределах парадигматических социальных систем нет выбора между теми или иными условиями бытия, или этот выбор значительно регламентирован; человеческая индивидуальность, следовательно, оказывается особой ипостасью традиции, ее воплощением, создающим модификацию уже существовавшего ранее. Античная культура впервые продемонстрировала миру дистанцию между личностью и традицией, но она показала лишь возможность личности, которая еще не стала основной категорией культуры, не стала общекультурным явлением. Европейское средневековье создало само слово *persona*, христианское учение о человеке как об образе и подобии божественной личности провозгласило равенство всех перед Богом и абсолютную ценность каждого человека. Но лишь Новое время окончательно утвердило господство личности над традицией в культуре, личность перестала быть только коллективной, каждый индивид, по крайней мере потенциально, теперь мог стать личностью.

С точки зрения исследуемой нами проблемы - истории общения - различие культур на традиционные и креативные является важнейшим. В традиционных культурах вырабатывается такой тип коммуникации, который был выше и назван функциональным. Для функционального общения характерно отсутствие дистанции между индивидуальностью участников общения и социальной традицией, которой они принадлежат. В таком контексте присутствуют жестко регулирующие его коды, число которых ограничено. Контекст общения совпадает с основными характеристиками участников общения, преобладают служебные контексты и символические каналы. Синкретизм данного вида культуры не позволяет провести четких границ между контекстами и каналами общения, поэтому их смешанные, переходные формы широко распространены. Следствием синкретизма является также качественная неразличенность интериндивидуального и представительного общения, значительная роль общения с такими партнерами, как квазисубъекты или субъективированные объекты. Асимметрия статусов участников общения сказывается во всех его разновидностях: в диалоге культур, в коммуникации с квазисубъектами и субъективированными объектами, в представительном и интериндивидуальном общении.

В креативных культурах отсутствует синкретизм и господство одной традиции, но увеличивается роль творчества отдельных неповторимых индивидуальностей, возникает во всем своем влиянии на общество конкретная личность, равная одному человеку. Между ним и широким спектром социальных традиций теперь всегда остается дистанция, выражающаяся хотя бы в форме возможного выбора той или иной традиции. Функциональное общение трансформируется в ролевое, его участники больше уже не равны исполняемой функции, они играют роль, надевают маски, которые можно поменять или снять. Понятно, что большинство форм общения и здесь заставляет надевать только одну маску, но человек уже не ограничен только одной формой общения, его характеристики изменчивы, и это позволяет вступать в разнообразные контакты с другими. Коды ролевого общения могут быть как жесткими, так и гибкими, они могут сочетаться в рамках одного канала. Контекст общения может совпадать, а может отличаться и даже противостоять характеристикам его участников, количество символических каналов заметно сокращается, они уже не только не преобладают над практическими, но наоборот - зачастую обслуживают их. Возникает интерперсональное общение, его участники теперь не играют никакой роли, они равны самим себе. Служебные и самоцельные контексты занимают одинаковые ниши

в структуре общения этой эпохи. Интерперсональное общение в подавляющем большинстве случаев как раз и оказывается самоцельным. Думается, именно интерперсональное самоцельное общение стало предметом изучения психологов и экзистенциальных философов; то, что они называли общением, было всего лишь метонимией одного из его видов. Креативные культуры вырабатывают равенство и таких форм коммуникации, как общение с реальным партнером, с одной стороны, и общение с квазисубъектом и субъективированным объектом, - с другой; равенство утверждается и в распространении простых, чистых и смешанных (полимодальных и одномодальных) контекстов и каналов общения; асимметрия участников в равной мере дополняется симметрией.

XX век внес свои коррективы в типологию общения. Можно говорить, что происходит процесс вторичной функционализации общения, например, в контексте тоталитарной или массовой культур. Задачей историка общения является сравнение результатов этой функционализации с типичными формами функционального общения. XX век это век так называемых массовых коммуникаций, век расширяющегося диалога культур, в котором собеседниками становятся не только ныне живущие, но и давно погибшие или даже забытые ранее и открытые вновь культуры. Массовая коммуникация увеличивает количество контекстов и каналов общения, увеличивает асимметрию его участников, повышает роль символических информационных каналов и кодов. Условия прогресса компьютерной техники вновь способствуют росту значения общения с квазисубъектами и субъективированными объектами. И все это происходит на фоне сохраняющихся типов общения прошлого, характерных для креативной культуры XV - XIX веков и даже для традиционной культуры эпох, самой разнообразной степени архаичности.

Подробный анализ характерных исторических вариантов функционального, ролевого и интерперсонального общения впереди. Здесь же важно указать еще основные виды источников, которые будут необходимы историку общения.

1.3.2. Основной причиной теоретического крена в изучении истории общения, как уже отмечалось выше, была его эфемерность.

Общение - процесс, то есть оно существует в форме кратковременных актов, увеличение длительности которых или повторяемость не изменяют сути дела. Общение настолько распространено, что на него не обращают никакого внимания, оно - прозрачно, оно не скрывает обслуживаемой им деятельности, но наоборот - растворяется в ней. Мы замечаем лишь устойчивые объекты и выразительные процессы.

Уже указывалось выше, что истории материальной культуры, искусства, науки и религии чрезвычайно развиты. Пожалуй, последней в этом ряду стоит история науки, к ней внимание ученых было привлечено сравнительно недавно. История есть всегда история ценностей, исследование уникального во всей его неповторимости. Только сущность человека, его деяния и произведения обладают подобным статусом уникальности. История земли - метафора истории человека; процессы, которыми она занимается, существуют в неизменном и воспроизводимом виде в течение громадного по сравнению с человеческой жизнью количества времени. Интерес даже к их изменениям стремится к редукции всего индивидуального и неповторимого в них, к максимальным обобщениям. Природа - прежде всего совокупность видов, ее понятийная логика - логика содержаний; человек - совокупность индивидов, его понятийная логика - логика объемов, стремящихся быть равными единице. Человека можно изучать так же, как и природу, то есть только в том, в чем он сходен с другими людьми или объектами, но подобное изучение не даст полной картины человеческого бытия, не даст самой важной ее части - уникальности и истории. Казалось, что в культуре существуют элементы, лишенные истории; наука, думали еще в начале XX века, есть непрерывный прогресс, не оставляющий позади ничего ценного, но в этом одновременно гуманистическом и ложном поклонении перед человеческим разумом не было истины человеческого одиночества и свободы. Наука в своих результатах так же неокончательна, так же свободна в перспективе развития, как и другие творения людей, а,

следовательно, и у нее есть история. Теперь на очереди открытие истории общения.

Новый гуманизм XX века это не только гуманизм веры в неограниченные возможности человека, но и гуманизм любви к действительности его бытия, гуманизм истории. Это дополнение называли антропологическим поворотом культуры в целом и, прежде всего, ее философии, социальных институтов, политики и образования. Антропологический поворот свидетельствует о важности, о значительности всего созданного человеком, о его абсолютной ценности. Открываются новые перспективы истории. Общение оказывается важнейшим способом этих открытий, как бы не назывался он: герменевтикой, пониманием, ценностным анализом, индивидуализацией. Но и само общение вместе с доступным ему и в нем другим человеком, другой культурой привлекает внимание исследователей. Однако, как ни парадоксально звучит данное утверждение, истории общения в науке до сих пор не существует.

Общение - заметно отличающийся от остальных процессов процесс. Все виды человеческой деятельности процессуальны, но они, как правило, получают свое завершение и осуществление в продукте, они продуктивны. В науке рождаются открытия, символически регистрируемые в соответствующих текстах и физических объектах; технология способствует порождению машин и утвари материальной культуры; художественное творчество - начало произведения искусства; религиозный культ сам одновременно является и продуктом себя и деятельностью его производящей. Продуктивные процессы именно благодаря своей продуктивности заметны и провоцируют создание их истории в ценностном самосознании людей. Продукт общения же - ценность другого человека, другой культуры, то есть сердцевина всякой ценности, но именно ее мы еще только учимся замечать. Творение все еще пока значительнее творца, хотя устранение этой несправедливости уже близится. Ценность другого сложнее всего уловить, она уникальнее чего бы то ни было и слишком хрупка для действий познания, обреченного собственной природой на обобщения и типологии.

И все-таки можно предпринять по крайней мере попытки обрисовать перспективы исторического анализа общения. В истории культуры процессы, если они имеют особое значение для социума или протекают по правилам условной "технологии", могут регистрироваться с помощью специальных канонизирующих моделей, передающихся устно или письменно, а также благодаря другим средствам фиксации и трансляции: вещам, окружающей природной среде, видоизмененной в соответствующих целях. Подобно нотам, в которых скрыта звучащая мелодия, существуют символы, шифрующие общение. Каждый объект культуры и осознанной или измененной в ней природы несет информацию о ее творцах, а, следовательно, является инструментом общения, его контекстом или каналом, или их элементами. Однако было бы безрезультатным занятием, исследуя историю общения, изучать все, созданное человеком с одинаковым интересом. Среди человеческих творений именно модели общения, регистрирующие правила его осуществления, провоцирующие эти осуществления в определенное время и в конкретном месте, в специфических условиях того или иного вида деятельности, с тем или иным составом участников, обладающих рядом значимых для данной коммуникации свойств, - именно подобные модели прежде всего должны быть рассмотрены историком общения.

Помимо моделей общения внимание должны привлечь некоторые его важнейшие результаты, настолько существенные в контексте некоторой культуры, что она допустила возможность возникновения памятников, а иногда целых типов памятников, вроде уже отмечавшегося жанра средневекового западного богословия - "суммы против язычников", демонстрирующих эти результаты, то есть свидетельствующих либо об отдельном единичном, но значительном диалогическом контакте, либо о тенденции или традиции общения, имевшей конкретное место и время свершения.

К третьей группе фактов, подлежащих изучению в рамках истории общения, относятся некоторые виды и подвиды человеческой деятельности, прежде всего ориентирован-

ные на совместное исполнение несколькими людьми и на проявление творческой активности каждого. Сюда же относятся и многочисленные инструменты, способствующие осуществлению контакта между участниками подобной деятельности.

В различных классификациях исторических источников (Медушевская, 1977; Фарсобин, 1983) всегда отмечаются две большие группы фактов. Это письменные и вещественные источники. Помимо основных больших групп, выделяются и такие: фольклорные или устные данные, то есть зарегистрированные исследователями воспроизводящиеся по традиции отдельные формы речетворческой культуры людей; этнографические данные или описания исследователей, фиксирующие целостные поведенческие структуры, включающие основные элементы культурной жизни человека; языковые данные или сведения о лексическом и грамматико-стилистическом строе языка, информирующие о картине мира, сложившейся в данную эпоху истории социума; антропологические данные или останки человеческого тела. Наиболее неоднородна группа вещественных источников: сюда относятся как вновь созданные артефакты, абсолютно, полностью искусственные вещи, так и относительно, частично искусственные вещи (это сознательно измененные ландшафты и сельскохозяйственные культуры: животноводческие и растениеводческие трансформации дикой природы).

Все эти источники в разной степени обладают информацией об истории общения. Попробуем назвать основные конкретные совокупности исторических фактов, непосредственно связанных с человеческой коммуникацией и относящихся к уже выявленному трем большим группам ее явлений.

1.3.2.1. Модели человеческого общения фиксируются письменно и устно, а также этнографическими описаниями. Это, прежде всего, письменные руководства, информирующие о том, как следует себя вести в той или иной ситуации и вступать в общение с тем или иным человеком. Обильный материал такого рода содержится в священных писаниях и преданиях прошлого, например, в еврейском "Талмуде"; в правилах светского этикета, например, в русском "Домострое" (Домострой, 1994); в современных пособиях для любителей хорошего тона, например, в "Энциклопедии хороших манер" (самая обширная публикация такого жанра – СПб.: Диамант, 1996. - 510 с.). Косвенно о возможностях и формах контактов между людьми свидетельствуют законодательства стран. Здесь можно найти информацию о запретах на браки между представителями отдельных сословий, о типах преступлений и наказаний, касающихся сферы этикета общения и чести общающихся. Сюда же относятся уставы и регламенты религиозных, педагогических, производственных и военных объединений, предписывающие определенные действия в ситуациях, неизбежно протекающих с помощью коммуникации и внутри ее среды.

Фольклор и этнография не обладают столь устойчивой системой жанров, обеспечивающих людей правилами общения, однако культуре известны отдельные примеры подобных источников. Даже вещи могут становиться моделями общения. Американские (индейские) генеалогические деревья-тотемы, например, иногда информировали о старшинстве тех или иных предков - прародителей соответствующих кланов, и это старшинство накладывало ограничение на общение между ними и их представителями (Рэдклифф-Браун, 1952, С. 120 - 168).

Модели общения непосредственно вводят нас в проблематику исследуемой здесь темы благодаря тому, что обладают информацией о центральном компоненте коммуникативного акта - его коде; они описывают со всеми возможными подробностями каналы, контексты и участников коммуникации. Однако количественный состав этих источников не велик, что не позволяет только на их основании убедительно построить историю общения. Кроме того, конкретные примеры коммуникации очень часто представляли собой отклонения от общепринятой зафиксированной модели.

1.3.2.2. К важнейшим результатам общения относится большая группа письменных источников. Во-первых, это переписка и послания, направленные к конкретному или расщепленному адресату. Косвенно сюда примыкают договора, указы и подобные

им административные и хозяйственные акты (например, купчие), если в них обнаруживаются данные о характере связей между адресатом и адресантом. Даже завещания и регулирующие их действия законы обладают любопытными сведениями о формах коммуникативных контактов людей. Среди посланий обнаруживаются как теоретические, так и практические виды. Например, послания апостолов христианской церкви в большинстве своем имеют практический смысл (хотя религиозная герменевтическая традиция увидела в нем и возможности глубоких философских выводов и обобщений), а апологетика ранних христиан уже носит черты теоретической дискуссии. Наконец, определенные жанры схоластического богословия представляют собой сложные теоретические трактаты, имеющие форму посланий.

Результаты общения фиксировались и в отчетах путешественников. Еще древнегреческие логографы VI - V веков до н. э. оставили многочисленные свидетельства об интересующих историю общения фактах. В древней Греции и Риме существовал также такой замечательный жанр диалога культур, как сравнительные жизнеописания.

Вещественные источники истории общения данной группы представляют собой, к примеру, памятники, посвященные спортивным достижениям и военным победам, знаменательным политическим событиям: воцарениям и мирным соглашениям с другими народами. Это могут быть целые мемориальные ландшафты, вроде священных каменных армий древнего Китая или арабских мест культового поклонения в Мекке и Медине. Фольклор и этнографические описания также чрезвычайно изобилуют подобными свидетельствами. В ряде произведений искусства содержится важная информация об обычаях и традициях общения. Даже дизайн предоставляет материал по истории взаимоотношений людей, например, греческая вазапись информирует нас о контактах рабов и господ уже сами диспропорциональными метрическими характеристиками их фигур.

1.3.2.3. Самой разнообразной группой исследуемых историей общения фактов является та, которая включает в свой состав контексты и каналы общения, то есть основные исторически воплощенные формы человеческой деятельности и ее инструменты, вовлеченные в и привлекающие к своим технологиям процессы коммуникации. Речь идет о совместной деятельности людей, требующей их непосредственного контакта и эффективной настолько, насколько важен творческий вклад каждого из ее участников. Это некоторые игры и ритуалы (религиозные, политические, светские). Сфера ритуализированного служебного общения чрезвычайно широка; сюда входят: суд, научные дискуссии, педагогический процесс, древние производственно-магические обряды, бытовые ритуалы, оформляющие жизнь семьи, холостяков и вдовствующих, формы досуга (например, балы эпохи барокко в Европе), спортивные и военные игры, религиозные молитвы и обряды (воспроизведение мифа, то есть общение с его героями и его реальностью), праздники (гуляния, карнавалы), политические церемонии (инаугурации, награждения).

Особенно следует отметить искусство как важнейший контекст общения. Помимо вторичных форм общения (изображенного общения персонажей, околотворческих контактов авторов и полемики критиков) художественная культура обладает и своей главной формой. Исторически достоверной, но пока еще очень мало исследованной оказывается вся сфера контактов автора и реципиента произведения искусства. Пожалуй, первыми на историю художественного общения обратили внимание французские структуралисты и постструктуралисты. Мишель Фуко в понятии «функция автора», Ролан Барт и Жак Деррида в понятии «письмо» обнаружили инструмент истории общения, открывающий новые возможности истории художественной культуры (Фуко, 1996, С. 9 - 46; Барт, 1983, С. 326 - 333; Деррида, 2000, С. 452 - 511).

Оказалось, что и автор, и реципиент обладали совершенно разными характеристиками разных культурах и в разные времена, что менялся способ их связи. Автор мог ярко проявляться или исчезать, прятаться и растворяться в авторитете традиции, выражать или изменять эту традицию, создавать собственный мир, требовать понимания,

приобщения, сочувствия или, наоборот, игнорировать своего адресата. Реципиент мог быть жестко ориентирован на определенную эстетическую и художественную реакцию, а мог остаться на свободе собственной интерпретации, возрастающей от простого герменевтического интервала между замыслом автора и пониманием адресата, через духовное сотворчество с автором в функциональном искусстве, до духовно-практической импровизации в перформансе. Художественное произведение в разное время ориентировалось либо на идеал "коммуникативного равноправия автора и реципиента", либо на их безразличие друг другу или даже диктат одного над другим, связывавшиеся с идеалом выразительности и бесконечности герменевтической перспективы.

Помимо основных контекстов общения существуют и основные его каналы, инструменты. Источниковедение, прежде всего, указывает нам на языковые данные - они главный инструмент общения. Однако существуют и другие семиотические средства общения. Язык вербальный дополняется интонацией, жестами, мимикой - паралингвистическими системами знаков, которые так же, как и он, могут быть стандартизированы, превращены в символы, но могут восприниматься и в своем исходном смысле - практическом.

Следующей системой инструментов общения является одежда, украшения и косметика, обладающие, с одной стороны, в силу традиционности, а с другой, - в силу моды большим семиотическим потенциалом помимо практической функции. Р.Барт и П.Г.Богатырев продемонстрировали в своих классических работах сложную систему взаимодействий практического и семиотического смыслов одежды, от отдельного костюма, до гардероба, характерного для всех слоев и групп общества. Одежда своим смысловым составом информирует нас о ее носителях, раскрывает социальный статус человека, его характер и национальную принадлежность, и, таким образом, создает условия общения, организует целые невербальные коммуникативные акты, которые в огромном количестве и почти незаметно для сознания случаются с каждым, кто, например, просто идет по улице современного города и встречает других людей (Барт, 1975, С. 114 - 163; Богатырев, 1971, С. 299 - 366).

Аналогичную одежде функцию в структуре коммуникации выполняют жилища и целые поселения. Они, как и всякая вещь, поскольку ей присуще кому-либо принадлежать, во-первых, оказываются социальными стратификаторами, то есть можно определить специфический статус человека по свойствам и формам вещей, которыми он владеет, и, следовательно, указать его коммуникативные потенции. Во-вторых, большое значение имеет структура жилища и целого поселения; деление жилища на мужскую и женскую половины или деление поселения на сакральную и профанную часть, на места, где проживают холостые и где проживают вступившие в брак. Такая структура поселения или жилища превращает их в действенный инструмент коммуникации, притягивая большое количество обслуживающих средств: ритуалов и утвари. Как показывают А.К.Байбурин и К.Леви-Стросс, даже перемещения внутри жилища или поселения часто были значимыми и сопровождались ритуальным поведением, направленным на формирование определенного контекста общения. В разных местах жилищ и поселений могли находиться только функционально и семиотически сходные с ними предметы, утварь, что также превращало их в элементы коммуникативного контакта, вызывало определенные ожидания при встрече с ними (Байбурин, 1983, С. 133 - 168; Леви-Стросс, 1985, С. 121 - 145).

По мере уменьшения функционального общения, его превращения в ролевое и возникновения интерперсонального, количество его инструментов и средств постепенно и неуклонно уменьшалось. Сфера традиций и условностей теряла свою регулируемую власть над человеческим общением, и, следовательно, оно переставало вовлекать в свою сферу объекты, всегда сопровождавшие человеческую жизнь. В креативных культурах, особенно в так называемой массовой субкультуре, одежда, утварь, жилище и поселение подчиняются принципу утилитарного воспроизводства и потребления, теряют характер социального стратификатора в усредненности своих стандартов и ли-

шаются коммуникативного потенциала. Традиционные инструменты общения теперь выполняют свои прошлые коммуникативные функции лишь рудиментарно, они остаются ориентирами разве что в мире имущественных цензов человека и его индивидуальных характерологических свойств. Пожалуй, только элитарная и маргинальная субкультуры продолжают эксплуатировать древние коммуникативные каналы.

1.3.3. Подводя итоги, отметим, что основными источниками общения являются письменные источники в силу того, что именно они оказываются метакодом, содержащим сведения о кодах общения - центральных его элементах. Однако и вещественные источники могут использоваться при создании истории общения, прежде всего благодаря тому, что из них составлен корпус инструментов общения: к полностью трансформированным природным вещам, искусственным творениям относятся одежда, утварь, жилища, к частично трансформированным - поселения и другие ландшафты. Но и сельскохозяйственные культуры могут быть интересны в данной работе, поскольку они входят в состав рациона питания людей и ритуалов приема пищи, которые, безусловно, являются важнейшими контекстами общения, ибо им также приходится быть и социальными стратификаторами и даже целыми технологиями коммуникации.

Язык, фольклор и этнография дополняют наши сведения об инструментах, контекстах, каналах (технологиях) и кодах общения. Внимательное исследование не упустит даже антропологические данные. Останки человеческого тела, его модификации с помощью мумифицирования и захоронений, живые человеческие тела, подвергшиеся трансформации (татуировки, пирсинг, кольца и формы, изменяющие размеры мягких частей тела, сдавливающие или увеличивающие его), свидетельствуют о социальном статусе их владельцев и могут или подобно одежде, украшениям и косметике организовывать коммуникацию, или просто информировать о соответствующих потенциалах человека; размер и строение черепа позволяют устанавливать способность к психокоммуникативным актам.

К сожалению, культуры, обладающие письменностью или доступные непосредственному наблюдению этнографа, значительно лучше могут быть исследованы, нежели культуры "дописьменные" или доисторические, если речь идет об изучении истории общения, поскольку перед нами история процессов, а не вещей.

Погружаясь в это необозримое море данных, исследователь истории общения должен строго следить за тем, чтобы не утратить своего предмета. Наше различение канала и контекста общения должно способствовать этому, сосредоточивая интерес именно вокруг каналов и кодов общения, поскольку они теснейшим образом связаны с коммуникацией, воплощая более всего ее сущность. Контексты и характеристики участников общения должны быть изучены здесь только в качестве необходимых объясняющих данных, без которых смысл каналов и кодов коммуникации остался бы непонятным. Связь контекстов и каналов общения превращает его историю в интегрирующую культурологическую дисциплину, обогащая методику и предмет культурологии, уточняя его. Эта связь позволяет увидеть роль общения в структуре человеческой деятельности той или иной культуры и эпохи, провести анализ среды бытия коммуникации.

Динамика изменений структуры человеческой деятельности в ее истории показывает, что общение всегда играло ключевую роль, его значение никогда не уменьшалось, но видоизменялось. Функциональное общение было качественно разнообразнее и сложнее, чем общение эпохи креативных культур, но оно ограничивало контакты общающихся с помощью организации различных замкнутых групп: социальных, этнических, возрастных. Ролевое и интерперсональное общение, упростив собственную форму, вовлекло в свою сферу, особенно в век массовых коммуникаций, бесконечное число людей, потенциально - все человечество. Согласно М.С.Кагану, история общения и общественных отношений характеризуется "постепенным расширением сферы общения каждого индивида и каждой социальной группы" (Каган, 1988, С. 138).

Общение эволюционирует, приближаясь к более последовательной реализации собственной сущности. Появляется и утверждается самоцельное общение; приобщение субъектов друг к другу в процессе коммуникации сопровождается утверждением их ценности, формированием личности каждого, желающей раскрыть эту ценность и быть воспринятой в качестве таковой другим человеком, другой личностью. Однако самоутверждение человека, с одной стороны, и технический прогресс, разделение труда и его уменьшение, с другой, лишают общение его основы - необходимости контактов людей. Доля общения в жизни человека сокращается. Педагогическое общение ученика и учителя заменяется дистанционным контактом с тем или иным видом ТСО, игры живых людей заменяются играми с визуальным партнером, ценность самоутверждения в ходе служебной карьеры вытесняет ценность семьи.

Таковы основные методологические предпосылки нашей работы, которые получены в результате анализа ключевых философских, психологических, эстетических и информологических концепций прошлого. Выявленные здесь: изменчивая, но все же сохраняющая свои фундаментальные элементы, структура коммуникации, ее исторические источники и важнейшие историософские принципы анализа позволяют перейти к конкретному описанию характерных особенностей предварительно полученной типологии общения, исследованию пространственно-временных вариантов функционального, ролевого и интерперсонального типов, синтеза этих типов в эпоху массовых коммуникаций (в XX веке). Наше исследование претендует на роль типологии, и, поэтому, оно, быть может, не включает все многообразие форм коммуникации, тем не менее, самые значительные события и их динамику мы постарались учесть. Поскольку автор данной работы не является специалистом во всех исторических периодах и этнических видах культуры, смысловые черты упоминаемого в дальнейшем материала и сам материал часто приводится согласно мнениям крупнейших специалистов по истории культуры соответствующего региона.

Контрольные вопросы

1. Что такое общение?
2. Чем общение отличается от коммуникации?
3. Каковы переходные виды общения и коммуникации?
4. Каковы переходные виды межсубъектной деятельности и субъектно-объектной?
5. Чем общение отличается от общественных отношений?
6. Каковы структура и содержание общения?
7. Чем общение отличается от познания?
8. Чем общение отличается от преобразования?
9. Чем общение отличается от оценки?
10. Чем общение отличается от художественной деятельности?
11. Что такое функциональное общение?
12. Что такое интерперсональное общение?
13. Что такое ролевое общение?
14. Что такое код общения?
15. Что такое контекст общения?
16. Что такое канал общения?
17. Какие бывают характеристики участников общения?
18. Каковы основные источники исторического изучения общения?
19. Каковы основные критерии выделения исторических типов общения?
20. В чем заключается функция общения в структуре бытия человека и общества?
21. В чем заключаются основные препятствия на пути исторического изучения общения?

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОБЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ. ОБЩЕНИЕ И КОММУНИКАЦИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Последовательное изучение истории общения еще только начинается. Такое первоначальное исследование истории общения можно обозначить как контекстуальное.

Это означает, что в основе исторической типологии общения лежит только один элемент его структуры - контекст (виды деятельности, в которых протекает и которые обслуживает общение). Надо сказать, что контекст не является важнейшим элементом. Код и канал общения (средства и правила его организации) - куда более важные, внутренние элементы структуры общения. Контекст же - своего рода внешний компонент, то есть он принадлежит не только общению, но и культуре в целом. Исторические типы общения окажутся в контекстуальной типологии производными от соответствующих типов культуры, типов общества и социальных отношений. Мы, однако, полагаем, что подобный результат на данном этапе изучения истории общения в значительной мере неизбежен. Историческая взаимосвязь общения и культуры не вызывает сомнения. Общение есть процесс, протекающий в истории культуры и зависящий в этом протекании от других ее форм. Общение есть человеческая деятельность, обслуживающая все остальные ее виды; то есть оно существует, как правило, в их контексте, хотя возможно и самоцельное общение, но таковое возникает в истории культуры очень поздно. Поэтому исторические типы общения предварительно должны характеризоваться в контексте исторических типов культуры. Чтобы описывать историю общения, придется решать не только историческую, но и теоретическую задачу, связанную с получением критерия выделения форм общения в истории культуры. Однако затем придется возвращаться к истории культуры и обнаруживать в ней с помощью этого критерия предмет исследования - историю общения. Таким образом, контекстная историческая типология общения есть с необходимостью первая из возможных в ходе изучения истории общения типологий.

Все это, безусловно, не исключает существование и других типологий. Более того, контекстуальная типология общения подготавливает их появление и обосновывает их методологию. Уже сейчас понятно, что продвижение возможно в ходе изучения каналов и кодов общения, то есть основных, внутренних и специфических компонентов структуры общения. Мы в данной работе лишь наметили контуры будущей кодово-канальной исторической типологии общения.

2.1. Функциональное общение в традиционной культуре

Функциональное общение отличается от интерперсонального и ролевого, прежде всего, спецификой его участников. Они не являются еще личностями и в процессе общения выполняют заданные их социумом функции. Появление в истории общества такой категории, как уникальная и социально самостоятельная личность, персонификация, вызвало к жизни интерперсональное общение. Однако общество не прекратило своего существования, а значит, представление его интересов в процессе общения тоже не прекратилось, но оно изменилось. Теперь между социальной функцией и личностью, ее выполняющей, образовалась содержательная дистанция. Личность получила, по крайней мере, возможность выбирать между той или иной функцией, которая, таким образом, превратилась в роль. Общение личностей, играющих социальные роли, мы назвали ролевым.

Важнейшей чертой функционального общения оказалась также его служебность, то есть соответствие основных видов общения в целом морфологии контекстов общения, то есть одного из его элементов. Контекстами же общения выступили, естествен-

но, виды деятельности человека, причем не все, а только те, в которых сотрудничество с другими людьми является необходимым условием эффективности.

Историю кодов и каналов функционального общения можно изложить в следующей схеме. История кодов и каналов общения начинается с архаической культуры. В этот период возникают практический (коллективный труд, община и семья) и символический каналы общения (язык, ритуал). Практический канал характеризуется преобладанием практически обусловленных средств в структуре общения, а символический канал - преобладанием традиционно обусловленных средств. Символические каналы общения в традиционной культуре преобладают. Общение регулируется жесткими кодами (традициями). В период традиционной культуры возникновение письменности ознаменовало новый этап истории символических каналов общения, а возникновение государства (цивилизаций) - новый этап истории практических каналов общения. На исходе традиционной культуры, в эпоху античности возникает практическо-символическое (художественное) общение, а коды общения становятся более гибкими; в эпоху средневековья содержание каналов и кодов общения невероятно усложняется и структурируется.

История контекстов общения в традиционной культуре проходит несколько этапов. Первый - возникновение общения в первобытную эпоху. Второй - дифференциация контекстов общения в эпоху древних скотоводческих и земледельческих культур. Третий - кризис функционального общения и возникновение первых вариантов ролевого и интерперсонального общения в эпоху греко-римской античности. Четвертый - рационализация и канонизация дифференцированных контекстов общения в эпоху средних веков.

2.1.1. Рассмотрим кратко процесс возникновения человеческого общения и его специфические отличия от предобщения животных. От животных человек унаследовал три важнейших вида деятельности: репродукция, добывание пищи и защита. В человеческом - социо-культурно-биологическом - мире они были преобразованы в семейные, общественно-экономические и общественно-политические отношения. Общение и коммуникация являются неотъемлемой частью этих отношений. Однако человек привнес в мир своей деятельности такие специфические формы, аналогов которых не было у животных. Все они связаны с неутилитарным, непрактическим направлением контактов между человеком и миром. Это направление породило такую форму деятельности человека, как досуг и художественное творчество; оно предельно преобразовало примитивную ориентацию животных в познание и оценку, на ранних этапах человеческой истории тесно связанные с религией и мифологией. На этапе традиционной культуры обнаруживается максимум участия общества в деятельности человека. Накопление относительно небольших результатов этой деятельности неминуемо происходило в процессе становления традиций. Общество превращало все формы контактов между своими членами в контролируемые стереотипные функции, и содержание индивида исчерпывалось именно их содержанием.

2.1.1.1. Происхождение человека осуществлялось в контексте его общения с другими людьми. То первое и основное отличие от практической жизнедеятельности животного, составившее сущность человека, заключалось в коллективном характере его деятельности. Взаимодействие животных основывалось на генетически предопределенных или сопряженных с ними и полученных в результате длительных неконтролируемых ритуализаций моделях поведения, передававшихся путем научения (а иногда, позднее, генетически фиксирувавшихся, что возвращало их к традиционному для животных способу трансляции); эти модели почти никогда или лишь случайно обогащались индивидуальным опытом представителя популяции. Взаимодействие людей включало в свой состав общение, оно опиралось на быстро изменяющийся и обогаща-

ющийся индивидуальный опыт, фиксирующийся в коллективном опыте, изменения которого всегда намного превосходили в скорости любой поведенческой эволюционный процесс, все более и более развивая эту скорость.

Как показал А.Н.Леонтьев, эволюция животных есть, прежде всего, эволюция психики, заключающаяся в увеличении полноты адекватного отражения ею окружающей организм среды и природы собственного организма. Психика возникла в процессе облегчения решения биологических задач, она позволила ориентироваться организму в таких элементах его среды существования, которые хотя и не были непосредственно биологически значимы, но состояли в связи с биологически значимым и оптимизировали доступ к нему. Начав с отражения элементарных свойств этой среды, перейдя затем на уровень отражения целостных объектов и их отношений, психика стала человеческой именно тогда, когда научилась различать своего обладателя - человека - и ему подобных в качестве особых сущих - активных и уникальных субъектов своей деятельности. Эволюция психики, именно благодаря ее дебиологизации позволила, лучше решать биологические задачи. Конечный пункт такой дебиологизации есть возникновение межсубъектного общения, направленного уже не на значимый для продолжения жизни объект, а на другую целостную личность, от бытия которой зависит и моя жизнь, и моя личность, и, в конечном итоге, жизнь человеческого рода и социальное бытие. Эволюция психики привела к возникновению деятельности, не имеющей конкретной цели, не реализующейся в конкретном продукте, не направленной на средство сохранения собственного существования, но разворачивающейся ради себя самой и увековечивающей абсолютную ценность уникального и целостного бытия личности. При этом цели жизни, конечно, не были забыты, но они были преобразованы и существенно дополнены.

Трудовая концепция происхождения человека К.Маркса и Ф.Энгельса подтверждается многочисленными данными современной психологии, антропологии и археологии. Момент возникновения общения есть также и момент возникновения коллективного труда первобытного человека или даже более древней эволюционной формы - питекантропа. Для труда характерны прежде всего две следующие взаимосвязанные черты. Одна из них - это употребление и изготовление орудий; другая черта заключается в том, что труд совершается в условиях совместной, коллективной деятельности, так что человек вступает в этом процессе не только в определенные отношения к природе, но и к другим людям - членам данного общества. Труд сформировал тело и сознание человека, и такую важнейшую форму сознания, как язык. Возникновение человека связано с появлением коллективной собственности на мясо, позволявшей учесть субъективный вклад в добычу не только непосредственных участников древнейшей охоты, но и тех, кто подготовил ее успех, но непосредственно не был причастен к нему, то есть изготовителей орудий труда, которые, как правило, обладали недостаточными физическими данными для участия в охоте, но были достаточно квалифицированы и специализированы именно как создатели орудий труда, чтобы весь коллектив был заинтересован в их выживании и продолжении деятельности. Человеческое общение неотделимо в своем возникновении от возникновения орудий труда, сознания и языка. Как показал еще Л.С.Выготский, внешняя трудовая деятельность человека изоморфна его внутренней интеллектуальной деятельности, имеющей свои собственные орудия труда - языки. Животные в состоянии разумно (интеллектуально) изобретать и применять орудия труда, кроме того, их речь обладает, помимо эмоционально-экспрессивной, еще и коммуникативной функцией. Однако только у человека обнаруживается связь между интеллектом (практическим творчеством) и коммуникацией. Эта связь обеспечивается социальным закреплением индивидуально или совместно выработанных значений орудия труда, которые, абстрагируясь от конкретной материальной формы орудия, становятся ментальными социальными парадигмами и могут обрести иное (чем первоначальное - в

форме орудия труда) материальное выражение, что и происходит в момент связывания этого значения с фонациями (выкриками) междометного и звукоподражательного характера. Орудия труда, технологии их использования и номинирующие все это знаки сохраняются и обретают коллективный смысл. Общение таким способом вырабатывает свои собственные средства, а затем обеспечивает ими свое существование. У человека средства коммуникации не просто сигнализируют о чем-то, а являются средствами общественной регуляции поведения, в том числе и деятельности общения.

2.1.1.2. Уже первобытная культура создала весь спектр контекстов функционального общения (см. об этом работы А.Н.Леонтьева, К.Маркса и Ф.Энгельса, трехтомное коллективное исследование "История первобытного общества". М.С.Каган убедительно обосновал трехчастную структуру традиционной культуры: ее разделение на культуру скотоводов, земледельцев и ремесленников-торговцев). Эти контексты в условиях синкретизма первобытной культуры, конечно, еще не могли отчетливо проявиться. Однако наиболее важные из них уже обрели характерные свойства. Таково семейное общение, производственное и религиозное общение. На их качества оказывали существенное влияние возрастные и этнические характеристики участников общения. Семейное общение приобрело классические для традиционной культуры черты: патриархальную зависимость жены и детей от мужа и родителей. Производственное общение характеризуется тесной взаимозависимостью всех его участников и общего эффекта их деятельности от личных характеристик каждого. Зарождающиеся политические отношения пока еще были скрыты внутри родовой структуры общины.

Архаичное функциональное общение отличается от других его исторических форм. Переходность архаичных культур сближают свойства соответствующего функционального общения со свойствами предобщения животных. Как уже отмечалось, это сближение ни в какой мере нельзя рассматривать в качестве отождествления, но и не заметить его также невозможно, ибо оно показывает эволюционный характер человеческого поведения и позволяет определить важнейшие свойства архаического функционального общения. Основная аналогия между архаическим функциональным общением людей и предобщением животных заключается в их служебном характере по отношению к материально-практическому преобразованию природы. Человеческая деятельность в этот период еще не достигла уровня отчетливой дифференциации. В условиях первобытного синкретизма общение являлось компонентом единой синкретической деятельности человека. Не является ли подобное общение своеобразной формой коммуникации? Общение обслуживало материально-практическое преобразование природы в той мере, в которой человек осуществлял субъектно-объектную деятельность. В случае же межсубъектного взаимодействия общение, в свою очередь, включало в состав себя те или иные элементы субъектно-объектной деятельности. Такое включение есть несомненный признак коммуникации. Вместе с тем нельзя не учитывать своеобразие данного исторического этапа культурогенеза. Как уже было отмечено, важнейшей его особенностью являлся синкретизм, то есть не только общение, но и коммуникация не могли существовать в это время в чистом виде. Архаическое функциональное общение, несомненно, носило, если можно так выразиться, коммуникативный характер, то есть оно являлось историческим типом, наиболее близким по своим свойствам к коммуникации, и все-таки следует отличать его от нее.

Общение является неотъемлемым компонентом человеческой деятельности, не существует и не существовало никогда такой культуры, которая не обладала бы формами общения. Возникновение человека неизбежно сопровождалось и возникновением общения между ним и ему подобными. Даже в условиях архаических сообществ индивидуальность имела зачаточные характеристики личности, ибо никогда не была полностью ассимилирована коллективными нормами и ценностями, хотя любой протест ин-

дивида против обычая был обречен на неудачу. Но и это осторожное суждение следует ограничить в его мощности, ведь если бы любой протест индивида действительно был обречен на неудачу, традиционная культура никогда не была бы преодолена креативной культурой. Понятно, что о существовании полноценной личности в эту эпоху речи быть не может, однако своеобразной личностью был коллектив, имевший все признаки личности и, прежде всего, социально ценные и уникальные нормы своей деятельности. Индивидуальность, выполняя функции коллектива, вступала в действительное общение с другой индивидуальностью, в общение, подобное общению подлинной личности с самой собой.

Самоцельное общение на данном историческом этапе было вряд ли возможно, хотя какие-то его элементы, очевидно, не могли не существовать. Самоцельное общение возникнет в качестве полноценного культурного феномена только в условиях дифференциации человеческой деятельности на отдельные самостоятельные типы. Поэтому служебное общение является основным и фактически единственным типом архаического функционального общения. Каковы же были его контексты? Можно различить две большие группы контекстов: внутренние и внешние. К внутренним относятся материально-практическая и духовная деятельность человека внутри своего коллектива (общины, рода, племени). К внешним - взаимодействие его в составе этого коллектива с другими коллективами.

Внутренние контексты имели следующую структуру. Очевидно, что элементы основных видов деятельности уже имелись в составе культуры данного исторического типа. Преобразовательная деятельность оказалась одним из важнейших контекстов общения с самого начала возникновения человека. Большинство ученых склоняются к мнению о том, что важнейшей ее формой была охота, хотя она сопровождалась собирательством, строительством жилищ и изготовлением орудий труда. Преобразовательная деятельность и созданная в ее процессе материальная культура оказывается, таким образом, сердцевинной архаической традиционной культуры, особенно на первых этапах ее существования. Ценностно-ориентационная и познавательная деятельность этого периода, прежде всего, представлена элементарными формами религии. В условиях архаичной традиционной культуры особую роль приобретают отношения родства и обмена половыми партнерами. Сложные структуры этих отношений и обмена оказывались ключевой формой социального бытия людей, его основными социальными институтами.

Семейные отношения и материальное преобразование (охота) являются наследниками биологических форм охоты и половых отношений; напомним, что инстинкты самосохранения, питания и репродукция являются важнейшими стимулами поведения животных. Но их существенное отличие от предшествующих стадий очевидно. Наличие сознания и знакового общения уникальных коллективных субъектов обусловили такую же уникальность каждой из форм человеческих систем родства и охоты. В течение длительного времени эта уникальность не могла быть сколько-нибудь отчетливой и даже носила иногда случайный характер. Однако тенденция к субъективизации человеческой деятельности сохранялась всегда. Помимо биологического содержания, охота и отношения родства всегда обладали новым, постоянно трансформируемым и откладываемым в качестве социальной нормы содержанием. С другой стороны, возникли такие формы деятельности и обслуживающие их формы общения, которые были почти неизвестны биологическому миру. Речь идет о науке, религии и искусстве. Итак, производственное общение, отношения родства, включающие сложные взаимодействия между непосредственными членами семьи и другими представителями рода и общины, и отношения, складывающиеся в ходе религиозной деятельности, являются основными внутренними контекстами архаического функционального общения.

К числу внешних контекстов общения относятся формы взаимодействия общин между собой. Внешнее взаимодействие людей простирается от конфликтов и взаимного уничтожения (адельфофагии) до обмена половыми партнерами и совместной защиты от врагов. И здесь биологические источники деятельности гораздо более ощутимы, поскольку конфликт является эволюционно первичнее, чем совместные действия, что напоминает нам о внутривидовой конкуренции и животной агрессии.

Из выше сказанного следует и типология основных участников этого общения. Поскольку конкретный человек выступал в условиях первобытного общества не от своего лица (то есть интерперсонального общения не существовало, а было только интраиндивидуальное общение, не имевшее существенной культуuroобразующей роли), но являлся лишь представителем этого общества или непосредственным его участником, объемы участников архаического функционального общения были всегда велики либо равнялись нулю. В первом случае это было представительное или групповое общение. Во втором случае это было общение с субъективированными объектами или квазисубъектами. Тотемизм и промысловые культы оказываются контекстом общения как с субъективированными объектами (животными), так и с квазисубъектами (умершими предками); ведовство и культ плодородия - контекстом общения с субъективированными объектами (силами природы; хотя эротические культы иногда сосредоточивались и вокруг своеобразного абстрактного квазисубъекта, например, культ матери); погребальные и племенные культы - с квазисубъектами. Понятно, что представительное или групповое общение преобладало в контексте совместной охоты, обмена половыми партнерами, межобщинного взаимодействия, а общение с субъективированными объектами или квазисубъектами - в контексте культовой деятельности. Однако, поскольку все эти контексты не имели четкой пространственно-временной и смысловой дифференциации, а были сложным образом вплетены друг в друга, не существовало и четкой дифференциации указанных выше форм общения. Отмеченные нами соответствия можно рассматривать лишь как устойчивые тенденции.

Неравенство (асимметрия) или четкая координация и субординация всех факторов всегда было признаком традиционной культуры и общества, поскольку традиция состоит из конкретных, определенных социальных норм, а все, что определено и конкретно, не может быть равным, самодостаточным и независимым. Равенство возникает только в условиях соотношения абстрактных идей, объем которых принципиально неопределим, а содержание определено раз и навсегда, или в условиях соотношения конкретных, целостных и самодостаточных личностей, содержание которых бесконечно и несводимо к определенным социальным нормам и ценностям. Равенство идей есть реальное равенство смыслов, а равенство личностей есть потенциальное равенство бесконечностей духовного и телесного бытия. Любое архаичное функциональное общение было асимметричным, поскольку его процессы представляли собой нормированные отношения субординации и координации между членами общины. Эта асимметрия не должна трактоваться только как субординация участников общения. Субординация - лишь частный случай взаимоотношений между представителями различных социальных групп в условиях выполнения различных видов деятельности.

В условиях традиционной культуры общие антропологические свойства участников общения всегда подчеркиваются, ибо они составляют основу всей социальной регуляции, всего социального функционирования и, следовательно, бытия человека, который не мог бы существовать вне этого социума и личность которого еще не сформирована. Свойства участников общения и его контексты оказываются элементами единой системы. Важнейшими здесь оказываются биосоциальные свойства, хотя социокультурные (например, конфессиональные) свойства также играют заметную роль. Достаточно вспомнить о сложных взаимоотношениях между мужчинами и женщинами,

между представителями различных возрастных классов и различных родов (кросскузенный брак, например, основывался и на половых, и на родовых, и на возрастных свойствах его участников).

Все эти взаимоотношения не могут быть названы только общением, ибо у них всегда была иная, нежели у самоцельного общения, цель. Общение имеет вторичный и служебный характер по отношению к добыванию пищи, продолжению рода, отправлению культа. Обращаясь к какому-либо квазисубъекту, участник его культа не столько стремился приобщиться к его бытию, сколько обеспечить этим приобщением нормальный или успешный ход бытия самого себя и своего коллектива. Точно так же и семейные отношения имели в качестве своей основной цели воспроизводство потомства, а приобщение друг к другу их участников лишь сообщало достижению этой цели большую эффективность. Еще более очевидна вторичность общения в контексте облавной охоты, которая не могла бы привести к значительному результату без участия в ее процессе общения, но цель которой - добывание пищи - уже и вовсе не имеет к общению какого-либо отношения.

Синкретизм и традиционность архаичных культур обуславливает и специфику каналов и кодов архаичного функционального общения. Понятно, что в условиях синкретизма культуры и в отсутствие самоцельного общения его каналы (средства) не могли быть иными, нежели те факторы, которые предоставляли в распоряжение людей их традиционные виды деятельности (контексты общения). Традиционность (нормативность) определяла жесткость кодов любого общения, хотя, как отмечалось выше, эта жесткость не была абсолютно непреодолимой. Синкретизм и традиционность архаичных культур обусловили господство символических каналов общения над практическими. Именно это обстоятельство позволило классикам структурно-функционального анализа (К.Леви-Строссу, Р.Барту) утверждать тождество между языком и культурой, что, на наш взгляд, относительно верно лишь применительно к традиционной культуре. Практические каналы, безусловно, существовали, но их роль была незначительной. Символические каналы господствовали в силу присущей им нормативности, подчиненности условиям традиции, составлявшей смысловое ядро и структуру синкретизма архаической культуры. Они, по определению, не могут функционировать без во всем определяющего их жесткого кода. Жесткость кода не должна связываться с четкой осознанностью этого кода, как раз наоборот, именно четкая осознанность кода приводит, как мы увидим ниже, к отмене его жесткости в эпоху кризиса традиционных культур.

Архаическая культура представляет собой своеобразный период становления человеческой культуры, поэтому она носит, как уже отмечалось выше, переходный характер; вместе с тем, она существовала во много раз дольше любого другого исторического типа культуры. Переходность эта, таким образом, оказалась чрезвычайно устойчивым состоянием, намного более устойчивым, чем любой период господства традиционной культуры. Хотя, конечно, и она не была в течение этого времени неизменной. Изменялась не только культура и ее отдельные виды, но даже морфология и самая сущность человека, причем трансформации культуры и человека взаимобуславливали друг друга. Исторических свидетельств об этом времени, конечно, не достаточно для того, чтобы описать его так же обстоятельно, как описаны последние семь тысяч лет жизни человечества. Двухмиллионная история первобытной культуры, к сожалению, должна рассматриваться весьма схематично. Руководствуясь наиболее распространенной схемой, мы и будем описывать эволюцию архаического функционального общения. Большинство исследователей склонны выделять четыре крупных стадии развития первобытного человека и его культуры, которые, как правило, подразделяются на более мелкие. Первая стадия - стадия предковых форм (австралопитеки, хабилисы), вторая - стадия переходных форм (архантропы), третья - стадия примитивных форм (палеоантропы), наконец, четвертая - стадия классических форм (неоантропы).

1. Предковые формы человека указанными исследователями рассматриваются как специфические животные, поведение которых почти полностью определяется этологическими категориями, однако это "почти" свидетельствует об их особой близости к возникающим формам человека. С человеком их сближают: жесткая структура коллектива, прямохождение, использование и изготовление орудий труда, совместная (хотя и не систематическая) охота. Предлюди жили в прочных и стабильных стадах, охватывавших всех индивидов без исключения. У эволюционно предшествовавших им дриопитеков такого стада не было, их объединения напоминали ассоциации современных шимпанзе, структура которых была не стабильна. Стада предлюдей были строго иерархически организованы. Принцип этой организации - доминирование самцов, а среди них - вожака. Отношения между членами стада ни в какой мере нельзя сравнивать даже с предобщиением у серых гусей: нет никакого намека на индивидуальные связи. Отмечаются постоянные конфликты и даже убийства своих товарищей, борьба за самок, беспорядочные связи с ними и изнасилования (временное парование во время эструса и промискуитетные парования до и после него), неравномерное распределение совместно добытой пищи (преимущество вожака). Исключения из этих правил возможны лишь в ситуации кормления детенышей и охоты; в последнем случае неизбежной оказывалась взаимная поддержка друг друга. Существовали различия межгрупповой и внутригрупповой коммуникации у предлюдей; кроме того, существовало функциональное различие жестов и звуков на охоте (первые употреблялись во время выслеживания жертвы, вторые - во время облавы). Именно замещение у архантропов жеста звуком стало первым признаком возникновения языка.

2. Архантропы уже обладали сознанием и языком. Их коллективы (это произошло еще у хабилисов) уже были обществами (предобщинами), поскольку доминирование было заменено на сознательное социальное регулирование. Исчезновение доминирования, однако, не привело к уничтожению жесткости социальной структуры. Это предполагало, с одной стороны, признание субъективной ценности каждого из членов предобщины, а с другой стороны, наличие определенных правил (символических каналов и кодов) взаимодействия и, следовательно, возникновение общения. Правда, общение ограничивалось пока лишь рамками облавной охоты и связанным с ней равноправным потреблением пищи всеми членами коллектива (а не только вожаками, непосредственными участниками охоты и детенышами), именно поэтому у архантропов еще не сложилось подлинное человеческое общество. Коллективная собственность на мясо распространялась и на орудия труда, связанные с его добычей, а затем и на всю пищу, что привело к возникновению собирательства. Собирательство же, в свою очередь, расширяет круг участников общения, вовлекая в него женщин. Однако общий уровень конфликтности отношений (в том числе, убийств своих товарищей) все еще высок. Не существует и постоянного парования, более того, промискуитетные отношения вытесняют даже временное парование, поскольку система доминирования разрушена. С другой стороны, возникает одно из первых половых табу - запрет на инцест между родителями и детьми. Предобщины архантропов были большими и постоянно перемешивались, что, конечно, не способствовало выработке каких-либо определенных каналов и кодов общения, однако снижало уровень межгрупповых конфликтов. Архантропы не имели постоянных жилищ и одежды. С другой стороны, в эти времена техника изготовления орудий труда значительно усложняется и стандартизируется, а синантропы даже овладевают огнем.

3. У палеоантропов человеческое общество было уже вполне сформировано, хотя и представляло собой примитивную его форму. Возникли небольшие сплоченные коллективы, которые с течением времени все больше уменьшались и изолировались от других коллективов. Внутренние конфликты исчезают, зато распространяются внеш-

ние. Ценность индивида вырастает настолько, что даже мертвецов рассматривали как полноправных членов коллектива. Возникают первые формы познания, искусства и религии. В круг общения включаются субъективированные объекты (фетиши, магические силы природы и тотемные животные) и квазисубъекты (умершие предки). Искусство возникло в контексте религиозной и магической деятельности, хотя всегда было не вполне ей подчинено. Такие его жанры, как макароны и руки, свидетельствуют о сложном взаимодействии палеоантропов с окружающей их фауной, об охоте на нее и борьбе за жилища. То же верно и для сюжетных жанров (экспонирование рассеченных туш, искусственные пещерные медвежьи кладбища, натуральный макет). Можно утверждать, что уже на самых ранних этапах истории палеоантропов к числу квазисубъектов их общения принадлежали художественные или, по крайней мере, мифологические образы. Палеоантропы обладали достаточно совершенной системой символических кодов общения, что позволяло им даже фиксировать информацию и дистантно адресовывать ее потомкам или просто отсутствующим в момент подобной фиксации людям (об этом свидетельствуют, борозды на костях из Пеш де л'Азе). Палеоантропы обладали одеждой, постоянными жилищами (освоенными пещерами) и сложными орудиями труда. Темнота и теснота пещер способствовали совершенствованию общения и языка, поскольку именно в этих условиях средства общения из сигналов действий становились символами объектов.

Уже у палеоантропов формируется материнская родовая община, то есть агамное табу и запрет на инцест между братьями и сестрами. Все это свидетельствует о новом уровне роста субъективной ценности человека и регуляции отношений между участниками обмена половыми партнерами. Таким образом, уже на данном этапе все основные внутренние контексты общения, его коды и каналы, характеристики участников были сформированы. Внешние контексты общения способствовали сплочению и самоидентификации общин, становлению локальных культур и языков. Как уже отмечалось, эти контексты представляли собой в основном конфликты, прежде всего, брачные нападения. Кровное родство являлось поначалу мнимым, первое человеческое психологическое отношение - это не самосознание первобытной родовой общины, а отношение людей к своим близким животнобразным предкам, затем это транспонировалось на взаимодействие между общностями людей. Только с осознанием других общностей как "нелюдей", как "они" приходит сознание "мы", а после и понимание невозможности изолированного от "они" существования, создается пространство взаимодействия. И только на поздних этапах этого процесса, не закончившегося и до сих пор, обособление "мы" и "вы" приводит к появлению "я" и "ты".

4. Культура и общение неолитов представляют собой классический вариант архаической традиционной культуры и архаического функционального общения. Эволюционное становление человека и его деятельности завершается и трансформируется в историческое. Межобщинные отношения все больше приобретают характер сотрудничества. Изоляция неандертальских общин преодолевается, формируются межродовые браки и племена. Сложная история развития брачных отношений уже почти не определяется биологическими задачами, а зависит от культурно-экономических факторов. Род играет главенствующую роль в структуре первобытного социума, возникают различные типы родов, в том числе исторически первичные эндогамный и матрилинейный роды. Начало формирования рода связано с охотничьими агамными запретами и оргиастическими праздниками. Классический род уже полностью запрещал половые отношения между его членами; возникли дуально-родовые организации и групповой брак, который, однако, никогда не являлся прочным типом семьи. Род был объединением, членов которого связывали одни только социальные отношения, то есть отношения культа, производства и общения. Помимо инициаций, именно в браке упорядочиваются

и отношения возрастных классов (кросскузенный брак). Групповой брак связан с матрилинейностью рода и определенными социальными преимуществами женщины, а патрилинейный род возникает только вместе с индивидуальным браком (сначала полигамным).

Совместное употребление пищи суживается праздниками и сменяется ее распределением. Затем распределение всей пищи сменяется распределением только коллективно добытой. Наконец, выделяются домохозяйства и возникает личное наследование имущества и власти. Появляются новые формы общения: между старейшинами, вождями и другими членами племени; между учителем и учениками. На раннем этапе существования неантропов это общение не знает принуждения. Даже убийство сородича не каралось смертью. Обучение происходит в условиях отсутствия "физических наказаний, уважения к личности ребенка и подростка, учета его желаний". Широко распространяются детские игры, становясь значительным дополнением к формальному обучению. Увеличивается разделение труда, теперь оно определяется уже не только половым диморфизмом, хотя он, конечно, тоже присутствует. К концу неолита возникает ремесло и сложное разделение труда, закрепившее доминирование мужчин. К началу медного и бронзового века возникают классы и государства, появляется рабство. Ценность человеческой индивидуальности снижается.

В эпоху неолита традиция ограничивает возможности свободного отношения к миру, предлагает сценарии оценок и мышления о конкретных ситуациях, сценарии общения и любого иного вида деятельности. Традиция на фоне синкретизма архаической культуры приводит к возникновению особого типа мышления, названного Л.Леви-Брюлем пралогическим. Оно было основано на коллективных представлениях и законе их сопричастности (партиципации). Пралогическое мышление связывает причинно-следственными отношениями представления о фактах, не имеющих объективных причинно-следственных отношений, эта связь целиком и полностью зависит от коллективной традиции. Вместе с тем, Л.Леви-Брюль никогда не отрицал наличие в первобытном мышлении элементов логики, так же как, впрочем, и в современном мышлении - элементов партиципации. Партиципация есть неизбежный результат недостаточности информации, отсутствия большого опыта и его критики.

Партиципация позволяет значительно расширить круг участников общения. Как указывал еще М.Бубер, для первобытного человека общение с природой никогда не было общением с квазисубъектами, для него это общение с реальным партнером. Партиципация и традиция (жесткие коды) организуют все формы общения, его символические каналы начинают значительно доминировать над практическими. Символические каналы общения формируются и в контексте искусства. Схематизация и стилизация живописных сюжетов приводит к возникновению такого решающего факта истории культуры и средства дистантного общения, как письмо.

Процесс становления классических форм функционального общения осуществился в древних скотоводческих (скифской, семитской, монгольской, андроновской, арабской и других) и земледельческих (американских индейцев, месопотамской, иранской, египетской, индийской, китайской и других) культурах.

2.1.2. В скотоводческих обществах общение было преимущественно политическим, оно проявилось в организации военных социальных институтов. Коммуникация между кочевниками-номадами - первая в истории форма подобного межсубъектного взаимодействия, в котором один или оба субъекта объективируются, приобретают черты пассивной и типичной вещи. Однако кочевники создали не только коммуникацию, они открыли и важнейший контекст общения - досуг и игру; их семейное общение не всегда приобретало указанные выше патриархальные черты.

Контексты общения скотоводов были внутренними и внешними. Внутренние кон-

тексты сводились к семейным отношениям, отношениям между рядовыми воинами и властью (военные упражнения, советы, турниры), отношениям между табунщиками и к отношениям между различными участниками религиозного ритуала. Семья, война и подготовка к ней, перекочевки, отдых и турниры, религиозные ритуалы - таковы формы деятельности скотоводов, обслуживавшиеся общением. Внешние контексты сводились к войне, сбору дани с побежденных, приему гостей и перебежчиков.

В целом, наблюдается смягчение отношений к представителям других общин (конечно, на фоне проступающей время от времени и доминирующей жесткости и жестокости) и ужесточение отношений к представителям собственной общины (человеческие жертвоприношения, смертные казни). Характерны и феномены предательства (шире - преступления) и смертной казни (шире - телесного наказания), явившиеся следствием тотальности социума и нивелировки индивида. Существовало рабство, рабами оказывались военные пленники, однако не было работорговли. Следующее поколение рабов (их дети), а иногда и они сами по прошествии некоторого времени могли, например, через институт усыновления обрести свободу. Впрочем, недавших врагов кочевники безжалостно уничтожали; у скифов существовал обычай пить их кровь и делать из их тел одежду (см.: Гумилев, 1993).

Кочевники, как правило, гостеприимны. Гостеприимство - форма общения, свидетельствующая о смягчении отношений к другому (инородному) человеку. Гостеприимство возникло именно у кочевников как следствие экономического изобилия, с одной стороны, а с другой - рождения особого типа нравственности в условиях постоянного перемещения и вызываемых им опасностей. Каждый кочевник в любой момент может оказаться гостем, и поэтому гостя надо уважить, как самого себя, но гость незнаком, он опасен и требует даже большего внимания, чем к самому себе.

Но самое показательное в этом контексте свойство скотоводческих культур - их способность к ассимиляции в чужой культуре. Монголы, манчжуры и чжурчжэни в Китае, гунны в Европе, тюрки в Азии, несмотря на свои победы над местным населением, в итоге оказывались весьма восприимчивы к его культуре, более того, даже заимствовали ее, никогда не продемонстрировав аналогичного влияния на побежденных. Подобная судьба культур победителей встречается с описанной выше закономерностью только у кочевников. Эта способность и готовность к ассимиляции представляет собой своеобразную форму диалога культур.

Как и любой тип функционального общения, общение скотоводов характеризуется совпадением свойств его контекстов и участников. Изменение контекстов обуславливает и изменение характеристик участников общения. Если раньше решающими были биосоциальные свойства человека (пол, возраст, этническая принадлежность), то теперь социально-экономические и культурные свойства человека (сословно-имущественное положение, профессиональный и политический статус) начинают делить с ними власть над существом его субъективности.

И у ранних кочевников (скифов, сарматов), и у поздних (монголов, туркмен, иранцев, тюрков, арабов) существовали одни и те же социальные категории: цари, дружинная аристократия и воины, рядовые общинники (табунщики), рабы. На общение скотоводов продолжали оказывать сильное воздействие возрастные характеристики человека. У хуннов существовали советы старейшин. У скифов население четко делилось на возрастные категории: старшая (от 25/30 лет), взрослая (16 - 25), подростковая (9 - 16) и детская; переход из одной группы в другую не был простым, он зависел от целого комплекса событий: обрядов инициации, личных качеств и подвигов. Без этого перехода человек мог оказаться лишенным общения как с членами своей прежней возрастной группы, так и с членами новой. Военная ориентация культуры кочевников оказала серьезное влияние на традиционные обряды инициации, уже указывалось, что для вступления женщины в брак

у савроматов от нее требовали убить хотя бы одного врага. У андроновцев младенцев до двух лет хоронили в отдельных могильниках (см.: Грач, 1980).

Среди религиозных квазисубъектов и субъективированных объектов общения скотоводов - прежде всего тотемные животные, предки, природа в целом. Однако именно скотоводам человечество во многом обязано возникновением монотеистических культов всемогущего Бога-творца. Представления о единстве божества складывались под влиянием постоянных перемещений, разрушавших анимистические политеистические культы, множественность которых тесно связана с определенным пространством их распространения. Семитские кочевники и оказались родоначальниками целого семейства монотеистических религий, становившихся затем иногда даже мировыми. Впоследствии монотеизм кочевников получил серьезное обеспечение в своем укреплении со стороны философии и науки античного города и со стороны политической централизации земледельческих обществ. Общение с животными запечатлено во множестве форм так называемого "звериного стиля" искусства кочевников-скотоводов. Кочевники общались с разными животными, животное было во многом смыслом и целью их деятельности. Жречество как особая социальная категория еще только формировалась; роль посредников в общении с религиозными квазисубъектами и субъективированными объектами, например, у скифов выполняли различные прорицатели.

Пока еще социально-экономические и культурные свойства человека не становятся его стационарными характеристиками (определяющими не только конкретного человека, но и весь его род), как это произойдет позднее, они могут быть изменены в течение жизни этого человека или его непосредственных потомков. Для скотоводов именно профессиональный и политический статус, а не сословно-имущественное положение, являются социальными регуляторами их деятельности вообще и общения в частности. Только с ростом завоеваний росло имущественное неравенство.

2.1.3. В земледельческих обществах политические отношения проявились во всей полноте их возможных форм, политическая коммуникация и здесь преобладает над политическим общением. Власть и образование строятся по принципу жесткого управления людьми. Контексты общения земледельцев таковы. Это религиозный культ, земледелие, политика (образование, отношения с государственными чиновниками и предводителем), война, торговля и семья.

Как и для любого функционального общения, для общения земледельцев характерно совпадение его контекстов и характеристик участников. Это совпадение задает определенные социальными нормами функции участников в процессе осуществления общения. Для земледельцев такими характеристиками оказываются уже, в первую очередь, сословно-имущественные, которые трансформируют содержание всех остальных, то есть биосоциальных и социо-культурных. Перечислим в иерархическом порядке наиболее типичные социальные категории земледельческих сообществ: властители, жрецы, аристократия, воины и чиновники (прежде всего, судебные и писцы), ремесленники и крестьяне, зависимые и рабы (см. об этом работы П.Монте, Р.В.Кинжалова, И.М.Дьяконова, М.А.Дандамаева и В.Г.Луконина, Г.М.Бонгард-Левина, С.П.Фицджеральда). Такая социальная структура отмечена у египтян в древней Индии, Китае, в обществе древних майя, в старовавилонском обществе, в древней Персии.

Все взаимоотношения людей, даже общение, осуществляется как контакт социально определенных субъектов и по социально определенным правилам. Семья имела первостепенное значение. Существовали пережитки древней эндогамии, переплетенные с новыми социальными привилегиями: так фараоны (но только они) иногда женились на своих сестрах и даже на своих дочерях. Мужчина доминирует в семье. Регламентация половых отношений приводит к возникновению не только семейной морали, но и проституции. В Ассирии эта регламентация породила многочисленные запреты

общения с женщинами, например, запрет любой женской наготы (только проститутки не закрывали лица, им это запрещалось) или присутствия женщин во время менструации, поскольку они считались нечистыми, в публичных местах. В древнем Двуречье женщины не могли выйти из дома без мужского сопровождения и не сидели за одним столом с хозяином и гостями, они лично (если только не были проститутками) не имели права вести какую-либо общественную деятельность. Даже отношение к детям строилось у египтян по тому же социальному принципу: любили всех детей, но особенно ждали рождения мальчика, ибо главная задача сына заключалась в том, чтобы продолжить имя отца. Возрастные характеристики играют меньшую роль в функционализации общения, хотя и никогда не утрачивают ее вовсе. Специализация труда и развитие собственности делают человека в большей мере зависящим от сословно-имущественного положения и способностей, чем от возраста. Даже властители теперь могут быть детьми.

Важнейшими контекстами общения были: земледельческие культы и политические взаимоотношения. Пожалуй, особенно выразительно демонстрируют нам веру в жизнь после смерти и, следовательно, возросшую ценность человеческой субъективности и общения с ней древнеегипетские культы. Древние египтяне заботились о своих богах и мертвых больше, чем о живых. В древнем Китае общение с предками сопровождалось даже посредством особого человеческого жертвоприношения-послания: делегирования к ним живых с различными просьбами и дарами. Вера в бессмертие привела к отрицанию жизни в форме древнеиндийского аскетизма и отказа от всякого общения, кроме общения с богами. Отказ от общения мог идти еще дальше: так, буддистские верования отрицают существование вечных и всемогущих богов и объявляют целью человеческого бытия его преображенное прекращение в условиях особого мира покоя и благодати - нирваны.

Земледельческие культы сопровождались и культами животных. Известны заупокойные культы домашних животных в древнем Египте. Тотемизм был распространен среди китайцев, у них же зафиксированы близкие к нему культы терратоморфных фантастических существ, например, драконов, считавшихся вместилищами духов предков. В Китае земледельческий культ породил различные эротические культы плодородия и сформировал определенную свободу сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. В старом Вавилоне существовал институт храмовых иеродулов, совершавших ритуальный половой акт с богами, духи которых воплощали жрецы или чужестранцы. Жрецы стали важнейшими посредниками общения с религиозными квазисубъектами и субъективированными объектами.

Еще один контекст общения - игры и развлечения. Этот контекст иногда переставал быть контекстом, и тогда возникало самоцельное общение. Развитие письменности породило особую социальную категорию - писцов, сразу занявшую особое положение в социальной структуре земледельцев. Писцы входили в большую социальную категорию чиновников. Чиновники осуществляли непосредственное управление народом в очень жесткой форме. Надо, тем не менее, отметить, что возникновение судов и церемоний судебных процессов способствовало развитию общения, хотя и не являлось его формой. Художники и ремесленники уже в первых городах земледельцев выделились в особую социальную категорию. В Китае, как и в Египте, земледельцы находились в самом низу социальной иерархии, что ограничивало их право на общение с богами, предками и людьми, считавшееся важнейшей привилегией. Только провозглашение буддизмом равенства всех людей несколько изменяет условия их жизни и предоставляет возможности общения. Сословно-имущественная принадлежность стала вечной характеристикой представителей того или иного рода. Рабы у земледельцев перестали считаться людьми, с ними поступали хуже, чем с животными. Они были полностью бес-

правны, очень редко доживали даже до тридцати пяти лет и, как правило, не умирали собственной смертью.

2.1.4. Общение в рамках античного (греческого и римского) полиса представляет собой первый вариант кризиса функционального общения. Именно античный полис стал местом первого кризиса традиционной культуры и функционального общения. Он был обусловлен рационализацией традиции, которая поставила под сомнение ее основания и стремилась их углубить. В результате рационализации традиция перестала ощущаться как единственная форма деятельности, между индивидом и традицией возник интервал, который сделал возможным рождение творческой человеческой личности и нового типа отношений между людьми - интерперсонального и ролевого общения. В обществах ремесленников и торговцев общение получает равные права с коммуникацией. В политической сфере это связано с возникновением демократических институтов власти и суда. В сфере досуга, познания, оценки и художественного творчества это связано с возникновением театра, философских диалогов, пиров и игровых состязаний, межкультурного сотрудничества.

Основные социальные категории античности - аристократы, ремесленники и купцы, военные, рабы (см. об этом работы Ю.В.Андреева, А.И.Зайцева, Г.С.Кнабе, А.Боннара). Аристократия имела земледельческое происхождение. Однако это были не земледельцы, а скорее землевладельцы, ибо уже в эпоху классики в Греции и поздней республики в Риме они сами земледелием не занимались. Это делали рабы, крепостные крестьяне или наемные слуги. Владение землей обеспечивало богатство, социальный престиж и власть. Богатство стало достоянием многих, и его авторитет, в конечном итоге, уничтожил авторитет происхождения. И самое главное: торговля и ремесло всегда играли существенную роль в античной экономике. В эллинистическую эпоху впервые появилась интеллигенция как сословие. В Греции и Риме появляется и еще одна социальная категория - просто человек, имеющий свою личную жизнь. Эта личная жизнь занимает теперь огромное время (известно, например, что в Греции рабочий день длился всего шесть часов, а в Риме праздничные дни занимали почти половину года), и большая часть его отдается общению. Так много люди больше уже никогда не будут общаться. Античное общение возникло на заре европейского индивидуализма и было слишком связано еще с древней общинностью, которая в Новое время, конечно, уже полностью была преодолена. Профессионализация всех сфер труда (высшая форма его разделения, требующая длительной специальной подготовки) и небывалое даже для нашей эпохи увеличение времени досуга - важнейшие показатели рождения интерперсонального и ролевого общения.

Античное общение является типичной исторически переходной формой, включающей в себя как типы и элементы прежней фазы своей эволюции - функционального общения, причем, и классические, и модифицированные, так и типы, и элементы новой фазы своей эволюции - ролевого и интерперсонального общения. Рассмотрим все три варианта сложившейся ситуации: сохранившиеся старые формы общения, их модификации и новые формы.

2.1.4.1. В античности сохранились и были широко распространены старые формы функционального общения и коммуникации. Речь идет о семейных отношениях. Женщины и дети в античном обществе были полностью лишены прав на свободное участие в его жизни, они во всем зависели от мужчины (мужа или отца). Женщины воспринимались только в качестве существ, предназначенных для продления рода. Дети воспринимались как будущий род, которому позволялось вырасти в случае экономической целесообразности. Выращивание детей считалось необходимой и почетной социальной обязанностью, но это не препятствовало, например, многочисленным убийствам детей. Однако модификация коснулась и этой формы общения. Так античность последова-

тельно проводила принцип моногамии. Женщина не имела политических прав и всю свою жизнь проводила на женской половине дома (в гинекее). На улице женщины не могли появиться без сопровождения других лиц. Ни одно из знаменитых творений греков, таких, как, например, олимпийские игры или театр, не было ей доступно, ни как наблюдателю, ни, тем более, как участнику. Женщине запрещалось учиться. Мужчина был главой семьи, он обладал правом на свободу, жизнь и смерть не только своей челяди, но, иногда, и детей, а в Риме и жены. Развод фактически осуществлялся только по воле мужчины и часто мотивировался лишь его прихотью, хотя основной причиной являлась бездетность брака. В Риме женщины имели значительно большую личную свободу. Они являлись полноправными участниками семейного и домашнего общения, но были лишены политических прав, и доступ к общественной роли оказывался для них возможным лишь посредством влияния на облеченных государственными полномочиями мужей. Спарта представляет собой очень сложный комплекс культурных феноменов. Они значительно архаичнее всего того, что известно об остальной Греции. Поэтому здесь несколько свободнее оказалось положение женщины (она имела право даже на военные тренировки), но сохранилась царская власть (которая, в свою очередь, фактически осуществлялась лишь в периоды военных действий). Общинные формы быта были более ярко выражены (например, военное воспитание детей, общественные обеды мужчин вне семейного дома - сисситии). Обращение с рабами было очень жестоким: известны, например, такие явления, как охота на них (криптии), практиковавшаяся в качестве необходимого компонента воспитания молодого воина. В Спарте умерщвляли детей не только в силу экономических причин, но и из-за их физических недостатков. Сохранились и такие формы древнейшей коммуникации, как человеческие жертвоприношения и инцест.

Внешние контексты общения также демонстрируют нам очень широкий спектр вариантов своего существования: от ролевого до функционального общения и коммуникации. От невероятной открытости и готовности к использованию всего полезного, что можно было обнаружить у других народов, до снобистского именованья всех их словом "варвары". Римляне относились к провинциям как к источникам сырья и нещадно разграбляли их, приводя население к полному обнищанию. Путешествия были очень распространены, они имели как деловые (торговые, служебные, познавательные), так и развлекательные (туристические) цели. Путешествия сопровождалась миграциями и колонизациями. Рабство в античности приобрело невиданный размах. Рабы по своему статусу ничем не отличались от вещей, они не имели никаких гражданских и политических прав. Свободные граждане практически не подвергались телесным наказаниям (за исключением безболезненной смерти, например, самоубийства), рабы терпели все мыслимые и немыслимые наказания, все возможные формы казни и пыток. Восстания рабов, особенно в эллинистический и римский период, были очень частым явлением.

2.1.4.2. Политическое общение античности является типичной модификацией функционального общения. Между гражданами установилось обоснованное рационально и религиозно функциональное общение, между гражданами и негражданами - так же обоснованная коммуникация, вплоть до жесточайшей эксплуатации и убийств. Преодоление социального неравенства окончательно достигалось только в период Сатурналий. Метеки (и другие категории лишенных гражданских прав чужестранцев: плебеи, провинциалы) и илоты (крепостные крестьяне и другие несвободные граждане, например, вольноотпущенники) были существенно поражены в правах на общение со свободными людьми. Они не только не участвовали в политической жизни своих городов, но даже не могли вступить в брак со свободным гражданином. Браки между гражданами и негражданами, а в Риме даже между представителями разных сословий (меж-

ду гражданином и метеком, между патрицием и плебеем, нобилем и всадником) запрещались под страхом утраты гражданства и всех его привилегий. Античная демократия произошла из первобытнообщинной демократии, с течением времени ее происхождение выразилось в так называемой общительности, "публичности и тесноте" жизни грека и римлянина. Вместе с тем, общительность античного человека существенно модифицировалась, и ее нельзя не отличать от общительности первобытного человека или представителя земледельческих и скотоводческих культур. Поначалу только аристократия реально участвовала в управлении государством. Затем к ней присоединились разбогатевшие купцы. Во времена Перикла все свободные граждане (в первую очередь, ремесленники) получили доступ к общественным должностям, поскольку за эту работу стали платить. Исполнительная власть была коллегиальной.

Война даже между греческими городами была жесточайшей формой межсубъектного взаимодействия. Но все же обычай повелевал: первое - щадить святыни богов; второе - не препятствовать похоронам павших в. Граждане отдельных городов были политически разобщены, но ощущали свое духовное и этническое единство. Существовали народные суды присяжных. Судебная и политическая риторика является интереснейшим памятником античного общения. Это общение уже становилось ролевым. Об этом свидетельствует институт логографов и сикофантов. Первые писали речи для участников судебных заседаний, а вторые представляли интересы потерпевшей стороны. Существование ролевого общения доказывают и негативные стороны античной демократии: шантаж сикофантов, лоббирования чьих-либо частных интересов демагогами. Армия была первым социальным объединением, добившимся полной демократии (хотя поначалу и здесь только разбогатевшие получили равные права с родовитыми); в Греции она представляла собой народное ополчение, в Риме она была профессиональной и добровольной. Жесткость дисциплины сопровождалась демократическим равенством возможностей занятия руководящих должностей и большим влиянием на политическую жизнь невоенного населения (например, на выбор новой императорской династии). В эпоху эллинизма и поздней римской империи власть фактически "становится самодержавной" и даже обожествляется (церемония апофеоза). В Риме отношения между властителем и гражданами только формально напоминают общение.

Религиозное функциональное общение также было модифицировано. С одной стороны, из него был в небывалой для того времени степени выхолощен сакральный компонент. Ритуал стал лишь формой, служащей иным целям, прежде всего, социально-политическим. Религиозное мироощущение античности было пантеистическим. Боги "просто существуют", как существует природа, от которой они неотъемлемы; они совершенны и свободны, то есть таковы, какими бы хотели видеть себя люди. С другой стороны, общение с богами оказывается трагедией и становится теперь подлинным, поскольку в трагедии есть герой (рождающаяся личность), ищущий подлинного бога и обретающий в этом поиске подобие ему. Ощущение неподлинности своего нынешнего состояния является последним шагом на пути к отличению его от подлинного состояния и осознанию как социальной роли. К богу теперь обращаются не только за спасением, но общаются с ним, ибо вступают в соревнование за право большего соответствия его сущности. Общение с богами может осуществляться и в форме их оправдания, и, следовательно, конструирования. Такое конструирование известно в античном искусстве и, прежде всего, в философии. Наконец, имелась и третья сторона. Старое функциональное общение с богами также сохранилось и имело значительное влияние: достаточно вспомнить элевсинские мистерии, дельфийский оракул, римских прорицателей и распространение восточных культов в эллинистических царствах. Жрецы как обширный социальный класс существовали только в эллинистическое время. Жрецов, однако, заменяли различные гадатели, прорицатели (оракулы) и колдуны, пользовав-

шиеся огромным духовным и даже политическим авторитетом. Большинство жреческих должностей было выборным и имело политическое значение (например, в Риме их занимали бывшие светские политики, удачно исполнившие свой общественный долг). Среди небольшого числа сакрализованных форм жречества имелись и такие, которые осуществлялись женщинами (например, весталки). Но за это равноправие приходилось дорого платить: весталки давали обет безбрачия.

Квазисубъекты и субъективированные объекты религиозного общения античности также существенно изменились. Как уже говорилось, ими стали, в первую очередь, образы людей. Терратоморфные, зооморфные и миксантропические образы существовали лишь на первых этапах развития античной религии. Позднее - уже в микенскую эпоху - они приобрели статус подчиненных антропоморфным богам существ или их атрибутов (орел, например, имел священный статус только в качестве атрибута Зевса). Антропоморфизм сокращал дистанцию между людьми и богами и способствовал установлению общения между ними. Культы героев в Греции, гениев в Риме ("смертных богов человеческой природы") и многочисленных домашних богов (пенатов, ларов) - еще одно свидетельство этого сокращения. Значительную роль продолжал играть культ предков

2.1.4.3. Именно в античную эпоху произошло рождение интерперсонального и ролевого общения. Его контекстами были многочисленные формы досуга: театр (и другие формы развлечений: танец), игры (и другие многочисленные виды соревнований: цирк, амфитеатр), симпозиумы (и другие формы бытового общения: термы), публичные политические и религиозные церемонии (процессии, триумфы, апофеозы).

Большинство форм деятельности античного человека были пронизаны духом соревнования и игры. Соревнование (агон) и игра, как уже отмечалось выше, суть логическое следствие творческого отношения к миру. Творение и игра в соревновании стремятся обосновать свое право на изменение мира. Победа в соревновании имела для античного человека почти то же значение, что спасение души для средневекового человека, ибо она даровала славу и при жизни, и после смерти. Игры облагораживали людей (достаточно вспомнить эксихирию - двухмесячное военное перемирие во время олимпийских игр). Но агон мог существовать и в форме жесточайшей коммуникации, участники которой стремились победить любой ценой, даже ценой смерти противника (так происходило во время войны или гладиаторского боя). Соревновались во всем: в телесной красоте, в убедительности и выразительности речи, в качестве изготовленной вещи (в том числе поэтической трагедии или исторического сочинения), в логичности философского утверждения, в физической силе и ловкости. К сожалению, погоня за результатом зачастую лишала агон статуса общения, она могла ухудшить и художественное произведение, подгоняя его содержание к требованиям объявляющей победителя публики. В атмосфере полемики родились такие удивительные явления греческой культуры общения, как трагический и комический театр, олимпийские, пифийские, истмийские и немейские игры, судебная и политическая риторика, философские диалоги.

Соревнование неотделимо от досуга. Пир (обычный обед - симпозиум) открывал перед человеком путь к свободному творческому самовыражению. И пир, и игра были неотделимы от общения, хотя и не сводились только к нему. Общение отнимало огромное количество времени. Даже термы представляли собой лишь предлог для осуществления развлечений и общения. В конце концов, такое количество общения стало приводить к его выхолащиванию. Досуг все-таки превращается в праздность, дерзко выставляющую свои требования в знаменитом лозунге "Хлеба и зрелищ!". Важнейшим фактом рождения интерперсонального общения был античный гомосексуализм. Античный гомосексуализм был, с одной стороны, следствием сегрегации полов и дискриминации женщин. Однако, с другой стороны, он был следствием открытия в другом человеке личности, а не только по-

лового партнера, он был, таким образом, формой символического и практического общения людей. Собственно сексуальная сторона подобного общения очень часто вообще отсутствовала, превращая его в исключительно духовный процесс.

2.1.5. Средневековые формы общения в западноевропейской, восточноевропейской и исламской культурах является разновидностью функционального общения. В средневековых обществах традиционная культура восстановила свой первоначальный статус, однако она воспользовалась для этого достижениями античного рационализма. Восстановление господства традиции и функционального общения не смогло последовательно завершиться. Ряд достижений античности, в том числе и в сфере общения, сохранился; средой их существования оказалась, в первую очередь, городская субкультура, однако многие формы функционального общения были модифицированы по античным образцам в религиозной и аристократической субкультурах. Рационализированная (каноническая) традиция - предельно возможный тип ее развития, содержащий множество внутренних противоречий. Следствием этих противоречий оказалась возможность начала длительного возникновения в рамках одной из локальных разновидностей средневековья (западноевропейской культуры) нового - креативного - типа культуры и нового - интерперсонального и ролевого - типа общения.

Средневековое мировоззрение и общественная структура допускали существование только трех сословий (духовного, аристократического и третьего: крестьян, торговцев и ремесленников), фактически же третье сословие представляло собой в культурном и социальном плане двойственное явление, четко различаясь на деревенских крестьян и городских торговцев и ремесленников (см. об этом работы А.Я.Гуревича, М.М.Бахтина, Ж. Ле Гоффа, С.С.Аверинцева, Д.С.Лихачева и А.М.Панченко). Средневековые сословия различались не только в правовом или имущественном отношении, их культура и формы общения были различными. В исламском мире не существовало религиозного сословия, тем не менее, никто не сможет отрицать существование там значительной религиозной субкультуры и ее определяющего влияния на все другие субкультуры, в остальном же сословная структура не отличалась от западноевропейской.

Совершенно очевидно, что в этих условиях мы обнаруживаем множество уже встречавшихся ранее (немодифицированных) форм общения и культуры. Основной средой их существования оказывается, естественно, народная культура, связанная с наиболее традиционным из источников средневековья - земледельческими, а иногда и первобытными формами деятельности и общения (вместе с тем, семья, например, имеет мало различий в средневековых субкультурах и представляет собой пример немодифицированного функционального общения, но и в народной среде существовали модификации традиционного общения). Религиозная и политическая (аристократическая) культуры и функциональное общение между их представителями, в свою очередь, неминуемо модифицируются. И, наконец, город остается средой формирования новых типов общения (интерперсонального и ролевого) и креативной культуры. Все эти типы культуры много взаимодействуют, обогащая друг друга и вступая в конфликт. Вместе с эпохой средних веков начинается время не прекращающегося до сих пор и весьма разнообразного диалога культур.

2.1.5.1. В народной культуре сохранились древние формы функционального общения. Крестьяне составляли большинство населения средневековых стран. Вместе с тем, горожане пренебрегали ими, господа их ненавидели, и только церковь сочувствовала. Охота на ведьм была проявлением как раз взаимодействия и одновременно ненависти аристократической культуры к народной, приведшей к почти полному уничтожению последней. Признание колдовства ересью есть, с одной стороны, следствие рационализации народной культуры, а с другой стороны, мифологизации культуры официальной, то есть причудливого диалога между ними.

В политическом отношении крестьяне делились на свободных и зависимых, причем последняя группа количественно заметно увеличивалась на протяжении всего средневековья. Крестьянские восстания - весьма частое явление в средневековой западной Европе, арабском средневековье, в Византии и на Руси. Свободные крестьяне входили в сохранившиеся от первобытности общины, но так же, как и зависимые, подчинялись без посредства общин одному из низших сеньоров иерархической феодальной лестницы. Крестьянин был чем-то средним между вещью и личностью. Человек средневековья, и в первую очередь, крестьянин ощущал, что его "собственное "Я" - это судьба рода, коллектива"; хотя ощущение свободы воли отсутствовало почти полностью, уже было понятно, что не всякое событие в жизни человека предопределено. В средние века божественный статус человека в эмпирической плоскости закрыт покровом морального и физического унижения. Убийство человека, совершившего преступление (особенно против Бога), считалось благодеянием для него, ибо оно рассматривалось как путь спасения его души. Человеческая личность рассматривалась как своего рода вместилище божественных или дьявольских сил. Вместе с тем, за убийство человека полагались жестокие духовные и физические наказания, лишение причастия на всю жизнь или запрет на какую-либо общественную деятельность.

Религиозный мир средневекового крестьянина определялся сложным синтезом исконных языческих традиций и возникшей сравнительно недавно и перенесенной в различные национальные и культурные условия рационализированной религии (христианства и ислама). Господствовал монотеизм, его идеология соответствовала идее политического единства общества и государства. Однако этот монотеизм включал и культ святых, и культ предков, и многие языческие культы природы. Посредниками в общении между трансцендентным Богом и земными людьми служили такие же земные, но избранные люди - святые и церковь.

Христианство создало крайне противоречивое отношение к браку: с одной стороны, одобряются прочные семейные узы, осуждается супружеская неверность, предписывается почитание родителей детьми и дается прямой совет вступать в брак, с другой же стороны, неоднократно высказывается мысль о том, что люди, которые не имеют детей, более угодны богу и им легче достигнуть блаженства. Семейное общение остается вполне традиционным и патриархальным в жизни всех сословий Средневековья, однако наиболее последовательно эти традиции соблюдаются в религиозной и крестьянской среде. Существовали запреты на вступление в брак с родственниками, духовными или кровными, а также многочисленные ограничения и тщательная регламентация сексуальных контактов, считались преступлением измена, развод, контрацепция или внебрачные связи, ограничивалось число браков. Строго карались любые отклонения от "естественной сексуальности". Однако эти требования постоянно нарушались. Брак по-прежнему заключают родители, не спрашивая молодых о взаимности.

Общественной жизни стало намного меньше, чем в античности, и поэтому мужчины теперь много времени отдают семье; однако они по-прежнему освобождены от домашних обязанностей. Женщина приобретает большие имущественные и моральные права (особенно в среде купцов и банкиров, однако именно в этой среде отношение к женщине часто бывало даже более враждебным, чем у других сословий) по сравнению с античным полисом, но ее положение остается весьма зависимым от мужчины. Ее подлинная общественная задача - только домашнее хозяйство и воспитание детей. Воспитывают более тщательно мальчиков, чем девочек. В средние века отсутствует восприятие детства как специфического возраста человека, к ним относятся как к взрослым. Впрочем, даже животных в средние века могли воспринимать в правовом отношении одинаково с человеком.

Своеобразная модификация функционального общения отмечена и в народной культуре. Речь идет о знаменитых карнавалах. Карнавальное равенство утверждало право на самоцельное общение людей, но его пародийный характер возвращал ему, казалось бы, преодоленные социальные функции.

2.1.5.2. В аристократической и религиозной субкультурах средневековья функциональное общение было модифицировано.

Военное и религиозное (даже монашеское) сознание объединялись в идее и практике священной войны и всемирной теократии, в многочисленные ордена и священные армии, но в мирное время очень часто конфликтовали. У обеих категорий общества были общие враги - язычество (а иногда и другие средневековые традиции: иудаизм, христианство или ислам). С иноверцами и еретиками воевали по-разному. Это могли быть резня и казни еретиков, прямые военные столкновения, вроде крестовых походов или джихада меча. Все же, если для христиан иудеи и мусульмане - "недочеловеки", которых надо уничтожить, то для мусульман иудеи и христиане - близкие по вере "люди книги", которые достойны уважения. Христиане поначалу вообще отказывались от военной службы, поскольку убийство человека считалось ими величайшим грехом. Впоследствии, однако, политические и религиозные интересы породили на свет доктрину священной войны. Крестоносцы не щадили ни женщин, ни детей. Их фанатизм и жестокость были внове для исламского востока, где в то время сравнительно мирно уживались различные конфессии. В армии сохранялась мирная социальная иерархия. Гостеприимство сохранилось только у мусульман. Ереси были многочисленны, но безжалостно и в каждом случае истреблялись. Но борьба с еретиками и иноверцами превращалась иногда в сложные богословские споры, не лишённые даже взаимного уважения, какие разворачивались в христианской апологетике и схоластике или мусульманской религиозной философии. Излюбленным жанром средневековой схоластики были многочисленные обращения к язычникам вроде "Педагога" Климента Александрийского или "Суммы против язычников" Фомы Аквинского. Арабы в первые века своего господства не уничтожали никаких религиозных традиций, но только устанавливали политическое господство. Византия довела до совершенства такую форму представительного общения и диалога культур, как дипломатия. Несмотря на открытое, в целом, отношение Византии многообразным культурным влияниям разных народов, их культурное развитие пошло под знаком нивелирующего господства христианства.

Вся жизнь воина и монаха пронизана ощущением конфликта добра и зла, можно говорить даже о единстве или расколотости такого сознания, которое стремится соразмерять свое поведение с обычаями добродетельной нравственности. В управлении монастырем следовали уставу, воле епископа и демократическому выбору всей братии. Монастырские уставы регламентировали жизнь человека до малейших деталей, и выполнить их было подчас крайне сложно; за недостаточную набожность карали. Стремясь к уединенному молитвенному общению с Богом, монахи организовывали небольшие скиты и становились затворниками, которые пользовались особым почтением в Византии. Были распространены различные формы самоистязания и аскетизма монахов (вериги, столпничество, длительные голод, холод и бодрствование). Вместе с тем, монастыри оказывались не только местами благочестия, но и разврата. Показательно, что интеллектуальная жизнь сосредоточивается на первых порах именно в обосновании (оправдании) собственной веры. Вера и разум подкрепляют друг друга во многих памятниках средневековой философии. Разум больше не стремится к творческому первенству, наоборот, его идеал - утверждение веры; в этом мире нет места мнениям, личным взглядам: есть только "истины" и "заблуждения". Но схоластика, благодаря опоре на античную философскую традицию, явила своеобразный диалог между разумом и верой.

Если в античности авторство и открытия оспаривались (хотя не до такой степени, как в Новое время, поскольку плагиат не считался преступлением и понятие авторского права отсутствовало; достаточно вспомнить, например, такой факт: большинство античных эпосов - Вергилий, Аполлоний Родосский, Нон Панополитанский - в значительной мере состоит из скрытых заимствований иногда очень больших фрагментов текста гомеровских поэм), то теперь авторство скрывается и даже приписывается авторитетному для той или иной традиции человеку (самый поразительный пример - ареопагитики, созданные намного позже времени жизни евангельского Дионисия Ареопагита, но подписанные его именем).

В условиях языковой непонятности и стандартизации ритуала, молитва, личный пример, братское милосердие, проповедь и исповедь становятся одной из важнейших форм "живого" общения между мирянами и священниками. Впрочем, содержание проповедей и исповедей также стандартизировалось и сводилось к трем основным формам: закланию, благословию и отлучению. Среди контекстов религиозного общения людей следует выделить многочисленные праздники и паломничества ко святым местам.

Подобно микрокосму собора существовал микрокосм замка, способный открываться навстречу гостям, принадлежащим тому же сословию. Были распространены судебные поединки и дуэли. В рыцарской среде возникла такая форма отношения к женщине, как куртуазная любовь. Она не была направлена на реальную женщину, скорее бывшую только символом для служения созданному традицией культу идеальной Прекрасной Дамы, восходящего к культу Девы Марии; куртуазная любовь выражалась во множестве условностей и подвигов рыцаря, во имя своей Дамы стремившегося к совершенству. Политическая и религиозная жизнь пронизаны идеей всеобщей (универсальной) светской и духовной власти, структурированной в форме последовательной иерархии уровней. Во всех средневековых странах за преступления против представителей разных сословий полагалась иерархия наказаний, соответствовавшая сословной иерархии. Интересно отметить, что в феодальном обществе не имущественное расслоение было первоосновой знатности, а, наоборот, знатность и привилегированное положение становятся предпосылкой богатства. Однако эта укорененность индивида в социальной структуре необычайно усложнилась и приводила к его освобождению от себя, превращение социальных функций в роли. Вместе с тем, никогда идеал универсальной власти не был воплощен в жизнь: натуральное хозяйство и феодальная раздробленность всегда противились этому. Монархи не обожествлялись, как у древних. Власть государя и сеньоров в западной Европе и на Руси разделяли соборы аристократов. Рыцарская культура не только была средой модификации традиционной культуры и функционального общения, в ее условиях рождались и их совершенно новые формы. При дворах императоров Карла Великого и Оттона III возникли первые светские варианты открытия и возрождения античной культуры.

2.1.5.3. Средневековые города во многом отличаются от античных городов-государств, они гораздо меньше демонстрируют нам случаев рождения интерперсонального или ролевого общения, но все же именно им оно обязано своим распространением в Новое время. Именно город становится колыбелью новоевропейской творческой индивидуальности, хотя рождается она в условиях сохранения многих социальных традиций. Население городов было организовано в корпорации, гильдии и цеха ремесленников и купцов, в свою очередь, объединенные в коммуну, подчиненную верховному сеньору. Каждый цех представлял собой военную дружину со строгой иерархией власти и имел своего святого покровителя, дружины эти часто враждовали. Цех составляли люди, объединенные не только профессиональными, но и семейными патриархальными отношениями.

Только очень немногие из этих городов представляют собой независимые республики (подобные итальянским), однако демократия в этих республиках весьма ограничена имущественными и аристократическими цензами; простые ремесленники никогда не имели в них политических прав, сравнимых с правами населения античных городов. Между народом (цеховыми ремесленниками и торговцами) и знатью в средневековых городах всегда имелись противоречия и значительное имущественное неравенство, приводящие к народным восстаниям. Феодальная торговля затруднялась многочисленными барьерами, ей противостояло натуральное хозяйство. Купцы не имели права свободной торговли и банковской деятельности; прибыль купца считалась не меньшим грехом, чем ростовщичество. Вместе с тем, города остаются центрами торговли и ремесла; именно в городе формируется представление о корпоративном равенстве и свободном достоинстве человека. Городская коммуна занимала весьма самостоятельное место в структуре феодальной иерархии (являясь коллективным вассалом верховного сеньора и сеньором деревенской округи, что даже способствовало освобождению крестьян), и никогда не испытывала того гнета, который переживали деревенские общины. Были распространены городские праздники и пиры; именно в городах мистерии понемногу начинали терять свой религиозный характер и наполняться политическим содержанием. Город породил новый тип средневекового человека - ученого-интеллектуала, противопоставившего умственную деятельность и работу руками, не принадлежавшего цеховым корпорациям, неженатого и не имеющего определенного места жительства, распространявшего грамотность и любовь к науке. Такой человек становился предшественником индивидуальности Нового времени, его деятельность и социальные контакты превращались из привычных для средневековья функций в многообразные роли, никогда не исчерпывавшие содержание выполнявшей их личности.

2.2. Ролевое и интерперсональное общение в креативной культуре

Развитие ролевого и интерперсонального общения следует описывать, прежде всего, на материале западноевропейской культуры и ее аналогов (североамериканской, российской и других культур). Продолжающие существовать до наших дней типы традиционной культуры и функционального общения (например, архаические культуры Африки, скотоводческие культуры Монголии, традиционные культуры исламских стран) ничем существенным не отличаются от уже описанных выше соответствующих исторических типов культуры и общения, и поэтому рассматриваются только в том случае, когда речь идет о расширении и углублении интеграции человеческого сообщества в XX веке.

Итоги изучения истории кодов и каналов интерперсонального и ролевого общения можно изложить в следующей схеме. Креативная культура окончательно отменяет жесткие коды общения. Символические каналы общения существенно изменяются благодаря книгопечатанию, а практические - благодаря развитию транспорта. Постепенно доминирование символических каналов снимается. В Новое время тенденции предшествующей эпохи приобретают отчетливые контуры. Эволюция символических каналов приводит к возникновению периодической печати, а эволюция практических - к возникновению волновых средств связи и скоростного транспорта. XX век - период, ознаменовавшийся в истории каналов и кодов общения, прежде всего, изобретением компьютера и глобальных компьютерных сетей, с помощью которых оказалось возможным объединить практические и символические каналы общения и сделать их содержание фактически безграничным.

Развитие общения в истории креативной культуры можно разделить на три этапа. Первый - становление ролевого общения в эпоху абсолютизма, второй - становление ин-

терперсонального общения в эпоху романтизма и позитивизма, третий - кризис ролевого и интерперсонального общения в эпоху массовых коммуникаций.

2.2.1. В эпоху Возрождения гибель традиционной культуры и утверждение креативной становятся необратимыми процессами (см. об этом работы Л.М.Баткина, П.О.Кристеллера, Э.Гарэна, А.М.Панченко). В контексте этих процессов возникают и характерные для креативной культуры формы общения - интерперсональное и ролевое. Становление интерперсонального общения связано с культурой ренессансного гуманизма, ее научным диспутом и художественным творчеством. Именно эти сферы культуры, в первую очередь, не могли развиваться и существовать без индивидуализации творческих экспериментов и поисков истины. Но индивидуализация в это время не означала десоциализации, наоборот, она предполагала диалог личностей. Становление ролевого общения было связано с изменением политической ситуации средневековья, с установлением доминирующей роли в структуре культуры городов, с их торговлей и промышленностью. Борьба феодалов и буржуа закончилась победой последних, в силу чего общество прошло первую фазу своей демократизации, связанную с расшатыванием феодальной иерархической зависимости и сословной непроницаемости. Это расшатывание заключалось в увеличении социальных функций, которые мог выполнять человек, приведшим в конечном итоге к выбору функций и к интервалу между возможностями и содержанием личности и ее социальной ролью. Религиозное общение в процессе реформации также приобрело свойства ролевого. В общении между Богом и человеком были устранены посредники - церковь и священное предание. Однако полное устранение посредников и каналов религиозного общения приводило к атеизму, поэтому в конечном итоге они были сохранены, но упрощены и рационализированы. Религиозное общение так и не стало интерперсональным. Рационализация церкви привела к ее десакрализации, что создало интервал между ее ритуалами и индивидуальной верой прихожан. Наконец, семейное общение также претерпело модификации, характерные для кризиса традиционной культуры. Они заключались в персонализации семейных отношений, основанных пока, правда, на ценности не столько личности, сколько эффективного продолжения рода.

Различные контексты ренессансной культуры по-разному способствовали возникновению интерперсонального и ролевого общения, а также модификации функционального. Ряд контекстов способствовал сохранению традиционных форм функционального общения. Культуры, на которые продолжало оказывать влияние католичество, сохранили религиозное функциональное общение почти без изменений. Семейное общение также осталось функциональным. Политические процессы демократизации в эпоху Возрождения не привели к каким-либо существенным результатам, наоборот, наблюдается централизация феодальных государств и рождение абсолютистских монархических режимов даже в условиях средневековых республик (наиболее показательный пример здесь - перерождение флорентийской олигархической республики в монархию - герцогство Тосканское). Однако эти новые монархические режимы уже не сохранили прежнее функциональное социально-политическое общение, оно превратилось в ролевое. Некоторые виды деятельности, прежде всего, промышленное производство в связи со специализацией и профессионализацией труда перестали сопровождаться общением; таким образом, производственное общение заметно сократилось. Однако рождение науки и светского искусства привело к возникновению и широкому распространению интерперсонального, педагогического, научного и художественного общения.

2.2.1.1. Художественное и научное общение Ренессанса - важнейший контекст возникновения интерперсонального общения. Участники художественного общения полимодальны и исторически изменчивы. И автор, и реципиент могут быть одним человеком, группой людей или представителями группы. И автор, и реципиент могут не соответствовать своей собственной сущности, превращаясь в процессе художественно-

го общения в образы художественного произведения. Формы такого превращения спектрально многообразны: от тождества в исповеди, до различия в драме и противостояния в дидактической поэме. Т.Липпс называл подобное превращение вчувствованием, оно у автора и реципиента будет также различным в уже указанном выше смысле. Автор - историческая функция художественного общения. То же самое можно сказать и о реципиенте. Изначально - в традиционной культуре - и автор, и реципиент представляют собой коллективного субъекта, процессы творчества и восприятия строятся в соответствии с освещенными традицией социо-культурными образцами. Автор или неразличим (то есть полностью соответствует образцу), или скрывается за различными "авторитетными" псевдонимами (например, Дионисия Ареопагита, Плутарха) или допустимым плагиатом из "авторитетных" источников. Затем - в Новое время, а точнее в эпоху Возрождения - автор рождается как претендующий на уникальность творец нового, представляющий только самого себя, вплоть до полного слияния со своими образами. Эпоха Возрождения и Нового времени оказалась периодом возникновения эталонов классического художественного общения, хотя оно впервые стало известно человечеству еще в античности. В Новейшее время, благодаря невероятному количественному росту уникальности и ее потребления, автор вновь типизируется в контексте массовой культуры или стыдливо прячет свою уникальность в крикливом эпатаже или виртуозной стилизации мастеров прошлого; по выражению Р.Барта и М.Фуко, "умирает". Аналогичные стадии развития переживает и реципиент. Изначально он почти неотличим от автора, он сам - автор (фольклорный) или входит в структуру его произведения в качестве хора или участника ритуала. Затем он резко противопоставляется автору и умалчивается, во всем следуя его указаниям. Наконец, роль реципиента вновь возрастает вплоть до роли всемогущего заказчика и равноправного сотворца (в перформансе, в абстрактном или в функциональном искусстве). История эта, конечно, еще не завершена.

В эпоху Возрождения и Нового времени сформировались основные варианты и структуры средств художественного общения. Средства художественного общения - произведения искусства - тоже разнообразны. В отличие от средств действительного общения они не имеют определенности. Точнее, их определенность обнаруживается только на одном из уровней их структуры. Эта структура многоуровневая. Все ее уровни делятся на две большие группы: группы элементов и группы целостностей. Элементы и целостности соотносительны. То, что на высшем уровне является элементом, реализующим свою функцию, на низшем уровне существует в качестве целого, в составе которого функционируют уже другие элементы (подобно фонемам в словах и словам в предложениях). Элементы более или менее выделены и определены. Целостности имеют уже всегда некоторую степень неопределенности. Элементарный уровень средств художественного общения всегда так или иначе связан с этнокультурной исторической традицией. Этот уровень позволяет понимать художественное произведение и делает возможным художественное общение. Уровень целостности создает сам семиотический феномен искусства - потенциально целостный и бесконечнозначный, актуально же неопределенный текст. Эта потенциальность связана с деятельностью интерпретатора. Количество интерпретаций потенциально бесконечно, каждая из них не окончательна и, вместе с тем, ценна; все они обусловлены особенностями художественного текста. Подобная же бесконечнозначность в рамках некоторой определенности придает подлинную целостность любому единичному объекту природы или произведению искусства. Целостность несводима к ограниченности, но возникает как синтез ограниченности и бесконечности.

Существуют такие виды искусства, в которых связь элементов их произведений с этнокультурными традициями максимальна, как в художественной литературе, и мини-

мальна, как в музыке. Существуют виды искусства, в которых эта связь имеет переходный по отношению к указанным предельным ее вариантам характер и колеблется в своем стремлении к одному из них, как в изобразительных искусствах. Все смысловые целостности художественных произведений определяются не только составляющими их элементами, но и мировоззренческими картинами мира тех, кто создает и воспринимает эти произведения. Чтобы понять высказывание на неродном языке, недостаточно знать его синтаксис, морфологию, лексику, фонетику и стилистику; необходимо обладать знанием о мире, который референцируется этим языком. Такое знание не всегда зависит от истории и культуры, но имеет еще и общечеловеческие черты. Художественное общение, таким образом, является одной из важнейших форм диалога культур.

Художественное общение креативной культуры выделяется из религиозного общения традиционной культуры. В религиозном контексте художественное общение выполняло ряд важных и необходимых для существования религии функций. Интерпретации мифа, как и любого художественного произведения, были и ценны, и неокончательны. Это позволяло одновременно сохранить целостность и абсолютность истины (не усомниться в ней), содержащейся в традиции, и привлечь каждого ее носителя к подлинному общению с сакральными персонажами. К концу средних веков общество осознает условность содержания мифа или ритуала, начинает видеть в сакральных участниках религиозного общения квазисубъектов и субъективированных объектов. Сакральный текст становится художественным.

В эпоху Ренессанса возрождается научный и педагогический диалог. Знания теперь не только передаются в неприкосновенной целостности, но творчески осмысливаются в совместном общении людей, ученых или учителя и учеников. Формируются различные переходные формы научного и педагогического, научного и художественного общения. Интерперсональное общение включало в свое содержание множество аспектов бытования современной ему науки и искусства. Контексты обсуждения того или иного художественного произведения могли иметь разнообразные цели, то есть были полимодальными и способствовали возникновению художественной критики, которая сформировалась окончательно только в эпоху Нового времени. Общение между частным заказчиком и художником - тоже результат культуры Возрождения.

Культура Возрождения - источник художественного, научного, педагогического и интерперсонального общения. Культура Возрождения - плод городской культуры. Вместе с тем город был тогда весьма неоднородным социальным явлением, и, прежде всего, городская аристократия и интеллигенция были создателями и носителями ренессансной культуры, однако феодальная аристократия тоже приняла участие в этом процессе. Сущность художественного общения была определена выше. В эпоху Возрождения художественное общение асимметрично. Это значит, что доминирующим его субъектом (инициатором) является автор. Интендеру (реципиенту) художественного общения остается лишь творческое осмысление сделанного автором, а не действительное сотворчество; он лишен ответного слова. Это классический вариант монологического художественного общения. Диалогическое художественное общение возникнет только в XX веке. Художественное общение является, прежде всего, интерперсональным, ибо представляет собой приобщение бытия уникальных личностей друг другу. Однако оно могло быть и ролевым, если автор использовал свое художественное творчество для дидактических целей, а реципиент в процессе художественной критики отстаивал точку зрения, характерную для той или иной социальной группы. Но в эпоху Возрождения художественное общение было преимущественно интерперсональным. Его асимметрия уравновешивалась глубокой внутренней диалогичностью и драматизмом художественных произведений. Подобной подлинности общения художественных персонажей (столкновения и взаимообогащения их уникальных позиций), которая была открыта

Ренессансом, история литературы и театра не будет знать вплоть до эпохи Романтизма. Монологизм художественного общения Ренессанса также дополнялся диалогизмом ряда религиозно-художественных форм, прежде всего, карнавала, достигающего именно в данную эпоху наивысшего расцвета. На Руси был снят средневековый запрет на смех и пир с пляской. Вместе с тем, наличие ренессансных черт в русской культуре XVII века, которое подготовило появление в следующем веке петровское Просвещение, нельзя назвать Ренессансом, поскольку эти отдельные черты существовали в контексте средневековой по своему существу культуры.

Совершенно закономерным явлением персонализации является широкое распространение в живописи Ренессанса жанра портрета. Однако художественное общение, средством которого явился портрет, было уже ролевым. Понятно, что всякое индивидуальное творчество изначально обращено к другому и предполагает отклик на него. Так возникает интерперсональное научное общение. Только в процессе усложнения и дифференциации научных знаний это общение из интерперсонального со временем станет ролевым (особенно в XX веке), и ученые будут представлять не свои, а "традиционные" точки зрения. Научные споры в эпоху Возрождения перестают быть институционализированными, они лишаются жесткой формы; свободные ученые сообщества противостоят университетам, и не столько в последних, сколько в первых рождается новая наука. Возродившимся научным академиям, вроде флорентийской, было чуждо следование каким-либо правилам. На смену цехам мастеров приходят неформальные художественные школы. Научное общение стало подлинным творческим поиском многих людей, сосредоточенным не только в настоящем, но и обращенным к прошлому, прежде всего, к истории человеческой культуры (гуманизм). Прошлое стало восприниматься как равный современникам собеседник, а не как непререкаемый авторитет. Ценность прошлого для настоящего была переосмыслена: теперь она заключалась именно в его уникальности и неповторимости, а не в его непреходящем влиянии. Настоящее по-прежнему искало в прошлом ответы на свои вопросы, но теперь эффективность этого поиска стала зависеть от ощущения разницы между прошлым и настоящим. Возник временной вариант дистантного общения нового типа. Даже возникший в пантеистической форме интерес к природе имеет черты мифологического общения с ней как субъективированным объектом. В основе всех форм только что описанного ролевого общения лежит повседневное интерперсональное самоцельное общение. Вновь реабилитируется право на досуг, пир и праздник; а мы уже видели, что именно с этими формами связано рождение интерперсонального и ролевого общения.

2.2.1.2. Протестантизм создал условия для становления крайне сложного ролевого религиозного общения. Сложность эта была результатом субъективизации отношений человека к Богу и выразилась в непрекращающейся дифференциации протестантских конфессий, которую можно свести, принимая во внимание практикующийся тип религиозного общения, к трем основным его видам. С одной стороны, некоторые протестантские направления (анабаптисты, спиритуалисты) отстаивали право каждого человека на непосредственный контакт с Богом, то есть превращали общение с ним в интерперсональное. Однако это приводило к ничем не ограниченной субъективизации Бога и закономерно следующему за ней атеизму. Поэтому подобные попытки не привели и не могли привести к положительному результату. С другой стороны, основные течения (лютеранство, англиканство) протестантизма предусматривали синтез непосредственного общения человека с Богом и социального опосредования этого общения, что привело к становлению ролевого религиозного общения. Однако интервал между собственной позицией и социальной ролью в структуре этого общения привел в итоге к религиозному индифферентизму и секуляризации веры. Наконец, с третьей стороны, ряд протестантских течений (кальвинизм, пуританизм) стремились упростить отношения

человека и Бога, но при этом сохранили в них присущий католичеству функционализм. На фоне персонализации возникающей креативной культуры подобный функционализм не мог быть утверджен без помощи насилия и явился первым вариантом тоталитарного ролевого религиозного общения. Параллельно с протестантским тоталитаризмом католичество в процессе контрреформации (создание иезуитского ордена, ужесточение деятельности инквизиции) утверждало свой собственный вариант тоталитарного ролевого религиозного общения.

Уже францисканство и немецкая мистика в эпоху позднего средневековья предвосхитили многие особенности Реформации религиозного общения. Реформация, в отличие от Возрождения, охватила все слои населения, хотя и ее источником были города. Общение с Богом становится непосредственным (интерперсональным) и практическим. Окажется возможным общение между представителями разных конфессий, утверждается веротерпимость. Лютеранская реформация интересует нас, главным образом, благодаря следующим ее принципам: провозглашением равенства духовного и светского состояний, из которого вытекало утверждение ценности индивида и устранение священнического посредничества; утверждением примата терпения, живой веры и нравственности над слепым повиновением церковному авторитету, из которого вытекало упразднение догматики и литургии. Развивается внутрисубъектное общение. Вместо формального культа приходит живая проповедь. Благодаря этим принципам (прежде всего, рационализации и субъективизации), возникла дифференциация религиозных традиций, а также интерперсональное и ролевое религиозное общение. Принцип равенства духовного и светского социальных состояний привел в итоге к возникновению человека вне сословий и к равенству соответствующих культур, общение с религиозными квазисубъектами и субъективированными объектами перестало доминировать над общением с реальными партнерами. Устранение универсальной римской церкви привело к замкнутости новой религиозной жизни в рамках каждого отдельного прихода.

Анабаптисты доводят субъективизацию и персонализацию религиозного общения до предела (в итоге - до атеизма). Теперь Бог оказывается результатом исключительно нравственного и интеллектуального поиска самостоятельной личности; проводится принцип единства веры и разума, осуществляются попытки создать царство божие уже на земле. Отсутствие объективных критериев идентификации истинности религиозного опыта ставит его под сомнение и приводит к выхолащиванию и уничтожению. Протестантские теократии являют собой образец тоталитарного религиозного ролевого общения. Они не только пытаются восстановить, хотя и в упрощенной форме, религиозное функциональное общение, они превращают его в ролевое и тоталитарное. В своих проектах упрощения функционального общения они апеллируют к разуму и свободе личности, тем самым поддерживая их пробуждение, но, столкнувшись с проблемой выхолащивания религиозного опыта, прибегают к насильственному (политическому) установлению единообразных форм отношения с Богом и другими людьми. Вырабатываются новые коды религиозного общения (догмы), провозглашается принцип "рабства воли" и тотального предопределения (правда, теперь успех в каком-либо начинании трактуется как признак этого предопределения, так что оно не парализует деятельности). Насилие не может не вызвать сопротивления и не породить дистанции между навязываемой точкой зрения и своей собственной. Так впервые в истории человечества рождается тоталитарное ролевое общение, пока в религиозном варианте. Реформация, подобно инквизиции, прибегает к казням и пыткам. Начинается борьба с античной культурой и воинственная нетерпимость к другим конфессиям, критикуется религиозный индифферентизм. Аналогом протестантского тоталитаризма явился тоталитаризм католический. Речь идет о контрреформации, и, прежде всего, об инквизиции, достигшей в XVI веке своего расцвета, и иезуитском ордене.

Множество (полиmodalность) возникших контекстов общения и несводимость к их видам основных характеристик участников (персонализация позиций даже субъектов представительного общения) и превращает служебное общение изучаемой эпохи в ролевое, а также способствует отчетливому выделению самоцельного интерперсонального общения в качестве его самостоятельного и важнейшего типа. Вместе с исчезновением общества как единого коллективного субъекта, общение которого со своими членами было с необходимостью асимметричным (ибо оно не предполагало равенства участников и непосредственности их контакта), симметрия позиций участников общения резко возрастает.

Социально-политическая ситуация эпохи Возрождения характеризуется как временный компромисс между сословным феодализмом и демократическим капитализмом, выразившийся в становлении абсолютной монархии. Огромное количество людей не имели политических прав (прежде всего, женщины и бедняки). Средневековые республики окончательно превращаются в олигархии и затем в монархии. Примирение в условиях растущей социальной напряженности видится в фигуре стоящего абсолютно над всеми монарха. Он, с одной стороны, создает предпосылки возникновения тоталитарной культуры, а, с другой стороны, - правового общества, поскольку централизуется не только власть, но и закон. Тоталитарный характер абсолютизма теперь способствует увеличению внутренней свободы человека и внутрисубъектного общения. В цехах формируется новое неравенство. Происходит разделение труда и сокращение производственного общения. Возникает новое дворянство - выходцы из неаристократических сословий. Впервые социальный статус осознается как искусственная роль, а не естественное состояние. Никто еще пока полностью не "поглощен" своей социальной ролью и видит в каждом деле повод для творчества и борьбы со старым. Справедливость начинает осознаваться как формальное равенство всех перед законом, а не как правильное распределение прав и обязанностей. Социально-политическая сфера культуры оказалась источником возникновения ролевого общения. Любая человеческая деятельность (и прежде всего, успешная экономическая и физическая) теперь приобретает общественную ценность; деньги, например, как полагали гуманисты, изобретены для связи людей и взаимного ведения дел. Государство под влиянием реформации перенимает у церкви все социальные обязанности; осуществляется переход от средневековой концепции "управления людьми" к современной концепции "управления вещами". Возникает "утопическое" политическое сознание. Создание утопий - форма ролевого отношения к обществу и государству, выражающая дистанцию между действительностью и желаемым устройством общества. Утопическое общение - общение ролевое и интерперсональное по существу, это общение равных и справедливо (в зависимости от дарований и заслуг) включенных в общество партнеров. Но это общение имеет и черты тоталитаризма. К числу ренессансных черт русской допетровской социально-политической жизни относится самозванство. Статус царя перестает восприниматься как естественное качество и становится социальной ролью, которую, используя определенные исторические обстоятельства и личные качества, может играть любой.

На фоне формирования международного права происходит ужесточение и глобализация войн. Эпоха Возрождения и Реформации, тем не менее, была, как уже отмечалось, и эпохой грандиозного диалога культур, одной из форм которой явились Великие географические открытия, невероятно расширившие кругозор европейской культуры. Открываемые же культуры не только вступали на путь развития креативной культуры, но и беспощадно уничтожались в процессе колонизации.

2.2.1.3. Традиционное функциональное религиозное общение сохранилось в странах, где католичество не было реформировано. Однако с течением времени и оно подверглось модификациям различного рода, приведшим к возникновению тоталитарного ролевого общения, о котором речь пойдет уже ниже.

Еще одна сфера человеческих контактов, сохранившая многие элементы функционального общения, - семья. Отношение к женщине осталось средневековым, хотя некоторые модификации наметились и здесь. Женщина полностью зависела от мужчины и была обречена исключительно на домашнюю хозяйственную деятельность. Однако и здесь произошли существенные модификации в духе креативной культуры. Речь идет о реабилитации чувственности: теперь браку возвращают утраченную им абсолютную ценность, и происходит это вместе с осознанием в качестве основной такой цели брака, как деторождение. Развод и повторные браки не поощряются, внебрачные и добрачные связи продолжают активно преследоваться. Женские измены сурово карались. Существовали обычаи публичного подтверждения потери девственности в брачную ночь. Возрождение ценности чувственной составляющей полового общения не всегда приводило к наполнению его личностным смыслом. Вместо утонченной куртуазности теперь допускался откровенный флирт, игры и танцы, бани и курорты стали формами его концентрации. Однако в отличие от аналогов подобного буйства из земледельческих культур, исследуемое явление отличалось невероятной свободой и самодостаточностью (оно не имело никаких посторонних целей). Преследование не освященной законом чувственности и ее одновременное поощрение (например, весьма распространенное в литературе прославление избежавших наказания хитрых изменниц) способствовало развитию лицемерия и, как следствие, своеобразного ролевого сексуального общения. Его своеобразие заключается в том, что оно предполагает дистанцию не столько между личностными установками и социальными ролями, сколько между этими последними и физиологическими влечениями. Существовали почти официальные институты любовников и любовниц. Возрождение изменило отношение к детям, возникло понимание специфики детства. Детей стали больше любить, однако продолжали использовать их физический труд, причем в огромных по сравнению с прошлым размерах (для подобной даже цели распространилось массовое похищение детей). Изменилось и отношение к старости. Старик теперь уже не только всеми уважаемый умудренный опытом человек, но и вызывающий страх и отвращение, лишенный красоты и привлекательности, одряхлевший умирающий.

2.2.2. В эпоху Нового времени становление интерперсонального и ролевого общения было завершено (см. об этом работы Э.Фукса, Г.А.Дидерикса и др., Ф.Броделя, М.П.Одесского и Д.М.Фельдмана).

2.2.2.1. Классические формы ролевого общения были выработаны в первые века Нового времени. Это связано с временным свертыванием процессов демократизации, установлением компромиссной формы политического правления - абсолютной монархии, полностью подчинившей себе как буржуазию, так и феодалов. В условиях абсолютной монархии ролевое общение было осознано во всем многообразии его содержания и форм. Дистанция между навязанной социальной ролью и личностью увеличилась настолько, что роль была осознана как несправедливая и неоправданная. Началась эпоха революций, ослабивших жесткость социальных ролей и сформировавших правовое общество свободных и формально равноправных людей. Контексты и участники общения в данную эпоху продолжают обособляться. Интервал между ними превращает социальную функцию в социальную роль. Количество контекстов увеличивается, и выбор между ними усложняется. Разделение и профессионализация труда, его коммерциализация приводят к замыканию бытия человека на нем самом. Предел обособления человека и его социального занятия можно назвать, используя политэкономический термин К.Маркса, "отчуждением". Речь идет не только об отчуждении человека от средств и продуктов производства, но также от других людей. Речь идет об отчуждении самого процесса деятельности, в частности представительного общения, от ценностей и мотивов личностного бытия ее субъектов. На языке оценок, сопровождающих исторические

описания социального взаимодействия в изучаемую эпоху, это отчуждение обозначается словами "лицемерие", "ханжество" и т.п. Вместе с тем, социальная роль не обязательно исполняется в процессе отчуждения или лицемерно, она является необходимым следствием персонализации культуры креативного типа.

Народная и религиозная культура в указанный период приобретают тенденцию прекращения какого-либо заметного развития. Намечаются пути становления массовой культуры в освобождающемся от народной культуры духовном пространстве. Подверженная веяниям моды типичность и воспроизводимость массовой культуры лишь очень немногими характеристиками напоминает былую народную культуру. Реформация была последним и предельным вариантом развития религиозной культуры. На протяжении всего нового и новейшего времени реформация будет продолжаться. В ее результате возникнут вполне светские, внерелигиозные или атеистические, формы культуры, а также различные протестантские церкви и конфессии. Ничего принципиально нового по сравнению с уже случившимся в прежние века не произойдет. Традиционные религиозные культуры продолжают свое существование в абсолютно неизменном виде, те трансформации, которые с ними произойдут, не будут иметь никакого влияния на их сущность. Таким образом, речь может идти не об упадке религиозной культуры, а о ее стагнации и консервации. Религиозная культура постепенно оттесняется на периферию культурных и политических процессов в Европе и России. В России ужесточились государственные контроль за церковью и борьба с ересями. Борьба Просвещения с религиозной культурой не могла привести к ее гибели; она велась зачастую на основе принципов, противоположных рационализму, но выросших из него. Кризис рационализма привел к прекращению этой бесплодной борьбы. Положительным результатом борьбы стало утверждение светской культуры. Однако даже наметившиеся во второй половине XX века попытки диалога и синтеза религиозной и светской культуры, хотя и приведут к возникновению многих успешных гуманитарных проектов (научных, образовательных, медицинских, и иных), к широкому освоению религиозной культурой новых технических средств общения со своей аудиторией, но ничего принципиально нового не внесут в их содержание.

Семейное общение неимущих и малоимущих классов почти не изменилось; однако оно подверглось трансформирующему влиянию нового семейного общения аристократической и буржуазной элиты. Ценность семьи была вновь поставлена под сомнение. Все же, традиционные требования семейной морали сохранились. Внебрачные и добрачные отношения, развод были запрещены и карались; супружеская верность, патриархальная семейная власть родителей и мужа над детьми и женой провозглашались незыблемыми ценностями. Вместе с тем, запрещенное считалось не только нормальным, но и необходимым условием социального престижа. Все это не только не скрывали, но даже стремились выставить напоказ, что находило всеобщее одобрение, если только дело не доводилось до публичного скандала. Симуляция добродетели и любви стала неизбежной характеристикой поведения и общения. Протестантизм легализует разводы, но высокая стоимость не позволяла подчас воспользоваться ими; в таком случае существовала практика продажи жен, за выручку от которой можно было оформить развод. Впрочем, разводы не были редкостью даже в православной России. Возник институт брачных контор и объявлений; зачастую не выполнявшееся обещание вступить в брак было достаточным для вступления в половую связь, да и сам брак стал средством соблазнения, поскольку существовала мода на незаконную полигамию. Брак по-прежнему определялся сословными и имущественными интересами родителей супругов. Женщина по-прежнему была лишена большинства политических прав и зависела от мужчины. В социальных низах жизнь женщины ограничивалась кухней, детьми и церковью. В социальных верхах ее сферой деятельности стала теперь, однако, светская жизнь, а не семья и хозяйство. Основным,

фактически официальным, занятием были многочисленные любовные связи. Любовь стала редкостью, ограничиваемой разумными и традиционными моральными требованиями, наслаждение же стало безмерным, техничным и хорошо оплачиваемым; лишь изредка экзальтация превращала игру наслаждения и флирт в любовь. Даже сословные границы оказывались прозрачными для любовниц и любовников, они могли происходить из самых низших сословий, но стать впоследствии предметом поклонения царствующих особ. Между властью мужчины и поклонением его женщине возникло противоречие, приведшее к формированию множества извращений. Садомазохизм стал нормой половых отношений и "сущностью любви". Рафинированность наслаждения и безмерность его поисков приводили к многообразному, противоестественному и "беззастенчивому разврату", выработавшему даже образцы и технику. Ценность детей была поставлена под сомнение, ибо мешала осуществлению основной цели жизни - чувственным наслаждениям, отнимала время и силы.

Политическое и социальное общение наполнилось массой условностей и многообразных ролей, причем формы их считались требованиями вкуса и разума, а содержание полной бессмыслицей. Отношения при дворе превратились в сложнейшие церемониалы и осознавались всеми как хорошо отрепетированный спектакль. Вся жизнь выставляется напоказ и в особо организованных, даже театрализованных формах (позах). Лицемерная скрытность и выставление напоказ противоречили друг другу и вместе с тем сочетались. Распространяются карточные игры и шулерство; жизнь начинает ощущаться как игра случая. Сохраняется любовь к зрелищу публичной казни. Между правящей верхушкой и социальными низами разверзлась пропасть презрения со стороны первой и непонимания со стороны последних. Этот раскол вызывал трагическое мироощущение у наиболее мыслящей части дворян; только военные события сближали представителей разных сословий. Иерархия социальных статусов диктовала иерархию отношений. Растет популярность дуэлей, легко уносящих множество жизней.

Рационалистический дух эпохи вызвал ряд попыток рационально обосновать сложившуюся ситуацию. В Европе и в России возникла концепция просвещенной монархии. Вместе с тем, многие начали оценивать сложившуюся ситуацию, как глубоко несправедливую. Народные бунты, получив рациональное обоснование и управление, превратились в революции. Мы вполне согласны с мнением многих исследователей сущности революций, полагавших, что она заключается в смене господства традиционной культуры господством креативной, с присущей ей капиталистической экономикой. Революция - медленная или внезапная, мирная или военная победа или начало длительной борьбы с переменным успехом творческой личности против традиционного общества. Революция породила такую форму взаимоотношений между людьми, как террор. Террор мог быть индивидуальным, групповым или государственным. Это крайняя форма объективации субъекта, превращения его в средство достижения самых разных целей, соответствующих как системе ценностей традиционной, так и креативной культуры. Террор - это, прежде всего, тайные или явные, но заведомо ненаказуемые мероприятия, связанные с насилием, убийством, захватом заложников и шантажом, запугиванием людей, лишенных возможности адекватного ответа, созданием обстановки массовой истерии. В прошлом заложниками становились дети князей и ханов, а иногда и сами вельможи, в Новое время заложником может стать каждый, поскольку ценность любого человека для шантажируемого государства и общества абсолютна. Впрочем, массовые захваты заложников террористами в XX веке и выдвижение ими заведомо невыполнимых требований ставят под сомнение или, по крайней мере, проверяют абсолютность этой ценности. В изучаемый период сословное общество еще сохранялось, и зачастую террор был ориентирован на правящее сословие. Однако жертвами его могли стать все, что породило новый своеобразный способ социальной инте-

грации. Впрочем, любая деятельность людей теперь стала ориентироваться на общество в целом.

Террор был возможен в условиях диктатуры или нового тоталитарного государства, созданного победившей революцией и основанного уже не на рационализации традиционной культуры, а на традиционализации креативной (в форме возрождения религиозных или в форме создания каких-либо аналогичных им светских норм поведения). Террор в тоталитарном государстве - способ добиться согласия и навести порядок в разбалансированном революцией обществе. Тоталитаризм для своей защиты и консолидации общества всегда приводил к культурному изоляционизму, поискам врагов за пределами собственного государства; революция могла перекинуться за пределы страны своего происхождения, стать войной, как освободительной, так и захватнической (случалось, конечно, что и война оказывалась причиной революции). Среди узурпаторов власти казни соратников были чрезвычайно распространены. Отказ от методов революции и террора привел к воплощению в жизнь различных утопических социальных проектов. На протяжении всего нового и новейшего времени будут возникать общины людей, которые, основываясь на ценностях традиционной или креативной культуры, будут объединяться в поисках подлинной и достойной человека жизни. Однако утопизм, искусственность и нежизнеспособность подобных объединений лишит их возможности длительного существования. Но не только утопизм явился альтернативой революции, ее подлинной альтернативой было формирование парламентской демократии и политических партий, представлявших интересы различных слоев населения республики в законодательных и исполнительных органах власти и вырабатывавших в ходе диалога совместную позицию, консолидирующую общество.

2.2.2.2. В XIX веке происходит становление основных форм интерперсонального общения. Замысел новой культуры и нового общения людей никак не соответствовал, а подчас был даже противоположным его реализации. В соответствии с основными установками победившей креативной культуры права личности на власть в обществе и частную жизнь должны были стать незыблемой основой новой жизни. Но реальность опровергала идеал. Фактически декларируемые права в своей реализации зависели от имущественного статуса их субъекта. Да и привлекательность дворянских сословий и их политическая роль не были утрачены. Публичная жизнь теперь уже не доминировала, основной ценностью стала семья. Семейное общение строилось на иных основаниях, чем прежде. Теперь все формы традиционной морали (запрет внебрачных и добрачных связей, развода) обосновывались личностными ценностями. Нарушение этих запретов рассматривалось как нравственная распущенность, ибо утверждало неспособность к основанной на индивидуальном выборе супружеской любви, провозглашенной основной ценностью брака, то есть неспособность быть человеческой личностью и достойным членом общества. Само мышление в категориях запрета и нормы сохранилось, хотя изменилось их содержание. Запреты достигли даже небывалых пределов. Фактически вся половая сфера не подлежала никакому общественному обсуждению. Сословное и имущественное содержание брака фактически продолжало господствовать над утверждаемым идеалом брака по любви. Протест против брака по расчету и традиции привел к отрицанию брака как такового или к внебрачным и добрачным связям, к лицемерию и ролевому поведению. Прав женщины в век позитивизма и романтизма мало кто отрицал. Впервые женщина стала человеком. Но фактически институт реализации прав женщины так и не было создано. Изменилось отношение к детям. Наконец, сформировалась концепция детства. Ценность материнства и детей вновь стала высокой, однако они чаще рассматривались только как наследники; возникло рациональное планирование человеческого воспроизводства. Использование детского труда только возросло, причем иногда дети выполняли самые тяжелые обязанности взрослых.

Политическое и социальное общение в указанную эпоху характеризуется уже отмеченной двойственностью, расхождением между действительностью и видимостью. Причем отказ от лицемерия вызвал социальные санкции против осмелившегося на него. На уровне закона или идеала политические права были предоставлены всем. Фактически любые права могли реализовать только аристократы, буржуа и подконтрольная им бюрократия; протекция оставалась важнейшим способом занятия государственных должностей. Причем стремление стать аристократом только усилилось, ибо они продолжали доминировать в управлении государством и армией, а их среда - высший свет - продолжал оставаться замкнутым и притягательным пространством. Двор также продолжал иметь политическое значение, хотя оно шло на убыль. Основная масса населения оставалась бесправной. Отношения между людьми стали определяться выгодой, превратились в товар, их деформировала жестокая конкуренция, провозгласившая стремление к успеху основной ценностью и целью нового образа жизни, перед достижением которой даже ценность другой личности превращается в средство.

Хотя большую часть времени посвящали игре в карты, визитам и, прежде всего, сплетням, время, отдаваемое досугу и развлечениям, заметно сократилось, зачастую рабочий день не имел границ не только для рабочих, но и для их хозяев. Развлечения (спорт, трактиры, танцы, балы, театр, охота, курорты) стали стереотипными или рафинированными, элитарными, игнорирующими массовую культуру или заведомо ориентированными на борьбу с ней. В любом случае, предельно усложняясь или упрощаясь, содержание художественного общения выхолащивалось и, по словам Х.Ортеги-и-Гасета, "дегуманизировалось". Характерный факт художественного общения конца XIX века - формирование "культы звезд", достигшего апогея своего развития в следующем веке: актеров, художников, политиков, то есть публичных людей, ставших атрибутом любого заметного в обществе события и являющихся предметом поклонения и ориентиром подражания для многих поклонников массовой культуры. Такие "звезды" зависели от стереотипов меняющейся моды и законов коммерции; они либо изначально не имели ничего общего с уникальностью подлинно творческой личности, либо, оказавшись "на небосклоне", лишались ее, скрывали, или даже превращали в своего рода стереотип. Отношения между "звездами" не напоминали взаимодействие, скорее это была конкуренция. Но сохранились и традиционные формы художественного общения. Более того, в этот период они приобрели классический вид, их содержание стало одновременно подлинно высоким и доступным самой широкой аудитории. Было образовано множество творческих союзов, члены которых пытались совместно выработать программу собственного творчества и противопоставить ее программам других творческих союзов.

Имущественное расслоение общества чрезвычайно выросло, богатство буржуа постоянно росло. Нищета и бесправие огромной массы рабочих были доведены до предела. Фактически условия труда (низкая и невыплачиваемая заработная плата, тесное и убогое жилье, грязное рабочее место) превращали человека в машину, работающую только ради продления собственной службы. В таких условиях жестокость в отношениях между рабочими, убийства и насилия стали обычными явлениями. Однако наукоёмкость и сложность процесса производства требовали от рабочих высокой профессионализации, специализации и образования. Это способствовало росту их политического самосознания и консолидации. Возникло множество политически влиятельных интернациональных рабочих движений, партий и профессиональных союзов. Многие из них представляли собой террористические группы с чрезвычайно жесткой организацией. Отношения между представителями подобных организаций были чрезвычайно противоречивыми. Они складывались из настоящей солидарности, доходившей до жертвенной самоотверженности во имя другого, и одновременно из немилосердной жестокости, доходившей до убийства в качестве возмездия за ту или иную ошибку. Количество

революций достигло своего предела. Классовая борьба в этот период носила крайне жестокий, военный характер. Участники этой борьбы изменились, бывшие враги - буржуазия и аристократия - объединились перед лицом значительной угрозы со стороны рабочих движений.

Ролевое общение в XIX веке утратило свое бывшее единоличное господство, оно перестало быть многообразным и детализированным. Вместе с тем, наметились контуры его будущего кризиса в XX веке, появились первые ростки анархизма. В свою очередь интерперсональное общение стало достоянием широких слоев населения. Оно вышло за пределы характерных для него в прошлом форм досуга и стало более распространенным и углубленным. Жажда творческого самовыражения сделалась стимулом развития культуры. Рост самосознания личности привел к тому, что большое значение приобрело внутрисубъектное общение. Косвенным показателем индивидуального отношения к своей судьбе стал небывалый страх смерти и противоположный ему, но такой же значительный рост количества самоубийств. В XIX веке этот процесс завершился, а вместе с ним завершилось и становление интерперсонального общения. Семейное общение стало интерперсональным. Однако в условиях раннего конкурентного капитализма многие духовные и материальные ценности и формы общения оказались недоступными для большинства населения. Они фактически были только идеалом и программой для будущего претворения их в действительность. Отчуждение людей во всех формах общения, особенно в производственном общении, достигло своего апогея.

2.2.3. Завершение развития интерперсонального и ролевого общения осуществилось в XX веке и сразу же вызвало их жесточайший кризис. Кризис общения сопровождался кризисом и других основных ценностей креативной культуры: личности, творчества и рациональности. Он стал возможен благодаря научно-технической революции, определившей огромный рост производительности труда и материального благосостояния. Социо-культурное развитие, автоматизация производства и интеграция экономики столкнулось с необходимостью привлечения к работе высококвалифицированных кадров, способных потреблять произведенную продукцию. Образование и материальное благосостояние широких слоев населения уничтожили последние остатки социальной структуры традиционного общества и установили реальное равноправие. Однако на первом этапе становления индустриального общества оно не отличалось стабильностью.

Укрепление государства, способного стабилизировать ситуацию пошло по двум направлениям. Первое привело к возвращению в мир традиционной культуры и кризису рационализма: возникло тоталитарное общество. В таком обществе уже не существовало живых традиций функционального общения, тем не менее, их насильственно сформировали. Противоречия между процессами персонализации и традиционной формой общества привели к гибели тоталитаризма в большинстве стран его существования. Второе привело к укреплению демократии и возникновению государственных программ по социальной реабилитации проблемных слоев населения. Процессы индивидуализации были продолжены и привели к кризису личности, ролевого и интерперсонального общения. Началось разобщение людей, гибель всех социальных институтов (семьи, социальных групп) и увеличение одиночества, выразившегося в многочисленных социально-психологических проблемах и нарциссизме (поверхностном бессодержательном общении). Вместе с тем, культура открытого общества пережила кризис творчества и распалась на две субкультуры - массовую и элитарную. Массовая культура объединила разобщенных людей с помощью усредненных артефактов, рассчитанных на массовое потребление. Элитарная культура формировалась в ходе противостояния массовой культуре и привела к усложнению и содержательному опустошению своих продуктов. На исходе XX века это противостояние сменилось индифферентным сосу-

ществованием и диалогом самых различных традиций. Оба варианта общества XX века - тоталитарное и открытое - продемонстрировали небывалый в истории уровень насилия, обращенного одними людьми против других, и столь же небывалый уровень гуманизма.

XX век был также веком политической, экономической, информационной и культурной интеграции человечества. Возникли единая мировая культура и единое мировое сообщество. Этот век не нашел пока путей к диалогическому решению проблем интеграции. Она протекала в основном в обстановке конфронтации и унификации других культур под знаком евро-американских ценностей.

В эпоху массовых коммуникаций характеристики участников и контекстов общения окончательно перестали совпадать. Точнее говоря, такой элемент структуры общения, как его участники, в силу их правового равенства, фактически перестал оказывать существенное влияние на историю общения. Правда, этого нельзя сказать о тоталитарных и сохраняющихся традиционных обществах. Вместе с тем, традиционные контексты общения сохранились, но модифицировались и пережили кризис. В обществе массового потребления особую роль стало играть художественное общение и его аналоги. Художественное творчество стало воплощением потребности XX века в ничем не ограниченном творчестве, с его новизной и оригинальностью, персонализмом и многозначностью, а также с его иррационализмом и аморализмом (см. об этом работы Ж.Липовецки, Д.Белла, И.Н.Голомштока, М.Маклюэна).

2.2.3.1. XX век - время кризиса ролевого и интерперсонального общения, разрушения подавляющего большинства традиционных социальных институтов. Налицо кризис одной из важнейших ценностей креативной культуры - личности и основанного на межличностных отношениях сообщества; каждый требует прав, но, кроме того, равноправия. Процесс персонализации породил невероятную свободу выбора норм поведения и ценностей; все они также были поставлены под сомнение. Не стоит, однако, преувеличивать ценность культуры общения прошлого, поскольку в этой культуре, как показывает и настоящее исследование, было много такого, что кажется нам теперь жестокостью и зверством. Основная заслуга общества XX века - надклассовое рационализированное государство, прекращение социальной дискриминации кого бы то ни было и насилия как пути решения проблемы, защита прав меньшинств и личности, реальное всеобщее политическое равноправие и терпимость к инакомыслию, наконец, государственное и социальное внимание к проблемам человека, ориентированная на их решение политика. Вместе с тем, и нынешнее общение далеко несовершенно, даже в сравнении со многими формами прежней культуры общения, подлинно гуманными и содержательно глубокими. Семья исключена из основных ценностей и приоритетов человеческого поведения. Гедонизм и карьеризм не позволяют иметь много детей, а зачастую и вообще заставляют предотвращать их появление. Мать полностью захватила права на детей и создала новую структуру семьи. Современная семья - это отсутствие отца и зависимость матери от юристов и психологов, а точнее - от государства и различных социальных организаций. Теперь начинается эпоха борьбы отцов с этой новой формой дискриминации и за женские права, женственные мужчины больше времени уделяют дому и выполняют традиционно женские обязанности.

Впрочем, в ряде развитых стран, например, в Японии, этой проблемы не существует, семья сохраняет свой социальный престиж, нисколько не препятствуя карьере или физиологическим удовольствиям. Физиологические удовольствия не стали более ценными для самореализации, чем семья, и даже были облагорожены с помощью ряда традиционных социальных институтов. Институт гейш, к примеру, представляет собой совершенно особую форму общения полов, сочетающую самые разные аспекты взаимодействия людей, от отношений прибыли, до духовных контактов.

Одиночество оказалось судьбой не только личности, но и разных биосоциальных и культурных групп. Обособление одной личности от другой личности, от общества, обособление социальных групп обусловлено изменением характера социальных связей - преобладанием длинных связей над короткими и возрастанием употребления символических знаковых систем, выступающих в роли абстрактных посредников в общественных отношениях. Такими посредниками являются деньги, право, политические идеологии, экспертное знание (наука). Впрочем, как показал Ж.-Ф.Лиотар, обособление людей друг от друга не является абсолютным и не приводит к гибели общества, поскольку без агонистической и комфортообразующей среды человек не может существовать. В атмосфере страха перед другим не может быть ни диалога, ни конфликта; всякая зависимость, даже эмоциональная привязанность ощущаются как гибель собственной свободы, вместо любви существует только секс. Гедонизм только увеличивает поверхностность взаимоотношений. Этому способствует и увеличение количества необходимых нынешнему человеку контактов с другими людьми. В этих условиях утверждаются и распространяются новые социальные роли и категории участников общения: это юристы, защищающие наши права, и психологи, решающие наши проблемы. Общение и коммуникация с ними становится важнейшим видом ролевого общения XX века. Безразличие к другому и страсть к удовольствиям поддерживает существование пороков прошлого, таких, как детская проституция, садо-мазохистская порнография и другие формы изображения насилия, вплоть до репортажей в СМИ, националистические и милитаристские настроения.

Ничего не отрицается и не идеализируется, любая мелочь приобретает неслыханный интерес, особенно быт и частная жизнь таких же людей, не важно даже, обычных, знаменитых или исключительных. Культ звезд достиг своего расцвета и теперь клонится к упадку, ибо нарушает принцип всеобщего равенства. Господствует культ желания и немедленного его удовлетворения, парализующий волю и порождающий пресыщение и индифферентность. Неспособность к общению привела к целому комплексу неврозов и проблем, таких, как социофобия, гендерные проблемы. Персонализация женщин и мужчин приводят к полному уничтожению культуры половой дивергенции. Впрочем, именно в XX веке завершилась женская эмансипация, ушли в прошлое все формы патриархальной зависимости детей. Сексуальные меньшинства получили свободу и политические права. Их дискриминация и преследования были прекращены. Обзор разнообразных прав и законов, защищающих личность, женщину, ребенка от государства, работодателей, насилия занял бы много томов.

Вместе с тем, гомосексуализм стал одним из проявлений характерной для XX века формы социального разобщения, открытой К.Лэшом и названной им "нарциссизмом"; общение нарциссов уродливо в силу резкого преобладания в нем формальной стороны над содержательной. Нарциссы глухи к другим и даже к себе подобным, они отрицают какие бы то ни было социальные или моральные ценности, кроме безграничного индивидуализма и собственного превосходства за счет других. Самым ярким примером нарциссизма служат агрессивный феминизм с его идеей превосходства "женского начала" и "взаимобратности женского и мужского" или агрессивный гомосексуализм с его пропагандой подобных связей, ставящие под сомнение само отношение между представителями различных полов. Еще одним видом нарциссизма явилось развитие миссионерского движения в XX веке, рост количества новых религиозных сект. В условиях кризиса рационализма общение с религиозными квазисубъектами вновь приобрело социальную значимость. То же следует сказать и о многочисленных неформальных молодежных объединениях, политических партиях, сепаратистских движениях, претендующих на некое самоутверждение за счет других. Все эти нарциссические сообщества не останавливаются в своей борьбе ни перед чем, совершенствуя и изобре-

тая самые соблазнительные формы оболыщения и самые дикие формы терроризма. Терроризм из адресного (направленного на конкретных политических или рядовых индивидов) превратился в массовый и слепой, завершив тем самым свою чудовищную эволюцию.

Только в XX веке связь человека и общества стала взаимосвязью. Политические и социальные институты были полностью перестроены в соответствии с идеями равенства всех перед законом и свободы; ни собственность, ни сословная принадлежность больше не создают социальной структуры. Вместе с тем, они превратились в своеобразные механизмы, полностью чуждые каким-либо интерперсональным взаимоотношениям. Речь идет не только о тоталитарных государствах, открытое общество в ряде особенностей мало отличается от их политики. Театральность и массовость - характерные черты политики тоталитарных и открытых государств. Общение государства и личности стало в открытом обществе чрезвычайно сложным процессом взаимной манипуляции и отчуждения. Государство изменило тактику. Теперь оно использует для достижения своих целей не принуждение, а оболыщение. Оболыщение - это сущность популизма; масса должна почувствовать, что лидер - ее часть и по происхождению, и по образу жизни. Оболыщение по необходимости изобретательно, ведь масса политически очень инертна и апатична, впрочем, ее можно возбудить и взнудать, породить истерику или акции протеста.

2.2.3.2. В XX веке тоталитаризм обрел свои классические черты, которые только угадывались в абсолютизме минувших веков. Налицо кризис еще одной ценности креативной культуры - рационализма. Чрезвычайно сильное (благодаря рационализированной технике) тоталитарное государство оказалось способным полностью подчинить себе (то есть своим лидерам) жизнь человека, общества и культуры; оно восстановило прежнее функциональное общение, но в основе этого общения лежала уже не традиция, а насилие. Традиция не знает отступлений в силу их отсутствия, насилие же не знает отступлений в силу их уничтожения. Террор (детальный запрет и массовое уничтожение) стал главным принципом нового общества и культуры. Тоталитарное государство - явление, по существу, модернистское, ибо оно направлено на отрицание настоящего и устремлено к будущему и новому. Однако оно также всегда есть антимодернистское явление, поскольку представляет собой синтез креативно-персоналистского рационализма (с его технологиями) и традиционного коллективизма (с его идеологиями). Оно ориентирует общество в будущее, так или иначе используя прошлое. В исламском фундаментализме прошлое играет наибольшую роль - основного идеала. В итальянском и немецком фашизме оно служит одним из идеалов. В советском и китайском коммунизме оно, на первый взгляд (то есть, содержательно или идеологически), вообще отрицается, но продолжает оказывать существенное влияние в формальном или технологическом аспекте, ориентируя рациональность на воссоздание коллективных традиций и способов контроля над их соблюдением (прошлое может иметь и содержательное значение в качестве прецедента тех или иных форм политических акций, такое значение приобрело конфуцианство в Китае, героические мифы о царях-реформаторах и освободителях в России).

Тоталитаризм - результат неготовности общества к демократии, ее преждевременности; фактически все демократии (кроме, пожалуй, американской) в той или иной форме пережили тоталитаризм, но в ранний период истории креативной культуры это было не столь болезненно (парламентская диктатура в Англии или абсолютизм во Франции), сколь это было в XX веке. Тоталитаризм - следствие и попытка разрешения политических и экономических противоречий раннего конкурентного капитализма, с его ориентацией на прибыль любой ценой и вызванной этим классовой борьбой. Демократия в странах с подобной экономикой кажется иллюзией, которой стоит пожертво-

вать ради экономической справедливости. Тоталитаризм всегда опирался также и на некоторые традиционные особенности культуры и общества, в котором он побеждал, но всегда грубо эксплуатировал и искажал их. Тоталитарное государство осуществляется во имя масс и массами, революционно или демократически. Массы получают даже определенные привилегии и льготы. Благодаря социально ориентированной политике, в СССР были действительно реализованы многие права человека: на труд, образование, жилище, отдых. Но эта реализация не имела характера диалога между властью и людьми, а патерналистски регулировалась государством, то есть являлась своего рода подачкой сытому рабу. За эту любовь власти к массе масса воздает, со своей стороны, любовью к власти. После идеологической обработки и уничтожения всех сомнительных элементов любовь массы становится еще более крепкой. Масса приветствует даже собственное уничтожение, нисколько не осознавая этого.

Однако массы страдают от тоталитаризма в первую очередь, ибо террор направлен против всех, а беззаконие в отношении к рядовым людям менее всего заметно и очень легко скрыть. Возрождаются традиционные формы морали. Семья и дети объявляются непреходящими ценностями. Неизбежные и частые отклонения от норм надуманной и невозможной в креативном обществе морали преследуются так же, как и политические преступления. Ханжество подобной морали вполне очевидно из следующего характерного примера: в СССР 7 апреля 1935 г. был введен уголовный закон, предусматривавший смертную казнь за политические и уголовные преступления для "лиц", то есть детей, достигших 12 лет. Свое беззаконие тоталитаризм склонен оправдывать либо лживой и казуистической идеологией, либо ссылкой на чрезвычайные ситуации.

Ряд социальных и национальных меньшинств и категорий населения тоталитаризм попросту уничтожил в соответствии с той или иной идеологией. В Германии уничтожались евреи, цыгане, гомосексуалисты, умственно неполноценные, коммунисты. В России промышленно-торговая, финансовая и сельскохозяйственная буржуазия, аристократия, большая часть духовенства, политически неблагонадежные народы (немцы, татары, евреи, чеченцы). Уничтожению подвергались враги лучшего и высшего, низшие сорта людей, недостойные совершенного общества справедливых рабочих, правозверных мусульман или благородных арийцев. Борьба с врагом консолидировала массу и придавала ей чувство собственной силы и значимости.

Тоталитарное государство сформировало особые контексты как внешнего (межкультурного), так и внутреннего общения. Тоталитаризм всегда увеличивает военную напряженность, ведет политику изоляционизма и провокаций в международных отношениях и формирует образ врага, шельмуя всех реальных или потенциальных критиков и конкурентов. Запрещаются все свободные контакты с внешним миром, даже эмиграция. Война становится основной формой взаимоотношений с другими странами. XX век известен своими печальными военными рекордами. Войны стали мировыми, а число их жертв стало сопоставимо с числом выживших. Самая страшная мировая война стала непосредственным результатом политики тоталитаризма. На оккупированных территориях тоталитарные режимы устраивали свои порядки, зачастую не отличающиеся от порядков концентрационного лагеря. СССР неоднократно использовал военное вмешательство в дела социалистических стран (в Польшу, в Чехословакию, в Венгрию), как только их народы пытались изменить установленные им порядки.

Внутри собственного общества оно формирует атмосферу четко осознаваемого всеми бесправия личности, меньшинств, а, в конечном счете, всего населения (с характерными для него инфантилизмом, запуганностью и аморальностью, выражающимися в неискренности, жесткости и неуважении к другому, рабском преклонении перед высшими, в доносительстве) и беспринципного произвола власть имущих (как правило, партии или церкви и их вождя), выражающегося в уничтожении не только критиков

своего поведения, но и в массовом истреблении ни в чем не повинных людей (юридически оформленных убийствах или гибели в результате волюнтаристских экономических мер, вызвавших массовый голод). Общение между личностью и властью становится резко асимметричным и превращается в жесткую коммуникацию, требующую доведенных до гротескных, абсурдных форм лояльности, дисциплины, подчинения вождю, партии и многочисленной партийной бюрократии. Идеологическая непримиримость и нетерпимость к инакомыслию доводятся до предела: инакомыслие усиленно изыскивается (так же, как изыскиваются повсюду шпионы и предатели) и искореняется; о каких-либо политических свободах нельзя даже думать. Убийство собственных соратников по власти ("массовые кровавые чистки партии") - характерная черта тоталитарного общества; уровень дискуссий между ними - обыкновенное хамство и шикарные сегодняшних прихлебателей на вчерашних. Возрождается рабство в самых жутких своих формах: в форме полного экономического (конфискация имущества и ликвидация семьи) и политического (прекращение действия каких-либо законов, защищающих обычного человека, и абсолютная полнота власти над ним со стороны чиновников, представителей государства-рабовладельца) бесправия. В СССР происходит новое закрепощение крестьян. Рабами становятся заключенные и военнопленные. Концентрационный лагерь представляет собой самую страшную форму человеческих взаимоотношений за всю историю общества. Убийство, постоянный контроль и невыносимые условия жизни, жестокое насилие и пытки, садистские биологические и психологические эксперименты - таковы формы "межсубъектного" взаимодействия в концентрационном лагере. По степени изощренности издевательств фашистские концлагеря превзошли все мудрые достижения инквизиции. Однако по массовости своих жертв фашисты уступили коммунистическому режиму.

Все социальные и экономические различия между людьми тоталитаризм пытается уничтожить. Вместе с тем, он формирует новые различия: между вождем, партией (бюрократией) и народом. Общение между ними резко асимметрично, хотя идеология тоталитаризма зачастую утверждает полное равенство. Партия диктаторов превращается в "своеобразный религиозный орден", приобретший черты "правлящего сословия". Всякая диктатура проходит три этапа своего развития: лидер партии сначала подчиняет себе партию, затем государство и затем стремится распространить свое влияние вплоть до аннексии за рубежом. Подобная схема характерна для СССР, Германии, Италии, Китая. Коммунистическое движение как таковое было фактически уничтожено людьми, применившими в качестве идеологического прикрытия марксистско-ленинскую фразеологию. Тоталитаризм может быть диктатурой одного из классов (итальянский фашизм), надклассовой диктатурой, вмешивающейся в их собственность (немецкий национал-социализм) и бесклассовой диктатурой, присвоившей всю собственность себе (советский социализм). Однако только третий тип тоталитаризма - абсолютная и исключительная форма проявления его социально-механической сущности, создавшая нового человека. Именно такой тоталитаризм привел в Китае и СССР к деформации не только общества и культуры, но даже психофизической структуры человека; люди превратились в законченных марионеток. Декларировавшееся равенство и возвращение собственности подлинным труженикам превратилось в самое последовательное отчуждение ее от них; возникли и новые формы социального отчуждения и неравенства. Реальное неравенство маскируется с помощью различных форм ритуального и театрального характера, прославляющих единство вождя, партии и народа, типа безальтернативных демократических выборов или массовых демонстраций поддержки, съездов партии или показательных судебных процессов. Идеологическое прикрытие и оправдание любого беззакония - разновидность театрализации и функционализации общения в тоталитарных культурах.

Культ вождя и его партии - характерный атрибут всех тоталитарных режимов. Вождь тоталитарного государства - чрезвычайно новый психологический тип человека; он характеризуется атрофией способностей к нормальному межличностному общению, параноидально завышенной самооценкой, театральностью и публичностью поведения. Тем не менее, вождь всегда мифологизирован и его подлинная личность почти никому не известна, ее окружает священная тайна, разглашение которой уголовно преследуется. В отличие от публичности личной жизни обычного лидера или даже абсолютного монарха личность тоталитарного лидера окутана непроницаемой завесой мифологии. Вместе с тем, в тоталитарном обществе формируются и другие социальные группы, находящиеся в различных отношениях к правящей партии: борющиеся с диктатурой диссиденты, индифферентная масса и люди, искренне верящие в справедливость и неизбежность сложившейся политической и культурной ситуации. Эта структура характерна как для СССР, так и для Германии, Италии или Китая. Однако в СССР и Китае диссиденты и сознательные защитники режима были практически уничтожены или не имели никакого влияния на власть. В Италии фашисты никогда не контролировали всей власти, а в Германии существовало сильнейшее сопротивление.

Художественное общение также функционализируется. Главное его свойство - это несвойственные художественному творчеству в контексте креативной культуры идеологические функции, к которым сводится все содержание произведения и его потребление. Роль реципиента снижается, в тенденции - до его полного превращения в коммуницирующего адресата, усваивающего готовые схемы. Вырабатываются эталоны художественных произведений и каноны творческой практики; на художественные произведения даются государственные заказы. Создаются институты управления и контроля над соответствием реальности этим эталонам и канонам, борющиеся со всеми отклонениями от них (в Италии - это фашистская академия, в Германии - Имперская палата изобразительных искусств, в СССР - министерство культуры, в Китае - Всеитайская ассоциация работников литературы и искусства). Борьба с художниками, отклоняющимися от заданных норм, носит характер политической травли: как обычно, используется запрет и физическое уничтожение произведения и его автора. Еще больше талантов было изуродовано. Вместо них мастера официального искусства издавались невероятными тиражами, всеми способами навязывались публике, а их мнимые достоинства обосновывались философами и критиками в качестве вечных ценностей.

Модернистские тенденции искусства, созвучные революционности утверждающегося тоталитаризма, вскоре после его победы объявляются не соответствующими требованиям тоталитарного искусства: прежде всего, его массовости, то есть усредняющей простоте и однозначности идеологических схем. Побеждает пропагандистский мифологизированный реализм. Аналогичной мифологизации подвергается в тоталитарном обществе даже наука. Тоталитарное искусство имеет свою иерархию жанров, соответствующую пропагандистским возможностям того или иного. Доминирующий (высокий) жанр - конечно, портрет вождя; средние жанры - произведения военно-исторической и производственной тематики; низкие (в данном случае они не презренные) - произведения с бытовой или природной тематикой. Такая же иерархия формируется и в морфологической структуре видов искусства. Архитектурный монументализм - наиболее совершенное выражение всей идеологии, всей мощи, всего экспансионизма тоталитаризма. Все эти иерархические структуры и морфологии, безусловно, не разрушают общей идеологической целостности тоталитарного искусства.

Тоталитаризм потерпел экономическое и политическое поражение в большинстве стран, в которых он утвердился; подобные государства, бесспорно, - не строители будущего, а могильщики прошлого. Однако мир еще не избавился от угрозы тоталитаризма, для многих его идеи сохранили свою привлекательность, сохраняются до сих

пор и многие диктаторские режимы. В СССР и Китае тоталитаризм претерпел длительную эволюцию, с течением времени он стал мягче и обнаружил тенденцию к перерождению в открытое общество. Все же, безболезненно и плавно это перерождение не может произойти. Преодоление тоталитаризма в странах, его переживших, - тяжелый и отнюдь не поступательный процесс. Это преодоление - прежде всего, нравственно-культурный процесс, хотя его политический аспект также чрезвычайно важен. Оно бывает успешно только тогда, когда осуществляется сознательно, причем не только в форме оценок прошлого, но и в форме четкого понимания ценностей, служение которым видится задачей настоящего и будущего. Преодоление - это не суды над конкретными людьми (хотя в Германии подобные суды проводились, а в России - нет, что породило у преступников не только ощущение безнаказанности, но и собственной правоты), в состоянии страха или идеологической истерии выполнявшими приказы власти, а выработка политической системы, которая ни при каких обстоятельствах не сможет допустить возникновения тоталитаризма, это создание гражданского общества, быстро распознающего опасность тоталитаризма и предпринимающего реальные и четкие меры по его недопущению. Преодоление - это последовательное искоренение всяких ростков реваншизма, это понимание того, что тоталитаризм всегда и везде есть абсолютное зло, которое нельзя ничем оправдать.

Скорая гибель любого тоталитарного государства в силу его внутренних противоречий, внешней конфликтности, преступности и лжи неизбежна, но в условиях XXI века она может повлечь за собой гибель всего человечества. Сохраняется и перспектива новой войны. Осознание губительности тоталитаризма и военного насилия должно стать одной из основных забот культуры, образования и науки настоящего и будущего. Вместе с тем, нельзя отрицать и положительные возможности растущего влияния государства на экономику развитых демократических стран. Без этого влияния немыслима ни современная экономика, ни достойная социальная политика. Кризис социалистических движений и снижение напряженности классовой борьбы произошли не только благодаря росту материального благосостояния, но, прежде всего, благодаря созданию государством социально ориентированной экономики. В развитых странах сегодня наблюдается даже кризис политических партий, вызванный невозможностью конкурировать друг с другом (единством программ), появившейся благодаря решению государством большинства социальных и экономических проблем.

2.2.3.3. Наконец, кризис коснулся и еще одной ценности креативной культуры - творчества. Творчество всегда было теснейшим образом сопряжено с общением. Массовая и элитарная культура - продукты разобщающего творчества. Особенно интересно в этой связи все, происходящее с художественной культурой, поскольку ее социокультурный престиж достиг в XX веке небывалых размеров.

1. Массовая культура - своеобразная модификация народной культуры, синтезированной с городской. Однако на смену народу, объединенному традициями, пришла масса, объединенная модой на потребление и изготовление потребляемого. Потребление это диктуется своим средним массовым стандартом. В основе такой усредненности лежат примитивные формы, способные удовлетворить и стимулировать спрос огромного количества разных людей, а также снизить высокое и уравнивать обыденное и исключительное. Это факты, вызывающие сильное физиологическое возбуждение (ужас и эротика), сильный смех (причем не сатирический, а юмористический), чувство безопасности и комфорта, обладающие социальным престижем и подобными ему модными "ценностями". Все, не соответствующее массовому вкусу, чувствуящему себя совершенным, упраздняется. Массовый человек - не творец, но бесцеремонный эксплуататор чужого творчества. Однако свобода массового человека - всего лишь вид конформизма. Массовый человек, как показал Х.Ортега-и-Гассет инфантилен и одновре-

менно агрессивен, его свобода в силу ее абсолютности саморазрушительна и аморальна, поскольку суть морали в сознании служения и долга.

Массовая культура порождает и особые формы общения. Субъекты и содержание подобного общения отвечают требованиям ценностей массовой культуры. Список новых ценностей массового общения включает: абсолютный индивидуализм и релятивизм, гигантоманию и одновременную страсть сводить любую исключительность к повседневному, утилитарному и усредненному бытию; любовь к ужасному и физиологическому (эротика), комическому и живописному, комфортабельному и декоративному, разнообразным развлечениям и удовольствиям, быстрой смене моды. Рационализм постепенно был подменен его модификацией - конвенционализмом. Массовый человек зауряден, он ни с кем не считается, порождая новую форму дикости, поскольку одичание - процесс разобщения. Подобно тоталитарному обществу, масса забывает и переиначивает свое прошлое, уничтожает технику диспута, осмеивает скрупулезность доказательств и профессиональную подготовленность. Массовый человек - прежде всего эгоистичный потребитель, а потребление чуждо как подлинному общению, так и подлинному бытию; ведь подлинное бытие - это общение.

2. Элитарная культура - другая сторона того же кризиса творчества. Это результат перепроизводства творчества. Творчество ради творчества опустошает его достижения. Уникальность перестает быть уникальной и разрушается в условиях отсутствия стандартного. Творчество усложняется и обесмысливается. Взаимоотношения между элитарной и массовой культурой никогда не похожи на диалог. Они могут впитывать достижения друг друга, трансформируя их в соответствии с собственными принципами. Но гораздо чаще они стараются не замечать друг друга или конфликтовать, результатом чего оказываются многообразные формы асимметрии общения, коммуникации и контркультуры. Можно выделить следующие коммуникативно-экспрессивные свойства контркультуры: экстаичность, бунт, интерактивность, натурализм. Элитарная культура, подобно специализации профессионалов, вытеснила способность к пониманию другого и ощущение целостности собственной личности; отчуждение людей друг от друга, их собственной деятельности от ее цели не преодолено, но еще более развито усилиями специалистов и элитарных творцов.

Художественное общение приобретает в XX веке новые пути развития. В эпоху модерна оно становится невероятно разнообразным и изобретательным. В орбиту художественного общения попадают почти все достижения прошлого, проходящие различную стилистическую обработку. Художественное общение расширяет свои возможности за счет технических средств. Техническая воспроизводимость повышает доступность и сохранность художественных произведений, то есть интенсифицирует и актуализирует художественное общение. На основе техники возникают новые виды искусства, имеющие, как правило, массовый характер как в смысле их потребления, так и в смысле их создания (например, фотография и кино). Вместе с тем, техника заменяет уникальное проявление артефакта массовым, обесмысливает его содержание и функцию, ограничивая его гедонистическим предназначением. Не случайно и изменение доминирующего вида искусства в контексте его массового функционирования. Литература с ее опорой на условности абстрактного мышления уступает место чувственно воспринимаемым видам искусства, оказывающим более непосредственное воздействие на реципиентов.

Модернизм с необходимостью перерастает в постмодернизм. В эпоху постмодерна наблюдается еще более радикальные изменения структуры художественного общения. Синтез и стилизация окончательно вытесняют творческую конфронтацию. Все оказывается приемлемым и возможным, даже насилие и безразличие. Вместе с тем, постмодерн - это обращение к диалогу и полилогу, принципиально отвергающее идеи

господства над природой, обществом и личностью. Более того, постмодерн восстанавливает ориентацию на индивидуальное художественное творчество, поскольку начинает считаться с традицией.

Автор окончательно утрачивает приоритет над реципиентом. Их участие уравновешивается. В ряде случаев (перформанс, концептуальное искусство) реципиент даже доминирует над автором, функция которого сводится к простой организации творчества реципиента. Искусство освобождается от особого и замкнутого пространства, оно сливается с действительностью (карнавалы, маскарады, массовые шоу). Происходит переориентация искусства: с произведения на процесс, с автора - на публику, с вечного - на настоящее. Продолжают сохраняться рыночные отношения в сфере искусства, создание произведений в соответствии со спросом, реклама и стимуляция спроса в форме "модного" искусства; в такой ситуации каждый реципиент ощущает себя полупрофессионалом в оценке. Массовые формы общения возрождаются не только на основе искусства; важнейшей их основой становятся путешествия, спорт, политика и другие зрелища. Досуг вновь возвращает свои права. Его основным наполнением также оказывается общение.

2.3. Исторические типы педагогического общения

Исследование исторических типов общения представляется важным для настоящего учебного пособия завершить описанием истории педагогических взаимоотношений людей. Обучение всегда было одним из важнейших аспектов сущности человеческого бытия. Негенетический способ трансляции и сохранения достижений культуры обеспечивается во многом как раз в ходе обучения, то есть социализации и аккумуляции новых поколений.

История педагогического общения и история педагогики неотделимы друг от друга. Первое обучение возникло вместе с человеческим обществом. Единство и функционирование человеческого общества основаны на негенетическом культурном наследии, а обучение всегда было важнейшим способом аккумуляции и трансляции этого наследия. Обучение передавало весь накопленный человечеством опыт, помогало оперативному преобразованию индивидуального опыта в видовой. В условиях жестких норм поведения традиционной культуры обучение не могло не быть функциональным и даже коммуникативным. Знание традиций, особенно устных, должно было быть четко и полно усвоено. В архаических культурах специальных институтов обучения не существовало. Обучение носило семейный и родовой характер и было по существу практическим. Его эффективности способствовали игровые формы поведения, подражание и помощь мастерам изучаемого дела. Только в древних земледельческих культурах с возникновением письменности, религиозной научной практики и резким увеличением обязательного для изучения минимума знаний потребовались специальные образовательные институты. Такие институты, как правило, получили государственную и церковную поддержку. Их выпускники занимали высокое социальное положение, становились чиновниками и жрецами (см. об этом великолепную книгу П.А. Соколова "История педагогических систем"). Обучение и воспитание не отделялись друг от друга.

Чиновники обучались в школе. В Египте дети чиновников поступали на службу по окончании школы и поднимались по служебной лестнице в зависимости от своего усердия и таланта, а также от могущества покровителей. Знать в Китае была обязана своим положением происхождению, а не образованию, однако образование ценилось высоко и было доступно почти исключительно только знати. И в Шумере, и в Вавилонии обучение не было всеобщим, тем более, что получали его обыкновенно только мальчики; изредка обучались и девочки, пропуском в школу служил достаток родите-

лей. Школьное обучение было в эту эпоху типичной формой коммуникации. Дисциплина поддерживалась в школах Шумера телесными наказаниями. Содержание образования характеризовалось единообразием, основой школьного преподавания в древней Месопотамии было зазубривание. Тем не менее, классной системы не было: начинающие сидели рядом с великовозрастными и только получали разные задания. В рамках школы родилась практическая и теоретическая наука, пришедшая на смену религиозно-художественному общению с природой.

В древней Греции образование либерализируется, но не последовательно. Обучение детей было частным, но преследовало интересы государства; религия никогда не вмешивалась в образование. Только в Риме времен империи участие государства в деле заведования народным образованием стало совершившимся фактом. Образование было всеобщим, и в эпоху пелопонесской войны неграмотных в Афинах не было. Поначалу дети воспитывались в семье, хотя женщина не играла значительной роли в воспитании своих детей, особенно мальчиков. В основном, эту роль выполняли слуги и отцы семейства. Затем мальчиков обучали в школе, палестре, гимнасии. Только в эллинистический период девочки получили доступ в школу. Обучение могло быть творческим и свободным, но могло основываться на жестокой муштре и зазубривании; в школе существовала суровая военная дисциплина. Отношения между педагогами, учителями и детьми крайне редко превращались в общение; не говоря уже о педагоге, родители тоже не стеснялись применять телесные наказания. Однако главнейшее завоевание античного образования - изменение его содержания, заключавшееся в возникновении обучения общению: учить приходилось навыку жить сообща.

В средние века воспитание вновь становится делом семьи, а не общества. Открываются епископские школы. Церковь заботилась о религиозно-нравственном просвещении народа и установила контроль над его сознанием. Монастыри являлись центрами интеллектуальной жизни Средневековья. При них создавались школы и библиотеки. Именно в монастырях получали образование женщины. В монастырских школах учились люди, сильно различающиеся и по происхождению, и по возрасту. Ученики жили одной общиной, совместно, как монахи, принимали трапезу, а их наставник был наподобие аббата. Церковь полностью контролировала любую школу; организация учебного процесса представляла собой вариант жесткой коммуникации: сообщение и диктование со стороны учителя; повторение, записывание и заучивание, до прочного запечатления со стороны учеников, хотя существовали и творческие задания. Суровая, внешняя дисциплина, с розгой и палкой во главе царилла вообще в средневековой школе. Однако в городах открываются и светские школы, причем город в овладении грамотностью намного опережал деревню. Средневековый город стал колыбелью новой школы - для мирян, для тех, кто связывал свое будущее не с церковными делами, но с повседневными заботами городской жизни; в этих школах и университетах царилла атмосфера творчества, вызывавшая зависть и враждебность со стороны церкви. Заслужил большую славу и стал надолго стереотипным методом преподавания, практиковавшийся Алкуином. Это был "вопросно-ответный метод". Важнейшим видом научного общения в средние века был устный и письменный диспут, участники которого стремились, однако, не столько понять другого, сколько доказать собственную правоту. Не только программа городских высших учебных заведений изменилась, ориентируя свое содержание не столько на изучение священного писания, сколько на изучение природы (так рождалась новоевропейская наука), но и метод преподавания стал более творческим, а отношения между участниками учебного процесса приобрели большую свободу и взаимное уважение. Все же, отношения между преподавателями школ и университетов и учениками были различными. Так, в Болонье ключевую роль в учебном процессе играли студенты и ректор, а преподаватели не только не могли голосовать на университетских собраниях, но самый учебный процесс протекал под строжайшим надзо-

ром студенческих властей, и за нарушения его профессора подвергались штрафам; в Сорбонне же, наоборот, власть принадлежала преподавателям, боровшимся за духовную независимость от епископов. Студентами являлись в большинстве люди среднего имущественного статуса, преподаватели получали разное жалование, что создавало социальный разрыв в их среде и нездоровую конкуренцию. Аналогичные университеты возникли в средневековых мусульманских городах, и к ним традиционный ислам всегда относился с недоверием и даже враждебностью.

В эпоху Возрождения произошло полное изменение средневековой сущности образования, метода, формы и дисциплины. Утрачивается однородность образования и строгость дисциплины, увеличивается творческий характер образования, оно ориентируется не на передачу знаний, необходимых для спасения души и тела, а на воспитание личности, происходит индивидуализация образования - "поиск психологических основ" для эффективного учебного процесса, для сознательного усвоения знаний. Любовь к Богу воспитывается наряду с любовью к обществу, своей нации и государству. Восстанавливаются идеи всеобщего образования, включающего все слои общества, в том числе бедняков и женщин. Вместе с тем образование в эпоху Возрождения - удел по-прежнему немногих. В образовании одним из самых действенных воспитательных средств служила розга и раз и навсегда установленный жесткий режим, продолжали существовать старые нетворческие методы обучения, среди учеников существовали отношения доминирования физически сильных над слабыми. Фактически дети оказывались полностью отданы на произвол надзирателей, существовал суровый распорядок дня, нравы воспитывались атмосферой полной изоляции от жизни.

Только в новейшее время диалогическая педагогика стала утверждаться в системе образования, воспитание уважения к другому человеку было признано одной из основных педагогических ценностей. Тем не менее, даже на исходе нового времени в Европе усадьба просвещенного помещика все еще являлась истинным оазисом культуры посреди крестьянской дикости; городские малоимущие классы зачастую не могли получить образование. Правящая верхушка стремилась отделить себя от народа уровнем образования. Однако оно все же постепенно становилось всеобщим, совместным и обязательным, а школьное обучение вытесняло домашнее. Церковь была отделена от школы, а содержание образования приобрело более практическую направленность. Новая школа ставила целью не только образовать интеллект, но и сформировать личность; ученики пользовались значительной свободой в своей частной жизни.

Контрольные вопросы

1. Дайте характеристику архаическому функциональному общению.
2. Каковы основные этапы становления архаического функционального общения?
3. Каковы основные контексты функционального общения в культуре скотоводов-кочевников?
4. Каковы основные контексты функционального общения в культуре земледельцев?
5. Каковы основные контексты немодифицированного функционального общения в культуре торговцев и ремесленников античного города?
6. Каковы основные контексты модифицированного функционального общения в культуре торговцев и ремесленников античного города?
7. Каковы основные контексты возникновения интерперсонального и ролевого общения в культуре торговцев и ремесленников античного города?
8. Каковы основные контексты немодифицированного функционального общения в народной культуре средневековья?

9. Каковы основные контексты модифицированного функционального общения в аристократической и религиозной культуре средневековья?
10. Каковы основные контексты возникновения интерперсонального и ролевого общения в культуре торговцев и ремесленников средневекового города?
11. Каковы основные контексты немодифицированного функционального общения в условиях возникающей креативной культуры?
12. Каковы основные контексты интерперсонального общения в условиях возникающей художественной и научной культуры западноевропейского Возрождения?
13. Каковы основные контексты ролевого общения в условиях социально-политической культуры западноевропейского Возрождения?
14. Каковы основные контексты модифицированного функционального общения в условиях культуры западноевропейской Реформации?
15. Каковы основные контексты классического ролевого общения в условиях социально-политической культуры эпохи западноевропейского абсолютизма?
16. Каковы основные контексты классического интерперсонального общения в условиях социально-политической культуры эпохи позитивизма?
17. Каковы основные контексты кризиса интерперсонального и ролевого общения в условиях в условиях открытого общества XX века?
18. Каковы основные контексты кризиса интерперсонального и ролевого общения в условиях тоталитарного общества XX века?
19. Каковы основные перспективы развития общения в XXI веке?
20. Каковы основные формы художественного общения?
21. Каковы основные исторические типы педагогического общения?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо отметить, что общение является средой возникновения и формирования человека, его общества и личности. Общение есть такая сфера культуры, в которой личность реализует свою сущность наиболее полно, а личность - и есть, как уже отмечалось выше, искомая сущность человека, потенциально, в качестве своеобразной цели и тенденции присутствовавшая на всех этапах истории культуры и общества, но актуально проявившаяся в условиях креативной культуры. В общении личность оказывается не только условием и средством деятельности, но и ее целью. В общении одна личность во всей полноте ее бытия приобщается с максимально возможной степенью интимности к такому же полному и потенциально бесконечному бытию другой личности. Познание есть путь личности к безличной истине. Преобразование - к такому же материальному предмету. Оценивание и художественная деятельность уже вплотную подходят к границе, разделяющей живую личность и мертвые продукты ее деятельности. Но ценность всегда слишком проста в своем смысловом составе, она - лишь стимул для личностного бытия, она сама мертва без оживляющей ее своей жизнью личности. Еще ближе к бесконечности личностного бытия художественное произведение, но и оно, несмотря на свою потенциальную смысловую бесконечность, - лишь мертвый набор форм, лишенных даже элементарного значения без интерпретации их живой личностью.

Общение непродуктивно и самым тесным образом связано с личностной природой его. Смысл общения в самом общении, не в результате, а в процессе приобщения к другому человеку. Общение, таким образом, есть некая наиболее родственная человеческой сущности среда, наиболее адекватная форма человеческого бытия. Исследование человеческой коммуникации должно, прежде всего, различить связи объектов (или субъектов и объектов), которые возможно математически описывать, и общение человека, которые возможно исследовать лишь исторически. В этой связи, может быть, следовало бы заменить в названиях курсов, имеющих претензию на объяснение проблем гуманитарного характера слово "коммуникация" на слова "общение" и "межсубъектное взаимодействие" или хотя бы дополнить его ими так, как это предложено в настоящем учебном пособии. Только тогда изучение коммуникации приобретет подлинно гуманитарный характер, а такие дисциплины, как "Теория коммуникации", "Межкультурная коммуникация", "Теория и практика связей с общественностью" получат адекватное, систематически изложенное содержание и хорошие учебные пособия.

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

1. Концепция «аналогизирующей аппрезентации» Э. Гуссерля и ее критика в истории философии XX века.
2. Диалогика М.М. Бахтина. История оппозиции категорий «Я» и «Другой» в философии XX века.
3. Концепция глубинного общения Г.С. Батищева.
4. Диалогическая философия Мартина Бубера.
5. Сигналы животных и язык человека.
6. Коммуникация и общение. Роль общения в бытии человека как уникального субъекта деятельности.
7. Общение и общественные отношения. Конкретные, контактные, дистантные и абстрактные связи между людьми.
8. Происхождение общения и происхождение человека. Язык, мышление и коллективный труд как факторы антропосоциокультурогенеза.
9. Концепция коммуникативного акта К. Шеннона и ее рецепция в истории гуманитарного и социального знания (Р. Якобсон, Ж. Дюбуа).
10. Языки общения (коды, каналы, контексты)
11. Участники общения (субъекты, квазисубъекты, субъективированные объекты).
12. Типы функционального общения.
13. Типы интерперсонального и ролевого общения.
14. Критерии истории общения. История общения и история общества и культуры.
15. Концепция истории диалога В.С. Библера и О. Розенштока-Хюсси.
16. Общение и игра.
17. Общение и ритуал.
18. Концепции общения в русской религиозной философии (Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, В.С. Соловьев).
19. Антропологический принцип философии и концепция общения Людвиг Фейербаха.
20. Экзистенциализм и персонализм о видах общения (Г. Марсель, Ж.-П. Сартр, Э. Мунье).
21. Политическое общение и коммуникация.
22. Семейное общение.
23. Досуг и общение.
24. Труд, познание и общение.
25. Сакральное и художественное общение.
26. Язык, письмо, книга и компьютер в концепции истории каналов общения Малкольма Маклюэна.
27. Философские и психологические методы исследования общения.
28. Практическое, символическое и практико-символическое общение.
29. Общение и деятельность.
30. Онтогенетические аспекты общения.

ПРАВИЛА ВЫПОЛНЕНИЯ КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЫ

Контрольная работа проводится по итогам изучения курса.

В отличие от экзаменационных вопросов, имеющих проблемный характер, контрольные вопросы сформулированы конкретно и требуют однозначного ответа.

В конце каждого раздела представлены вопросы, на которые студент должен ответить в контрольной работе. Предполагается, что в группе обучается не более двадцати одного человека. В таком случае в соответствии со списком студентов, устроенном по алфавитному порядку, каждый студент выбирает два вопроса – по одному из вопросов первого и второго раздела. Студент, чья фамилия в списке стоит первой, выбирает 1-й вопрос первого раздела и 21-й – второго. Студент, чья фамилия стоит второй, - 2-й вопрос первого раздела и 20-й – второго, соответственно. Каждый следующий студент выбирает вопросы, руководствуясь этим же правилом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Василик М.А. Основы теории коммуникации. Учебник. – М.: Гардарики, 2003. — 615 с.
2. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2011. – 288 с.
3. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
4. Николаева Ж.В. Основы теории коммуникации. Учебно-методическое пособие. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004. – 274 с.
5. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации – М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
6. Сухорукова Н.Г. Основы теории коммуникации: Учебно-методический комплекс. – Новосибирск: НГУЭУ, 2006. – 195 с.
7. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. Учебник. – М.: Социальные отношения, 2002 г. – 246 с.

Дополнительная литература

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. - М.: Наука, 1977. - 320 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. - Л.: Издательство ЛГУ, 1968. - 340 с.
3. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. - СПб.: Алетейя, 1999. - 432 с.
4. Аристотель Сочинения: В 4 т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. - 832 с.
5. Афанасьев В.Г. Человек как система и система деятельности человека // Социологические исследования. № 4. - 1976. - С. 24 - 33.
6. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. - Л.: Наука, 1983. - 192 с.
7. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: "за" и "против". - М.: Прогресс, 1975. - С. 114 - 163.
8. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. - М.: Радуга, 1983. - С. 326 - 333.
9. Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // Диалектика общения. Гносеологические и мировоззренческие проблемы. - М.: Издательство института философии АН СССР, 1987. - С. 4 - 52.
10. Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. - М.: Искусство, 1990. - 414 с.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. - 424 с.
12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М.: Художественная литература, 1990. - 544 с.
13. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. - Киев: Next, 1994. - 384 с.
14. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. - Киев: Next, 1994а. - 512 с.
15. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. - М.: Academia, 1999. - 956 с.
16. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. - М.: Республика, 1994. - 480 с.
17. Бибихин В.В. Общение до языка // Диалектика общения. Гносеологические и мировоззренческие проблемы. - М.: Издательство института философии АН СССР, 1987. - С. 110 - 125.
18. Библер В.С. Итоги и замыслы. Конспект философской логики культуры // Вопросы философии. № 5. - 1993. - С. 75 - 93.
19. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. - М.: Искусство, 1971. - 543 с.
20. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. - М.: Наука. 1993. - 320 с.
21. Боннар А. Греческая цивилизация. - М.: Искусство, 1995. - 672 с.
22. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV - XVIII вв.

- Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. - М.: Прогресс, 1986. - 624 с.
23. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV - XVIII вв.
- Т. 2. Игры обмена. - М.: Прогресс, 1988. - 632 с.
24. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV - XVIII вв.
- Т. 3. Время мира. - М.: Прогресс, 1992. - 680 с.
25. Бубер М. Я и Ты. - М.: Высшая школа, 1993. - 176 с.
26. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. - М.: Прогресс, 1993. - 504 с.
27. Вальденфельс Б. Мотив чужого. - Минск: Пропилеи, 1999. - 176 с.
28. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. - М.: Прогресс, 1986. - 400 с.
29. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. - М.: Галарт, 1994. - 296 с.
30. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - М.: Наука, 1980. - 256 с.
31. Гумилев Л.Н. Хунну: Степная трилогия. - СПб.: Тайм-аут, 1993. - 224 с.
32. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. - Л.: Искусство, 1984. - 350 с.
33. Гуссерль Э. Картезианские размышления. - СПб.: Наука, 1998. - 320 с.
34. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. - М.: Наука, 1980. - 416 с.
35. Декарт Р. Сочинения: В 2т. Т. 1. - М.: Мысль, 1989. - 656 с.
36. Декарт Р. Сочинения: В 2т. Т. 2. - М.: Мысль, 1994. - 640 с.
37. Деррида Ж. О грамматологии. - М.: Ad Marginem, 2000. - 512 с.
38. Дидерикс Г.А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. - М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. - 432 с.
39. Докучаев И.И. Феноменология знака. Психические, социальные и культурные аспекты семиозиса. - СПб.: Издательство РГПУ им. А.И.Герцена, 1999. - 176 с.
40. Докучаев И.И. Введение в историю общения. Историография и методология решения проблемы. - СПб.: Издательство РГПУ им. А.И.Герцена, 2001. - 174 с.
41. Докучаев И.И. Введение в историю общения. Исторические типы общения. - СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. - 232 с.
42. Домострой. - СПб.: Наука, 1994. - 400 с.
43. Дубровский Д.И. Проблема идеального. - М.: Мысль, 1983. - 228 с.
44. Дьяконов И.М. Люди города Ура. - М.: Наука, 1990. - 432 с.
45. Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. - М.: Прогресс, 1986. - 392 с.
46. Дюркгейм Э. Социология. - М.: Канон, 1995. - 352 с.
47. Зайцев А.И. Культурный переворот в древней Греции VIII - V веков до нашей эры. - Л.: Издательство ЛГУ, 1985. - 208 с.
48. Ильяева И.А. Культура общения. Опыт философско-методологического анализа. - Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. - 168 с.
49. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. - М.: Наука, 1983. - 432 с.
50. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. - М.: Наука, 1986. - 576 с.
51. История первобытного общества. Эпоха классового общества. - М.: Наука, 1988. - 568 с.
52. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). - М.: Политиздат, 1974. - 328 с.
53. Каган М.С. Общение как предмет междисциплинарного научного исследования // Общение и культура личности. - Томск: Издательство Томского университета, 1984. - С. 3 - 19.
54. Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. - М.: Политиздат, 1988. - С. 250.
55. Каган М.С. Философия культуры. - СПб.: Петрополис, 1996. - 416 с.
56. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры: В 2 кн. Кн. 1. - СПб.: Петрополис, 2000. - 368 с.

57. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры: В 2 кн. Кн. 2. - СПб.: Петрополис, 2001. - 320 с.
58. Кант И. Критика чистого разума. - СПб.: Тайм-аут, 1993. - 478 с.
59. Кинжалов Р.В. Культура древних Майя. - Л.: Наука, 1971. - 364 с.
60. Кнабе Г.С. Древний Рим - история и повседневность. - М.: Искусство, 1986. - 208 с.
61. Кречмар А. О понятийном аппарате социологической концепции личности // Социальные исследования. Вып. 5. - М.: 1970. - С. 77 - 88.
62. Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М.: Наука, 1985. - 536 с.
63. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М.: Прогресс, 1992. - 376 с.
64. Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. Т. 1. - М.: Мысль, 1982. - 640 с.
65. Леонтьев А.А. Психология общения. - М.: Смысл, 1999. - 368 с.
66. Леонтьев А.Н. Эволюция психики. - М.: Издательство МПСИ, 1999. - 416 с.
67. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М.: Издательство МГУ, 1972. - 576 с.
68. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи или поэзии. - М.: Художественная литература, 1957. - 520 с.
69. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. - СПб.: Алетейя, 1998. - 160 с.
70. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. - СПб.: Владимир Даль, 2001. - 336 с.
71. Лихачев Д.С., Панченко А.М. "Смеховой мир" Древней Руси. - Л.: Наука, 1976. - 204 с.
72. Ломов Б.Ф. Категория общения и деятельности в психологии // Вопросы философии. № 8. - 1979. - С. 34 - 47.
73. Лопатин Л.М. Аксиомы философии. - М.: РОССПЭН, 1996 - 560 с.
74. Лотман Ю.М. Собрание сочинений: В 3т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. - Таллин: Александра, 1992. - 479 с.
75. Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. - СПб.: Университетская книга, 1997. - С. 681 - 702.
76. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - М.: Политиздат, 1988. - 576 с.
77. Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения. - М.: Знание, 1977. - 86 с.
78. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. - СПб.: Наука, 1999. - 608 с.
79. Монте П. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. - М.: Палимпсест, 2000. - 480 с.
80. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. - М.: Восточная литература, 1996. - 360 с.
81. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. - М.: Издательство РГГУ, 1997. - 204 с.
82. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. - Л.: Наука, 1984. - 208 с.
83. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. - М.: Политиздат, 1971. - 352 с.
84. Парыгин Б.Д. Анатомия общения. - СПб.: Издательство Михайлова В.А., 1999. - 300 с.
85. Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. - М.- СПб.: Университетская книга, 2000. - 608 с.
86. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. - М.: Педагогика, 1973. - 424 с.
87. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. Философские основы мировоззрения: В 3 ч. Ч. III. Антропология. Человек и Мир: укоренена ли Вселенная в Человеке. - СПб.: Петрополис, 1999. - 288 с.
88. Сайко Э.В. О природе и пространстве "действия" диалога // Социокультурное пространство диалога. - М.: Наука, 1999. - С. 9 - 32.
89. Соковнин В.М. О природе человеческого общения. - Фрунзе: Мектеп, 1973. - 116 с.

90. Соколов П.А. История педагогических систем. - СПб.: Издательство О.В.Богдановой, 1913. - 620 с.
91. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. - 432 с.
92. Тугаринов В.П. Философия сознания (Современные вопросы). - М.: Мысль, 1971. - 232 с.
93. Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. - М.: Наука, 1983. - 232 с.
94. Фихте И.Г. Сочинения: В 2т. Т. 1. - СПб.: Мифрил, 1993а. - 688 с.
95. Фихте И.Г. Сочинения: В 2т. Т. 2. - СПб.: Мифрил, 1993. - 800 с.
96. Фицджеральд С.П. Китай: Краткая история культуры. - СПб.: Евразия, 1998. - 458 с.
97. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. - М.: Магистериум Касталь, 1996. - 446 с.
98. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. - М.: Республика, 1996. - 480 с.
99. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. - М.: Республика, 1996а. - 448 с.
100. Фукс Э. Erotica. Ренессанс: Буйство плоти. Интимный мир эпохи. - М.: Диадема-Пресс, 2001. - 800 с.
101. Хайдеггер М. Бытие и время. - М.: Ad Marginem, 1997. - 452 с.
102. Чертов Л.Ф. Знаковость. Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. - СПб.: Издательство СПбГУ, 1993. - 382 с.
103. Шафф А. Введение в семантику. - М.: Иностранная литература, 1963. - 376 с.
104. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. - М.: Иностранная литература, 1963. - 316 с.
105. Энциклопедия хороших манер. - СПб.: Диамант, 1996. - 510 с.
106. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. - М.: Иностранная литература, 1959. - 432 с.
107. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". - М.: Прогресс, 1975. - С. 193 - 230.
1. Дэнс Ф. - Dance F.E.X. The "Concept" of Communication // Journal of Communication. Vol. 20. № 2. - 1970. - P. 201 - 248.
2. Эбнер Ф. - Ebner F. Gesammelte Werke. Bd. 1. Das Wort und die geistigen Realitäten (Pneumatologische Fragmente). - Wien: Herder, 1952. - 362 s.
3. Ясперс К. - Jaspers K. Philosophie. Bd. 1. - Berlin: J.Springer, 1932. - 340 s.
4. Кристеллер П. - Kristeller P.O. Studies in Renaissance thought and letters. - Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1956. - 680 p.
5. Ландгребе Л. - Landgrebe L. Factizität und Individuation. Studien zu den Grundfragen der Phänomenologie. - Hamburg: L.Voss, 1982. - 644 s.
6. Маклюэн М. - McLuhan M. Gutenberg Galaxy: The making of typographic man. - Toronto: Routledge and Kegan Paul, 1962. - 294 p.
7. Мамфорд Л. - Mumford L. The Myth of the Machine. - New-York: Secker and Warburg, 1967. - 342 p.
8. Рэдклифф-Браун А.Р. - Radcliffe-Brown A.R. The Sociological Theory of Totemism // Structure and Function in Primitive Society. - Glencoe: III, 1952. - P. 120 - 168.
9. Розенцвейг Ф. - Rosenzweig F. Der Stern der Erlösung. - Frankfurt-a.-M: Verlag J.Kauffmann, 1921. - 532 s.
10. Штерн В. - Stern W. Person und Sache. Bd. 1. - Leipzig: J.A.Barth, 1906. - 434 s.
11. Шцюц А. - Schütz A. Der sinnhalte Aufbau der sozialen Welt. - Wien: J.Springer, 1932. - 286 s.
12. Теннис Ф. - Tönnies F. Gemeinschaft uund Gesellschaft. - Berlin: Verlag Klaus Wagenbach, 1920. - 254 s.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ТЕОРИЯ МЕЖСУБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОБЩЕНИЯ И КОММУНИКАЦИИ	8
1.1. Онтологический и культурологический статус общения.....	8
1.2. Структура коммуникативного акта и история общения.....	24
1.3. Исторические и источниковедческие основания истории общения.....	40
Контрольные вопросы.....	51
2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОБЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ. ОБЩЕНИЕ И КОММУНИКАЦИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ	52
2.1. Функциональное общение в традиционной культуре	52
2.2. Ролевое и интерперсональное общение в креативной культуре.....	73
2.3. Исторические типы педагогического общения	94
Контрольные вопросы.....	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	98
ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ.....	99
ПРАВИЛА ВЫПОЛНЕНИЯ КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЫ	100
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	101
Дополнительная литература	101